

902.6(Д)

А 87

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ им. Г. ЦАДАСЫ

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО
ДАГЕСТАНА**

Махачкала
1977

902.6(Д)

А 87

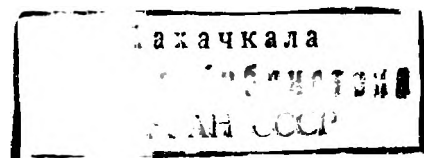
ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ им. Г. ЦАДАСЫ

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО
ДАГЕСТАНА**

Махачкала
1977

Ответственный редактор
М. Г. МАГОМЕДОВ

87034

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник является очередным томом МАД, в котором вводятся в научный оборот новые археологические материалы из раннесредневековых памятников Дагестана.

Сборник открывается статьями Магомедова М. Г., посвященными Верхнечирюртовскому курганному могильнику, в которых вводятся в научный оборот обширные материалы, полученные в результате раскопок 1969—1974 годов на некрополе Верхнечирюртовского городища. В них дается обстоятельная характеристика погребальных сооружений и богатых коллекций этого незаурядного памятника, сопоставляемого с погребениями наиболее привилегированной части населения древней хазарской столицы. Анализируя конструктивные особенности погребений, ритуала захоронений, а также разнообразный по назначению погребальный инвентарь могильника, автор на фоне широких аналогий обосновывает датировку могильника — VII—VIII вв.—и хазарскую принадлежность подкурганых захоронений.

Статья М. П. Абрамовой посвящена разбору материалов Большого Буйнакского кургана, раскопанного еще дореволюционными исследователями. Материалы из памятника хранятся в фондах Государственного исторического музея в Москве и до сего времени полностью не были введены в научный оборот. Автор дает обстоятельную их характеристику и на основе широких аналогий обосновывает новые хронологические рамки погребений III—V вв. В данном сборнике публикуется первый раздел статьи, посвященной разбору погребального обряда Буйнакского кургана

Статья А. А. Кудрявцева «Раскопки богатого средневекового здания в Дербенте» посвящена строительным и архитектурным остаткам жилого помещения VIII—XIII вв., раскопанного в Дербенте в 1971—1972 гг. Хорошо сохранившиеся остатки здания, многочисленные и яркие керамические комплексы, а также предметы вооружения и украшения из металла и кости дают представление о классовом и социально-

экономическом развитии средневекового Дербента и о его широких связях со странами Востока и Закавказья.

Статья М.-Г. А. Гаджиева посвящена эволюции овцеводческого хозяйства народов Южного Дагестана. В ней на основе археологического и этнографического материала делается попытка проследить место и значение овцеводства в хозяйстве Южного Дагестана, а также закономерности и этапы его развития.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

М. Г. МАГОМЕДОВ

ВЕРХНЕЧИРЮРТОВСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК

Среди многочисленных археологических памятников Северо-Восточного Дагестана, культура которых связана с оседавшими здесь кочевниками, наиболее значительным является Верхнечирюртовское городище, расположенное у пролома приморских хребтов, через который р. Сулак вырывается на равнину. Городище занимало стратегически важное место на прикаспийском пути, бывшем основной магистралью кочевников для вторжения в страны Закавказья и Переднего Востока. Протянувшись до 1 км вдоль обоих берегов реки, городище стояло у выхода из Чирюртовской долины, естественно защищенной с трех сторон отрогами предгорных хребтов. С открытой приморской стороны оно было укреплено массивными оборонительными сооружениями.

Сведения древних письменных источников, наряду с обширными археологическими материалами, выявленными в процессе исследования Верхнечирюртовского городища, позволяют отождествлять его остатки с ранней столицей Хазарии — городом Беленджер¹. К его остаткам примыкают несколько одновременных грунтовых и курганных могильников, отражающих этническую и социальную нестроту обитателей города (рис. 1).

Могильник № 1 площадью 1 га был расположен к югу от городища, в 800 м к востоку от сел. Верхний Чирюрт Кизилюртовского района. Он занимал склоны небольшого холма, окруженного с трех сторон оврагами. С четвертой — южной стороны, упирался в подножие приморских хребтов, вытянутых в меридианальном направлении, на расстоянии 500—600 м от правого берега Сулака.

В процессе двухлетних работ 1957—1958 гг. экспедицией под руководством Н. Д. Путинцевой здесь раскопано более 100 могил, которые по типам погребальных сооружений подразделяются на три группы². Наиболее многочисленную составляют катакомбы, затем следуют грунтовые могилы и, наконец, несколько захоронений в ямах с подбоями.

¹ М. Г. Магомедов. Древние политические центры Хазарии. СА № 3. М., 1975, стр. 63.

² Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник (предварительное сообщение), МАД, т. II. Махачкала, 1961, стр. 218.

На могильнике исследовано 70 катакомб. Они представляли собой подземные погребальные сооружения, вырытые в твердом суглинке на глубине 0,7—1,3 м от поверхности, и состояли из дромоса и погребальной камеры. Трапецевидные в плане дромосы достигали в среднем 1,7 м длины и 0,8 м ширины. Погребальные камеры сооружались в продольной, расширяющейся к основанию, стенке дромоса и имели овальные, круглые или подчетыреугольные в плане очертания, размерами 1,8×0,9×0,65 м. Зафиксировано несколько случаев, когда погребальные камеры сооружались в обеих поперечных стенках дромосов; иногда в одной из длинных стенок устраивался подбой³. Входы в камеры прикрывались плитами или закладывались стеной из валунов. Валунными зачастую были забутованы и дромосы камер. Ориентация камер и дромосов различная, однако преобладают камеры с ориентацией СВ—ЮЗ, а дромосы — СЗ—ЮВ. В катакомбах обнаруживалось от 1 до 7 погребенных, вытянутых на спине, преимущественно головой на СВ или СЗ.

Грунтовых могил раскрыто около 30. Они сооружались на глубине 0,75—0,9 м, имели вытянуто четырехугольные очертания и подобно катакомбам сооружены без определенной ориентации.

Третий тип погребальных сооружений могильника представлен тремя погребениями в подбоях, вдоль длинной стенки прямоугольных ям.

Топография всех трех типов погребальных сооружений свидетельствует о тесной этно-культурной связи между ними, хотя грунтовые погребения и погребения в подбоях были расположены изолированно, в южной части могильника⁴.

Погребальный инвентарь всех трех типов могильных сооружений в основном одинаков, различие только в количестве и ценности.

Могильник № 2 выявлен в 0,5 км к югу от Верхнечирюртовского городища и могильника № 1. Он был расположен на южной стороне древнего оврага, теперь заполненного Чирюртовским водохранилищем. Могильник занимал обширную платформу правого берега реки, изрезанную боковыми лощинами. С запада он ограничен берегом водохранилища, а с востока новой автодорогой. Размеры его около 450×300 м. В отличие от могильника № 1, располагавшегося на окраине городища, могильник № 2 несколько удален от него и находится на другой стороне древнего оврага, служившего естественной защитой городища с южной стороны. Их взаиморасположение обусловлено социальными причинами.

Всего на могильнике в течение 1972—1973 гг. исследовано 42 погребения.

³ Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник (предварительное сообщение), МАД, т. II. Махачкала, 1961, стр. 248.

⁴ Там же, стр. 252.

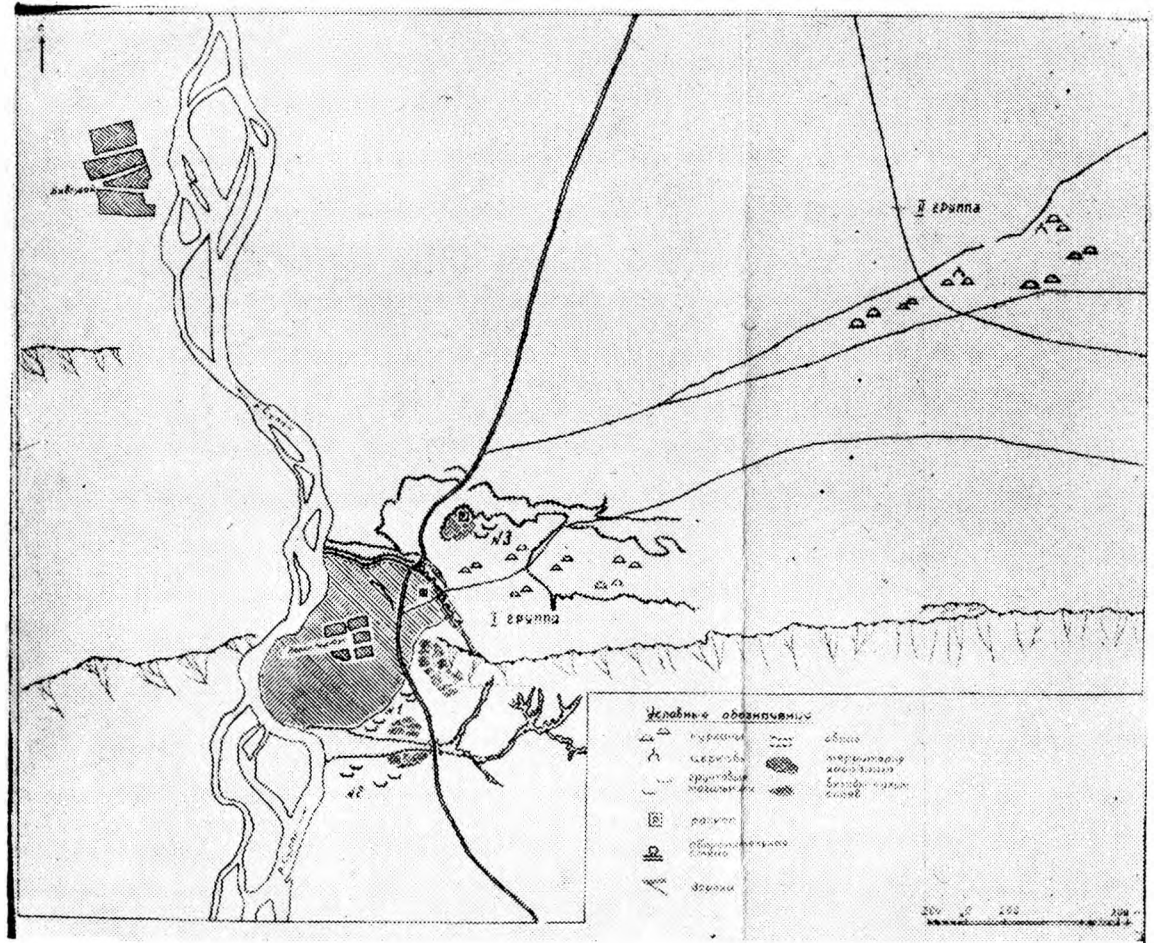

Рис. 1. План Верхнечирчуртовского городища и могильников. Цифры на плане обозначают номера могильников.

Условные обозначения: 1 — курганы; 2 — деревянные церкви; 3 — прунтовые могильники; 4 — раскоп; 5 — оборонительные стены; 6 — дороги; 7 — овраг; 8 — территория городища; 9 — выходы культурных слоев.

Ведущим типом погребальных сооружений могильника выступает также подземная катакомба различной ориентации, состоящая из небольшой камеры и дромоса, забутованного валунами.

Подбойные захоронения могильника представлены 12-ю погребениями. Смешанное расположение этих двух типов погребальных сооружений на могильнике, где также зафиксированы случаи устройства подбоев в поперечных стенках дромосов катакомб, свидетельствует об их генетической взаимосвязи. На это указывает и в целом одинаковый по характеру погребальный инвентарь, выявленный в них.

Могильник № 3 располагался на северо-восточной окраине городища, за пределами его крепостных стен. Он занимал площадь небольшой прибрежной платформы, размерами 75×75 м, ограниченной с двух сторон глубокими оврагами. Здесь были исследованы 4 полуразрушенных погребения, расположенных вдоль склонов оврага. Плохая их сохранность не позволяет точно воссоздать первоначальный облик погребальных конструкций. Погребения имели вытянутые с запада на восток овальные очертания. Вдоль их юго-восточных бортов сохранилась обкладка из речных валунов, что позволяет предположить катакомбный или подбойный характер бытовавших здесь сооружений. О подобной их конструкции свидетельствовало и относительно лучше сохранившееся одно из этих погребений. Костяк здесь лежал в подбое, устроенном вдоль ямы 2-метровой глубины и был прикрыт тремя плитами. Ориентация погребенных также неустойчива. Беден и погребальный инвентарь. Два из четырех исследованных здесь погребений детские.

Таким образом, по принципу устройства погребальных сооружений и особенно по характеру представленного в них инвентаря, все три исследованных могильника мало чем отличаются друг от друга. Основным типом их погребальных сооружений является катакомба и реже грунтовые и подбойные могилы, в устройстве которых также больше общего с катакомбой, чем различий. Они являются как бы упрощенным вариантом катакомб. В этих несущественных, на наш взгляд, особенностях отразились, вероятно, не столько этнические или хронологические, сколько социальные и половозрастные различия погребенных. Наиболее ярко об этом свидетельствует погребальный инвентарь. В отличие от могильника № 1 два последних не только удалены от городища, но и выделяются разительной бедностью выявленного на них инвентаря — основная масса захороненных не имела его совсем. Незначительные украшения (пряжки, подвески), обнаруженные в отдельных погребениях, нельзя сравнить ни по количеству, ни по художественному богатству с инвентарем, выявленным на первом могильнике. Объяснить это обстоятельство можно, очевидно, лишь социальными причинами. В этих могильниках погребены, видимо, наиболее бедные слои городского насе-

ления, чем можно объяснить и наличие здесь наибольшего количества детских захоронений.

Курганный могильник. На фоне этих грунтовых могильников резко выделяется Верхнечирюртовский курганный могильник. Он примечателен обширными размерами и сложностью устройства погребальных камер. Могильник простирается более чем на 3 км на восток от оборонительных стен городища, образуя две изолированные древними оврагами, растянутые курганные группы у подножия приморских хребтов, с северной их стороны. Подобная расчлененная и несколько растянутая конфигурация могильника обусловлена рельефом местности. На всем его протяжении залегают плотные пласты материковой глины, удобные для устройства в них подземных сооружений типа катакомб. К югу могильника протянулись скальные выходы и отроги приморских хребтов, а к северу залегают пласты речной гальки, где сооружен ряд карьеров по добыче щебня. Эти особенности древних отложений местности и определили форму могильника, на котором сохранилось и большое количество курганов. Однако многие из них нивелированы с окружающей местностью до такой степени, что тщательная их фиксация была затруднительна.

Описание курганов дается не в порядке последовательности их раскопок, а по группам. В каждой группе своя порядковая нумерация.

I группа. Курганы этой группы занимали несколько покатую поверхность у подножия приморских хребтов, ограниченную с запада оборонительными стенами Верхнечирюртовского городища и с востока глубокими оврагами. Наиболее массивные курганы достигали 3—4 м высоты и 30—50 м в диаметре. Они имели на вершинах воронкообразные углубления, свидетельствующие об их ограблении. Мелкие курганы составляли 0,5 м высоты и около 10—15 м в диаметре и группировались вокруг крупных.

Курган № 1. Возвышался в 25 м к востоку от въезда на городище. Оплывшая насыпь кургана достигала 16 м в диаметре при высоте 2 м и представляла собой плотно слежавшийся комковатый суглинок. Под основанием насыпи прослеживалось скопление мелкого рваного камня — выброса из забутовки дромоса. Дромос камеры, как и во всех остальных, был вытянут и слегка расширялся к северу. Сверху он был наполнен рыхлой землей, а снизу рваным камнем и булыжником до 1,2 м высоты. Размеры дромоса: длина — 3,8 м, ширина в средней части — 1,5 м, глубина 3,0 м. Основание его у входа в камеру расширялось до двух метров. Перед камерой сохранялась полуразобранная грабителями стена 0,4 м высотой и 0,9 м толщиной, сложенная горизонтальными рядами из рваного известняка на глиняном растворе.

Погребальная камера его и всех остальных исследованных здесь курганов сооружена в плотных слоях материковой глины под северной

стеной дромоса. Она была заполнена интенсивно перемешанными землей, углем, костями, в том числе обломками черепа погребенного. Здесь найдено несколько невыразительных железных фрагментов: мелкие обломки однолезвийной сабли, наконечника трехлопастной черешковой стрелы и кнопковидного небольшого изделия.

Четырехугольная, вытянутая в плане камера достигала 2,6 м длины с запада на восток, при ширине — 1,3 м. Высота сводчатого потолка — 1,2 м. Вход в нее имел также сводчатую форму и достигал 0,9 м ширины. На стенках дромоса и самой камеры сохранились следы орудия 10-сантиметровой ширины, которым они сооружались.

Курган № 2 располагался к востоку от предыдущего. Насыпь его достигала 17 м в диаметре при высоте 1,4 м. Дромос имел до 4,5 м длины и 4 м глубины у входа в камеру; ширина его в средней части 1,5 м. Заполнен дромос был суглинком вперемешку с камнями, костяной и камышовой трухой, золой и углем.

У входа в камеру сохранились остатки полуразрушенной грабителями стены, возведенной из сырцовых кирпичей, размерами 40×20×10 м на глиняном растворе. Ширина стены 0,6 м, сохранившаяся высота — 0,5 м. Погребальная камера имела вытянутую с запада на восток подчетырехугольную форму, размерами 3,3×1,7 м и на 0,4 м ниже дна дромоса; высота сводчатого потолка 1,2 м. Инвентарь не сохранился.

Курган № 37 был расположен на восточной окраине курганной группы, в 600 метрах от оборонительных стен городища. Насыпь кургана имела вытянутые к северу, оплывшие очертания и достигала 1,3 м высоты и 17 м в диаметре.

Дромос имел форму трапеции, вытянутой с юга на север на 8 м. Ширина его 0,75 м с южной стороны и 1,6 м с северной. Он расширялся и у входа в камеру. Дромос был заполнен рыхлой землей, встречались и разбросанные кости животных, с наибольшим скоплением у входа в камеру. Среди них были остатки лошадиного черепа и копыт (7 экз.), что свидетельствует о погребении здесь двух коней.

У входа в камеру сохранились остатки полуразрушенной стены, возведенной из рваного камня на глиняном растворе. Она достигала 1,2 м толщины и сооружена на всю ширину дромоса. У стены обнаружены фрагменты различных железных изделий: обрывки кольчуги и обломки железных пряжек, а также костяная пряжка от пут. Остатки погребального инвентаря обнаружены и у выхода из камеры, где они лежали вперемешку с камышовой трухой и фрагментами костей погребенного.

Из вооружения сохранилось несколько железных трехлопастных черешковых наконечников стрел, обрывки кольчуги, фрагменты сабли и ножа. Среди украшений примечательна золотая подвеска, серебря-

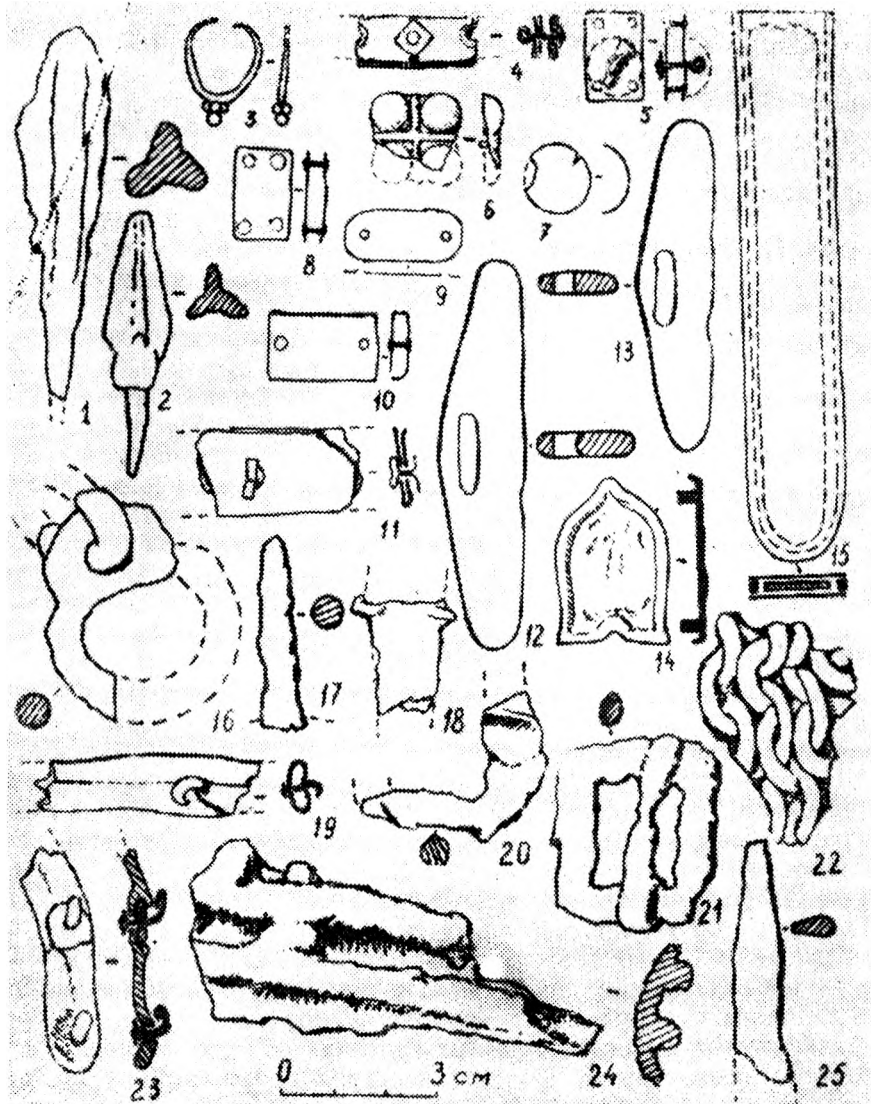

Рис. 2. Погребальный инвентарь из кургана № 37:

1, 2 — стрелы; 3 — сэрьга; 11, 19, 23 — обрывки конской сбруи с бронзовыми заклепками; 12, 13 — костяные застёжки конских пут; 15 — гладкий наконечник ремня (пунктиром показаны боковая пластинка и остатки кожи); 16 — кольца удила и другие предметы; 1, 2, 16—18, 20—25 — железо; 3 — золото; 4—10, 14 — бронза; 12, 13 — кость; 11, 19, 23 — кожа; 15 — серебро.

ный наконечник ремня и другие поясные накладки и бляшки из серебра и бронзы. Сохранились здесь и обрывки конской сбруи из сыромятной кожи, пронизанные бронзовыми петельками, к которым были припаяны различные ажурные бляшки; две костяные и две железные подпружные пряжки, а также остатки кольчатых удил или седельных колец (рис. 2). Погребальная камера, вытянутая с запада на восток, имела овальные очертания, длиной 3 м, шириной — 1,9 м и высотой 1,8 м. Пол камеры углублен по отношению дна дромоса на 0,6 м.

Курган № 47 был расположен среди изолированной группы, отрезанной от остального могильника древними оврагами, и выделялся небольшими размерами. Диаметр его насыпи — 9 м, высота — 0,8 м. Дромос, вытянутый на 4 м с юга на север имел трапециевидную форму, шириной у входа в камеру 1,2 м. Остатки стены у камеры сооружены из рваного известняка на глиняном растворе. Длина камеры — 2,4 м, ширина — 1,7 м и высота сводчатого потолка — 1,2 м. Она также углублена по отношению дна дромоса. В камере сохранились лишь остатки развалившегося детского черепа.

Курган № 49 выделяется крупными размерами. Диаметр насыпи достигал 22 м, высота — 1,7 м. Ширина дромоса, вытянутого на 5 м, с южной стороны — 0,8 м, с северной — 1,6 м. Основание дромоса было забутовано рваным камнем, слой которого утолщался до высоты сводчатого входа в камеру. Толщина стены у входа достигала 1 м, ширина — 2 м. Стена сохранилась почти полностью, выбрано лишь несколько камней в средней части.

По всей площади камеры, и особенно у выхода скопились кучи перемешанных слоев угля, древесной, костяной и камышовой трухи, а также фрагменты костей, лежащих вперемешку с остатками погребального инвентаря и обломками черепа. Кости и скопление трухи свидетельствовали, что камера предназначена для одиночного погребения. Об этом же говорила глубина и тщательность, с какой был замурован вход в камеру, исключавшие возможность вторичных захоронений. Привлекало внимание обилие в камере камышовой трухи, которая использовалась в качестве настила. Возможно также, что погребенный лежал в гробу из камыша, как это встречалось и в некоторых других погребениях. Древесная труха, скопившаяся у выхода из камеры, могла относиться к остаткам истлевшего седла, поскольку здесь же находились фрагменты двух массивных железных пряжек, предназначенных для крепления подпружных ремней, и истлевшие обрывки сбруи.

Остатки инвентаря представлены предметами вооружения. Среди них обломки однолезвийной сабли, ножей, наконечника копья. Наконечники стрел — двух разновидностей. Один из них пулевидной формы, остальные трехлопастные. Защитное вооружение сохранилось в виде нескольких обрывков спрессовавшейся кольчуги. Из украшений выде-

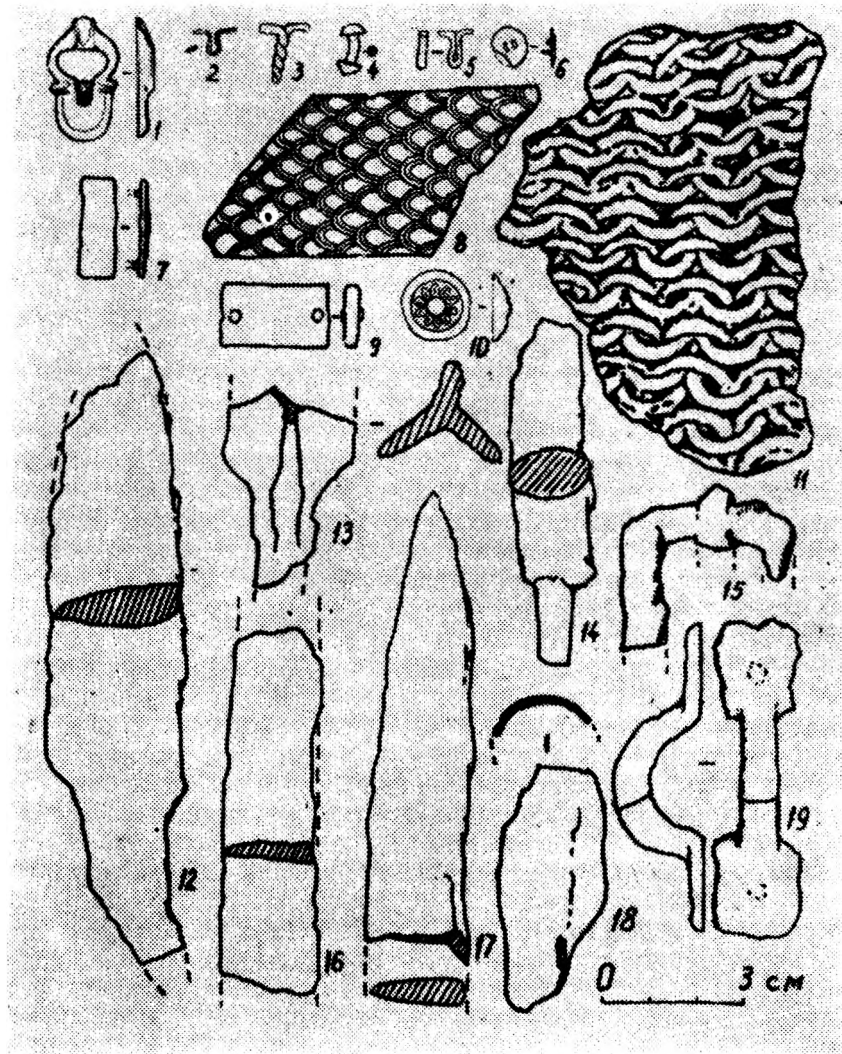

Рис. 3. Погребальный инвентарь из кургана № 49:

1, 8, 10 — предметы из золотого листка со штампованным орнаментом; 11 — обрывок кольчуги; 12, 16, 17 — обломки ножей и сабли; 13, 14 — наконечники стрел; 15 — подпружная пряжка; 18 — втулка копья; 19 — скоба колчана и другие предметы; 1, 8, 10 — золото; 2-6 — бронза; 7, 9 — серебро; 11-19 — железо.

ляется небольшая золотая пряжка и обрывок золотой фольги, покрытый штампованным орнаментом в виде чешуи рыбы. Фольгой, очевидно, украшалась лука седла. Пятью штампованными золотыми бляшками небольших размеров представлены украшения, которые с помощью бронзовых петелек крепились к поясу или к снаряжению коня. В камере выявлены также поясные накладки и большое количество мелких петелек, заклёпок, скоб и прочего, изготовленных из бронзы и серебра (рис. 3).

Поперечная южная стенка дромоса, достигающего 5 м глубины, прорыта под небольшим углом, для сооружения небольших ступеней.

Несколько отличается по устройству и погребальная камера, вытянутых к востоку очертаний. Длина ее — 3 м, ширина — 2 м и высота — 1,7 м. По форме она напоминает кибитку с округло-сводчатым потолком, которая расширяется внутрь. У выхода из камеры сохранились две боковые небольшие пиши, которые, возможно, предназначались для установки сидения. Внутренний интерьер камеры напоминает форму кибитки, в которой протекала, очевидно, земная жизнь погребенного, и в которой его проводили в последний путь.

Судя по обнаруженному в камере инвентарю, она принадлежала знатному воину. Об этом свидетельствуют массивные размеры погребального сооружения и та тщательность, с какой произведено само захоронение.

II группа курганов. Вторая группа курганов простирается на восток от древнего оврага, на протяжении более 2 км. В результате систематической вспашки территории древнего могильника большинство курганных насыпей нивелировались с окружающей местностью и были обнаружены лишь при сооружении подстанции Чиркейской ГЭС. Несколько лучших сохранились курганы, расположенные к востоку от подстанции; наиболее выделялись курганы на восточной окраине могильника. Некоторые из них достигали 40-50 м в диаметре и 4-5 м высоты.

В этой группе раскопано наибольшее количество курганов, поскольку они разрушались в процессе сооружения здесь резервуаров Чирюртовского химзавода и подъездной дороги к ним.

Курган № 1 был расположен на восточной окраине могильника. Оплывшая насыпь кургана составляла 18 м в диаметре при высоте — 1 м. Дромос достигал 4 м длины при ширине — 1,3 м. Стена у входа в камеру была сооружена из рваного известняка на глиняном растворе. Она сохранилась непо потревоженной на всю высоту входа в камеру, которая ограблена через шурф, пробитый перпендикулярно к погребальной камере. Камера имела овально-выгнутую к востоку форму. Раз-

меры камеры — длина — 2,8 м, ширина — 1,7 м и высота сводчатого потолка — 1,2 м. На полу ее лежали фрагменты костей, также камышовая и костяная труха, а в углу, у выхода — череп со следами деформации. В противоположном углу находились сваленные в кучу кости и камышовая труха, возможно, остатки подстилки и гроба. Инвентаря кроме одной бусины не обнаружено.

Курган № 3. Насыпь кургана достигала 19 м в диаметре и 1 м высоты. Дромос, вытянутый к северу на 4 м, имел ширину 1,7 м. Дно дромоса имело уклон в сторону входа и достигало 2,0 м глубины. У камеры лежали две плиты крупных размеров, служивших для прикрытия входа. В плане камера имела подчетыреугольную форму, вытянутую к востоку. Пол ее был углублен на 0,2 м по отношению к дну дромоса и вымощен тонкими и плотно пригнанными каменными плитами. Размеры камеры: длина — 2,75 м, ширина — 1,7 м и высота сводчатого потолка — 1,35 м. В ней обнаружены лишь остатки камышовой трухи и фрагменты костей и черепа погребенного.

Курган № 4. Диаметр кургана равнялся 15 м, высота — 1,2 м. Под его насыпью оказалась скопление камня, под ним — разрушенные остатки каменного склепа, возведенного из рваного плитняка. Стены склепа толщиной 0,6—0,8 м, углубленные на 0,4 м в толщину материка, имели ломаные наружные очертания, в отличие от ровных выложенных внутренних сторон. Округло-четыреугольные его очертания, сохранившиеся на 0,5 м высоты, были вытянуты с юга на север на 2,5 м при ширине 1,5 м. Вход в склеп образован сужением до 1 м южных продольных концов стен. Перед ним выявлено скопление тонких плит размерами 0,9×0,6 м. Инвентарь отсутствовал. Склеп являлся новым типом погребальных сооружений могильника. Его конструкция, возможно, является упрощенным вариантом подкурганной катакомбы, сооруженной из камня.

Курган № 5 был наиболее крупным. Высота его насыпи около 5,0 м, диаметр — 44 м. Длина дромоса — 4,5 м, ширина в северном конце 1,5 м, глубина горизонтального дна — 2,4 м. Вход в катакомбу был прикрыт полуразобранной каменной кладкой, толщиной 1 м и высотой 0,7 м. Камера имела обычную, овальную форму. Размеры: длина — 2,60 м, ширина — 2,10 м, высота в центре — 1,90 м. Пол ее на 0,25 м ниже уровня дромоса. Дно катакомбы было покрыто слоем древесного угля, местами доходившим до 15 см. Над ним лежали остатки истлевшего камыша. Кости погребенного не сохранились.

При расчистке катакомбы были найдены, вперемешку с углем и камышовой трухой, костяные обкладки лука, железные спешисея черешковые наконечники стрел, детали железного пластинчатого доспеха, обломок каменной подвески, фрагменты железной кольчуги

и других железных и деревянных поделок, железного пожа, сабли, железной пряжки (рис. 4).

Курган № 6. Насыпь диаметром 20 м достигала 3 м высоты. Дромос, расширяющийся к северу, имел 4,6 м при ширине у входа в катакомбу 1,45 м и глубине 1,7 м. Полуразобранная каменная кладка у входа в камеру сооружалась на всю ширину дромоса; пол камеры находился на 0,35 м ниже его дна, был устлан древесным углем, толщина которого местами доходила до 7—8 см. Она имела овальную форму, вытянутую с запада на восток. Размеры ее: длина — 3,7 м, ширина — 1,7 м, высота — 1,6 м.

Кости погребенного не сохранились. При расчистке камеры найдены предметы погребального инвентаря: серебряная двусоставная овально-рамчатая пряжка с квадратным щитком для крепления с ремнем, две железные четырехугольные пряжки от подпружных ремней, мелкие фрагменты железных поделок, вероятно, от рукоятки меча или кинжала, фрагменты бронзовых поделок и подпружных ремней, обрывки конской сбруи; в стороне от нее найдено 296 бронзовых заклепок, которыми на ремнях закреплялись через каждые 3 см золотые штампованные бляшки, унесенные грабителями. Кроме того, найдены: две штампованные золотые полусферические бляшки, имеющие с внутренней стороны бронзовые прокладки и закреплявшиеся на ремне посредством описанных выше заклепок; золотая полая подвеска в виде шарика с петлей; золотой инкрустированный наконечник ремня, отделанный зерньк; восемь экземпляров полых бронзовых подвесок в форме шара, с петлями для подвешивания (рис. 5). На наносном слое земли прослеживались следы (отпечатки) лука седла, совершенно истлевшего.

Курган № 8 также выделялся среди остальных крупными размерами. Диаметр его — 38 м, высота — 5,5 м. Дромос, заполненный плотной землей и обломками сырцовых кирпичей, размерами 40×20×10 см, имел вытянуто-четыреугольную форму. Длина дромоса — 3,3 м, ширина — 1,8 м, глубина — 1,2 м. В его заполнении найдены: костяная поделка, фрагменты железных изделий, куски глины с отпечатками краски — синего и красного цвета.

Вход в катакомбу, заложенный каменной кладкой на всю ширину дромоса, сохранялся на высоту 0,5 м. В камере были свалены в кучу ребра, позвонки и обломки бедренных костей погребенного. Севернее их лежали череп, нижняя челюсть, позвонки и лучевая кость копы.

Катакомба имела вытянуто-овальные очертания. Размеры ее: длина — 3,2 м, ширина — 2,2 м, высота — 1,2 м. Пол был вымощен каменными плитами, уложенными впритык друг к другу. На них прослеживались остатки камышовой трухи.

Курган № 9. Насыпь имела 24 м в диаметре и около 3,0 м высоты. Дромос размерами 3,8×1,5 м на всю глубину (1,5 м) был забутован

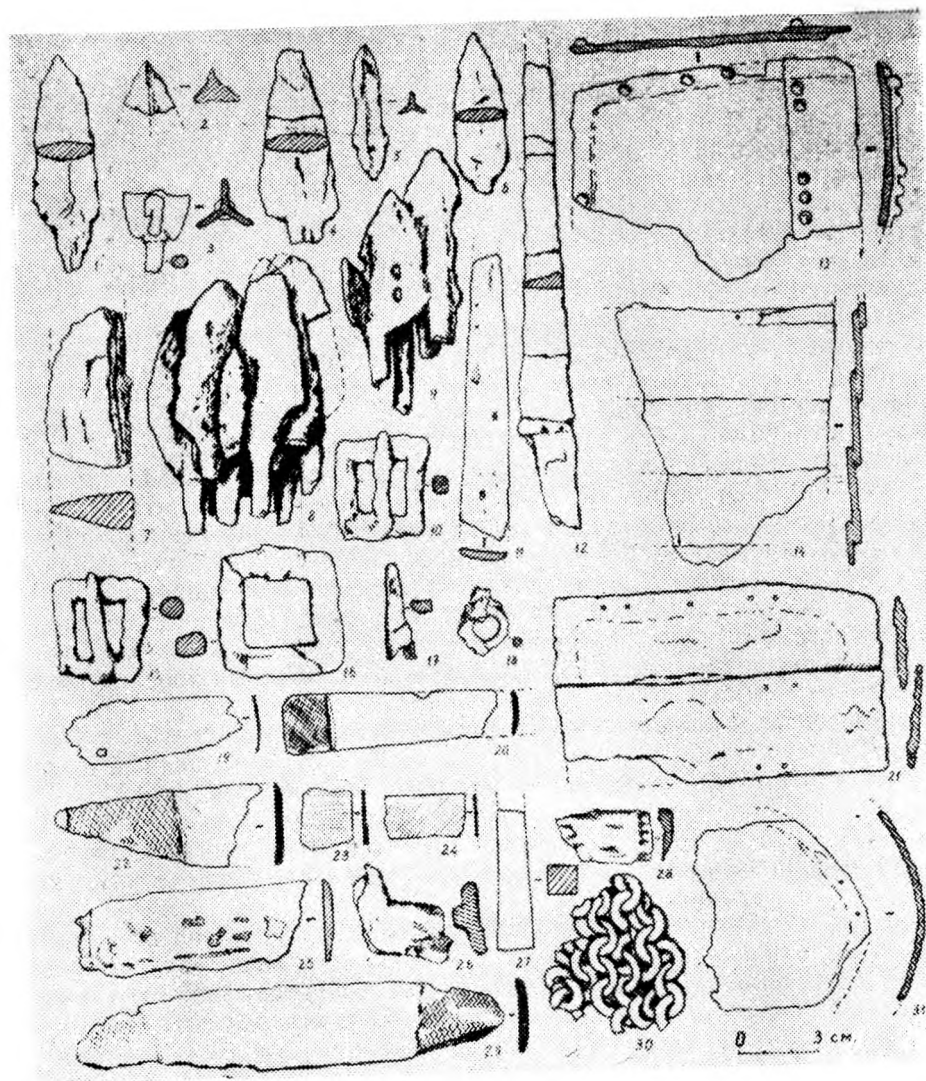

Рис. 4. Погребальный инвентарь из кургана № 5:

1-6, 8, 9 — стрелы; 7 — обломок сабли; 11, 19, 20, 22-25, 29 — костяные накладки лука; 13, 14, 21, 30, 31 — части доспехов; 27 — каменное точило; 10, 15, 16 — железные пряжки; 12 — нож; 17, 18, 26, 28 — обломки железных предметов.

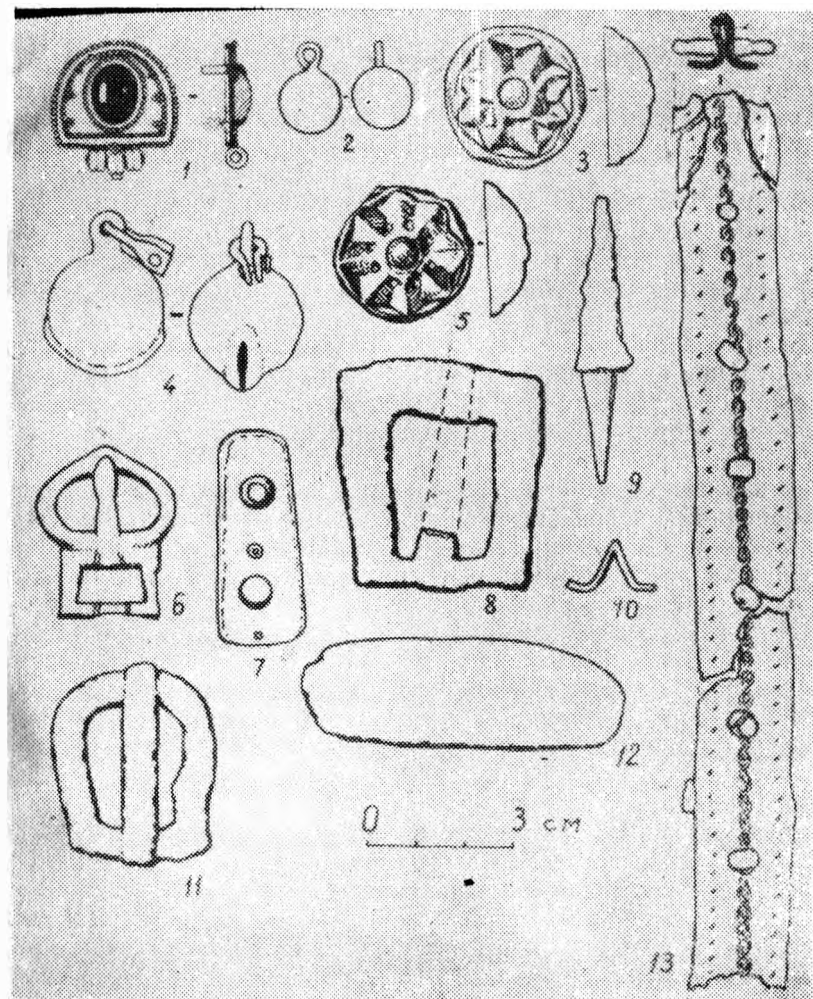

Рис. 5. Погребальный инвентарь из кургана № 6:

1 — наконечник ремня; 2 — пуговка; 3-5 — бляшки; 4 — бубенчик; 6, 8, 11 — пряжки; 7 — блок уздечного чумбура; 13 — остатки конской сбруи; 1-3, 5 — золото; 4, 6, 10 — бронза; 7 — кость; 8-9, 11-12 — железо; 13 — кожа с бронзовыми пегельками.

сырцовыми кирпичами обычных размеров (40×20×10 см). Полуразобранная стена из плитняка, толщиной около 1,2 м закрывала вход в камеру. На полу ее, выстланном плотно пригнанными друг к другу плитами известняка, обнаружены фрагменты костей, а большей частью костяная и камышовая труха. Череп лежал в северо-западном углу. Камера овальной, вытянутой с востока на запад, формы имела длину — 2,80 м, ширину — 1,6 м, высоту — 1,35 м. Пол камеры углублен на 0,2 м по отношению основания дромоса. Погребальный инвентарь не сохранился.

Курганы №№ 10 и 11 полностью разрушены строителями. Диаметры их, судя по остаткам оснований насыпи, имели около 15 м. Дромосы их достигали 4 м длины и 1,5 м ширины, глубина — 2 м. Дно камер глубже дна дромосов на 40 см. Кости погребенного и инвентарь не сохранились.

Курган № 11а. Диаметр насыпи составлял около 10 м, высота — 0,5 м. В отличие от других она была сплошь из мелкого камня и щебня вперемешку с золой. В центре ее находилась небольшая воронка. Под насыпью был сооружен каменный ящик, ориентированный с запада на восток. Плиты перекрытия были сдвинуты. На дне ящика, вымощенного плитами, найдена лишь нижняя челюсть, а в южном конце — сильно деформированный череп погребенного. Размеры ящика: длина — 2,10–2,15 м, ширина — 0,65 м, высота — 0,45 м. Он сооружен из вертикально установленных плит, верх которых нарастили плитняком, уложенным двумя горизонтальными рядами. Это новый тип погребального сооружения, раньше на Верхнечиркертском могильнике не встречавшийся.

Курган № 13. Насыпь диаметром 11 м достигала 0,9 м высоты. Трапезиевидный в плане дромос, длиной 3,40 м, шириной в средней части 1,40 м, был забутован обломками сырцовых кирпичей обычных размеров (40×20×10 см). У входа в камеру лежали крупные известняковые плиты от частично разобранной грабителями стены, возводившейся на глиняном растворе и достигавшей 0,8 м толщины. Камера имела обычную форму вытянутого овала. Размеры ее: длина — 3,4 м, ширина — 1,35 м, высота сводчатого потолка — 1,2 м. Пол камеры на 0,40 м углублен по отношению основания дромоса.

В камере сохранились истлевшие камышовые жгуты. Они лежали друг на друге, образуя овальный полукруг, вытянутый по форме камеры к востоку. Непотревоженной осталась лишь часть этих своеобразных венков, сохранившихся на восточной половине погребальной камеры. Размеры этого оригинального сооружения достигали 70 см по поперечному и около 2 м по продольному диаметру. Настил из камыша сохранился внутри его, там же прослежены берцовые кости погребенного, лежавшие в *in situ* и позволявшие воссоздать ритуал погребения. Погребенный лежал в гробу из скрепленных камышовых жгутов, вытянуто

на спине, головой к выходу (на запад). Судя по сохранившемуся месту тлену, гроб был покрыт шелковой материей. Инвентарь в камере не обнаружен. Камера имела обычную форму вытянутого овала.

Курган № 14. Снесен при сооружении резервуаров. Диаметр основания около 15 м. Дромос, длиной 4,0 м, шириной — 1,2 м, был заполнен рыхлым грунтом. Вход в камеру закрывала полуразобранная стена из крупных речных валунов, уложенных без раствора. Над стеной пробит лаз в камеру, имевшую форму неправильного овала, вытянутого на восток. Ее длина — 3,1 м, ширина — 2 м, высота — 1,3 м. Пол камеры был на 20 см ниже дна дромоса и покрыт сплошным слоем древесного угля, толщиной от 1 до 3 см. В камере обнаружен потревоженный грабителями костяк погребенного, лежавший на спине головой на запад. Череп находился в северо-восточном углу камеры. Примечательны обнаруженные и здесь остатки жгутов камышовых погребальных венков. Сохранились обрывки 7–8 венков, по судя по отпечаткам на грунте их было больше (до 12). Костяк лежал внутри гроба из этих венков и сверху, судя по оставшемуся тлену, также был покрыт материей, видимо, шелком. Рядом с черепом, заметно деформированным, находился обломок глины с отпечатками от какого-то, возможно, камышового изделия, сплетенного в виде концентрических окружностей; наружный диаметр его — около 20 см. Посредине камеры, у правого предплечья погребенного, обнаружена золотая византийская монета с припаяем для использования в качестве подвески. У входа найдены два больших железных фрагмента панциря и несколько обломков сероглиняной керамики. У выхода — двусоставная пряжка, украшенная своеобразным орнаментом.

Курган № 14а. Частично снесен при сооружении резервуаров. Насыпь достигала 21 м в диаметре, около 1,8 м высоты. Дромос, длиной 4,5 м, имел форму трапеции с уклоном дна в сторону камеры. Вход в нее закрывала полуразобранная стена из известнякового камня. Камера имела обычную форму вытянутого овала. Размеры ее: длина с запада на восток — 4,0 м, ширина — 2,4 м, высота сводчатого потолка — 1,2 м. На полу камеры лежали фрагменты и разрозненные кости скелета и черепа погребенного. Пол, слегка углубленный по отношению дромоса, был покрыт слоем древесного угля, толщиной 1–2 см. Погребальный инвентарь представлен следующими предметами: железный нож и железное навершие его рукояти, обломки сабли, железные пряжки, двух- и трехлопастные наконечники стрел, некоторые с тупыми концами и круглыми отверстиями на лопастях, фрагменты пластинок панциря с бронзовыми заклепками, золотой наконечник ремня, золотая серьга, две рифленые золотые грушевидные подвески с припаями (рис. 6).

Курган № 15. Насыпь имела 16 м в диаметре и около 0,8 м вы-

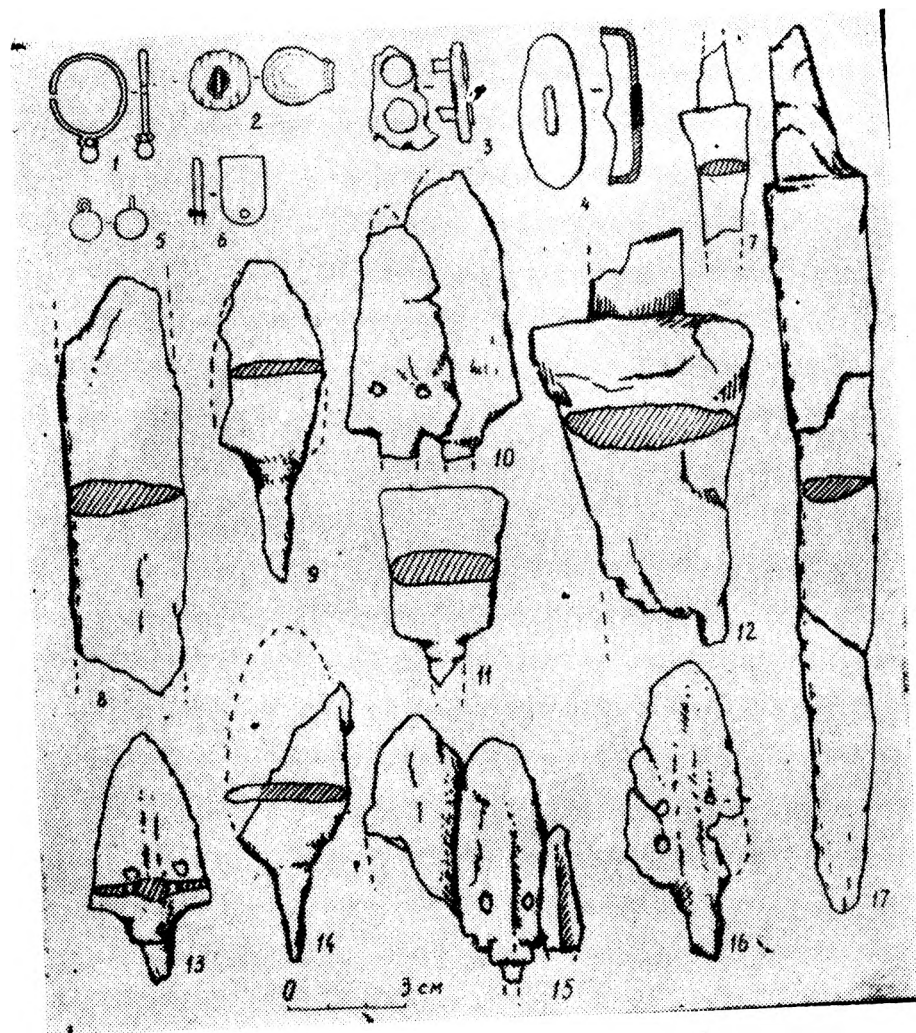

Рис. 6. Погребальный инвентарь из кургана № 14 а:
 1 — серьга; 2—4 — пуговицы; 5 — перекрестье ножа; 6 — наконечник ремня; 7, 17 — но-
 жи; 8, 12 — обломки сабли; 9—11, 13—16 — стрелы, 1, 2, 5 — золото; 6 — бронза;
 7—17 — железо.

соты. Дромос, вытянутый на север, — 2,8 м длины; ширина — 1,2 м. глубина 1,8 м. Вход в камеру закрывала полуразобранная стена из обычных сырцовых кирпичей. Камера овальной формы, вытянутая на 2,6 м к востоку, достигала 1,6 м ширины и 1,1 м высоты. В ней также обнаружены остатки своеобразных гробов из камышовых венков, человеческие кости и их фрагменты. У входа в камеру встречались фрагменты костей и обломки керамики. У выхода — лежали нижняя челюсть и обломок железного ножа.

Курган № 16. Разрушен строителями. Дромос в виде трапеции, длиной 3,8 м, имел ширину с южной стороны 0,8 м, а у входа в камеру 1,3 м. Покатое к северу дно его углублялось на 1,8 м. Вход в нее закрывала частично разобранная каменная стена на глиняном растворе. По всей площади камеры встречались разбросанные фрагменты человеческих костей. У входа найдена золотая византийская монета. А в самой камере — двух- и трехлопастные наконечники стрел, фрагменты подстилки из камыша и разбросанные каменные плиты известняка, которыми был вымошен пол. Камера имела вытянутую к востоку овальную форму, размерами: длина — 2,8 м, ширина — 1,9 м, высота — 1,09 м.

Курган № 17. Насыпь диаметром около 24 м достигала 1,6 м высоты. Дромос, при ширине 1 м, был вытянут на 3 м с юга на север. Перед камерой сохранилось основание стены, замуровавшей вход.

Среди растительной трухи и костей, встречавшихся при расчистке остатков стен, у входа были найдены золотая византийская монета и сердоликовая цилиндрическая бусина с рифленой поверхностью. Под четырехугольной в плане и несколько вытянутой к востоку погребальная камера углублена на 20 см по отношению к дну дромоса. Ее длина — 2,15 м, ширина — 1,6 м, высота двухскатного потолка в средней части 1,25 м и по бокам 0,85 м. По всей камере были разбросаны фрагменты костей погребенного, вперемешку с деревянной, костяной, а также растительной трухой, оставшейся от камышовой подстилки. Среди них найдены и некоторые предметы погребального инвентаря, оставшиеся после ограбления. В дальнем северо-восточном углу камеры находились сваленные в кучу фрагменты однолезвийной слабоизогнутой сабли. Вместе с ними найдены обломки ножей, двух железных пряжек и серебряного крючка, 8 массивных двух- и трехлопастных железных черешковых наконечников стрел, некоторые с отверстиями на лопастях.

Особый интерес представляет истлевшее седло (у северной стенки камеры), от которого сохранились незначительные остатки кожи, деревянная основа одной седельной полки и фрагменты костяных накладок, украшенных различными рисунками. Кроме того, тонкие костяные пластинки, украшенные рядом кружочков, выделяющихся белым цветом на фоне, покрытом черной краской. Наиболее крупная из них имеет дугообразную форму, некоторые украшены растительным орнаментом.

Относительно хорошо сохранились остатки двух накладок с выгравированными на них сценами охоты. Они выполнены ножом или резцом на гладкой поверхности кости. Для большей выразительности контуры рисунков по-видимому были заполнены красками, но сохранился только слабо заметный черный.

Курган № 18. Наполовину срезан строителями. Сохранившаяся насыпь достигала 42 м в диаметре и около 6 м высоты. Дромос, ориентированный на север и расширяющийся к нему и внизу у входа, имел около 7 м длины; ширина его с юга — 0,6 м, с севера 1,6 м. Стена у камеры оказалась непо тревоженной. Она возведена на всю ширину дромоса из крупных блоков известняка на глиняном растворе, толщиной 1,3 м. Основание стены на 0,2 м ниже дна дромоса, покато го в сторону входа. В небольшой нише, сооруженной в восточной стене дромоса в 3-х м от входа и в 0,5 м от основания, найдена небольшая сероглиняная курильница, высотой 19 см, диаметром у основания — 9 см. На верхней половине залощенного ее тулова прорезаны четыре отверстия треугольной формы. Венчает курильницу расширяющийся кверху раструб с четырьмя симметрично расположенными сливами. Горловина ее отделена от тулова специальной перегородкой. Камера, вытянутая и несколько сужающаяся к востоку, имела четырехугольную форму, размером 3,2×1,7 м. Форма потолка не прослежена из-за обвалов. В камере сохранились лишь остатки камышовой трухи и разбросанные в беспорядке обломки костей погребенного. Основная их масса, в том числе и череп, были свалены в кучу в западном углу камеры. По всей ее площади прослеживались слои угля, толщиной 5—7 см, покрытые камышовым настилом. В камере, у выхода, обнаружены небольшие железные фрагменты.

Курган № 18а. Насыпь снесена при строительстве. Дромос достигал 4 м длины и 1 м ширины. Вход в камеру закрывала стена из камня, частично разобранный грабителями, ее ширина 1,0 м, высота 0,6 м. Длина камеры — 3,0 м, ширина — 1,4 м, высота свода — 1,1 м. Дно ее на 20 см опущено ниже основания дромоса. В камере обнаружены остатки погребальных венков, разрозненные кости погребенного. Под ними прослежено большое количество угля и остатки тлена материи, которая, возможно, использовалась в качестве покрывала погребенного, лежавшего в гробу из камышовых венков.

Курган 19. Насыпь достигала 14 м в диаметре и 1,2 м высоты. Дромос в форме трапеции имел 3,2 м длины, ширина его с южной стороны 0,85 м, а у северного конца 1,25 м, глубина 1,4 м. Вход в погребальную камеру был закрыт каменной кладкой. Часть разобрана грабителями. Пол камеры на 0,25 м ниже дромоса. В камере сохранились лишь остатки камыша, а под ними тонкая прослойка древесного угля. Размеры камеры: длина — 2,8 м, ширина около 2 м, высота 1,4 м.

Курган № 20. Насыпь высотой 2,4 м имела в диаметре 25 м. Дромос, достигал 4,4 м длины, ширина его в средней части — 1,1 м, глубина 2,2 м. Стена у входа возведена на всю ширину дромоса из плит известняка на глиняном растворе толщиной 0,8 м. На полу камеры была характерная после ограбления картина хаотического скопления костей, угля, остатков гроба и камышового настила. Все это было также раздавлено обвалившимся потолком. Удалось проследить чередование непо тревоженных слоев, выстилавших пол камеры, замощенный тонкими и плотно пригнанными друг к другу плитами. Их покрывал слой угля 2—5 см толщиной. И, наконец, сверху над настилом, в камышовом гробу, лежал погребенный, который, судя по остаткам тлена, был прикрыт материей, возможно, шелком.

При расчистке камеры найдены: костные накладки луки седла, орнаментированные резной цепочкой кружочков, украшенных штриховкой; небольшой золотой ободок четырехугольной формы; фрагменты костных накладок с заштрихованными концами; золотая бляшка с изображением стилизованного человеческого лица на выпуклой наружной стороне и двумя припаянными петельками с внутренней стороны; золотые петельки от бляшек; серебряная скоба, прикрепленная с помощью заклепок к полированной костяной пластинке от колчана; две серебряные двухсоставные овально-рамчатые пряжки, серебряный крючок с остатками двух заклепок золотое цилиндрическое навершие ножа; бронзовое крестовидное изделие в виде застежки; серебряные заклепки; круглая небольшая пластинка из серебра с отверстием посредине и с пятью заклепками вокруг; серебряный язычок пояса. Из оружия в камере сохранились фрагменты железного наконечника копья штыковидной формы; железные двух- и трехлопастные наконечники стрел; фрагменты железной кольчуги с бронзовыми заклепками, железного пожа. От конского снаряжения сохранились остатки железных удил и псалий; железные четырехугольные подпружные пряжки. Из других находок следует отметить железное тесло в виде мотыги с неширокой рабочей поверхностью; золотую византийскую монету с двумя петельками с одной стороны; золотой крест со стержнем, отделанный зернью по середине и по оконечностям; фрагменты пряжек, возможно, для приторачивания. В камере выявлено также большое количество мелких фрагментов железных, бронзовых (серебряных) и кожаных изделий, назначение которых не ясно (рис. 7).

Сама камера также выделялась значительными размерами и своеобразным устройством. Она имела вытянутые к востоку подчетыреугольные очертания размерами: 3,8×2,3 м с высотой сводчатого потолка 1,4 м. В поперечных стенках сохранялись вырезанные в толще материка дугообразные выступы. Они как бы имитировали стойки кибиток, на которые опирался потолок. Эти интересные детали устрой-

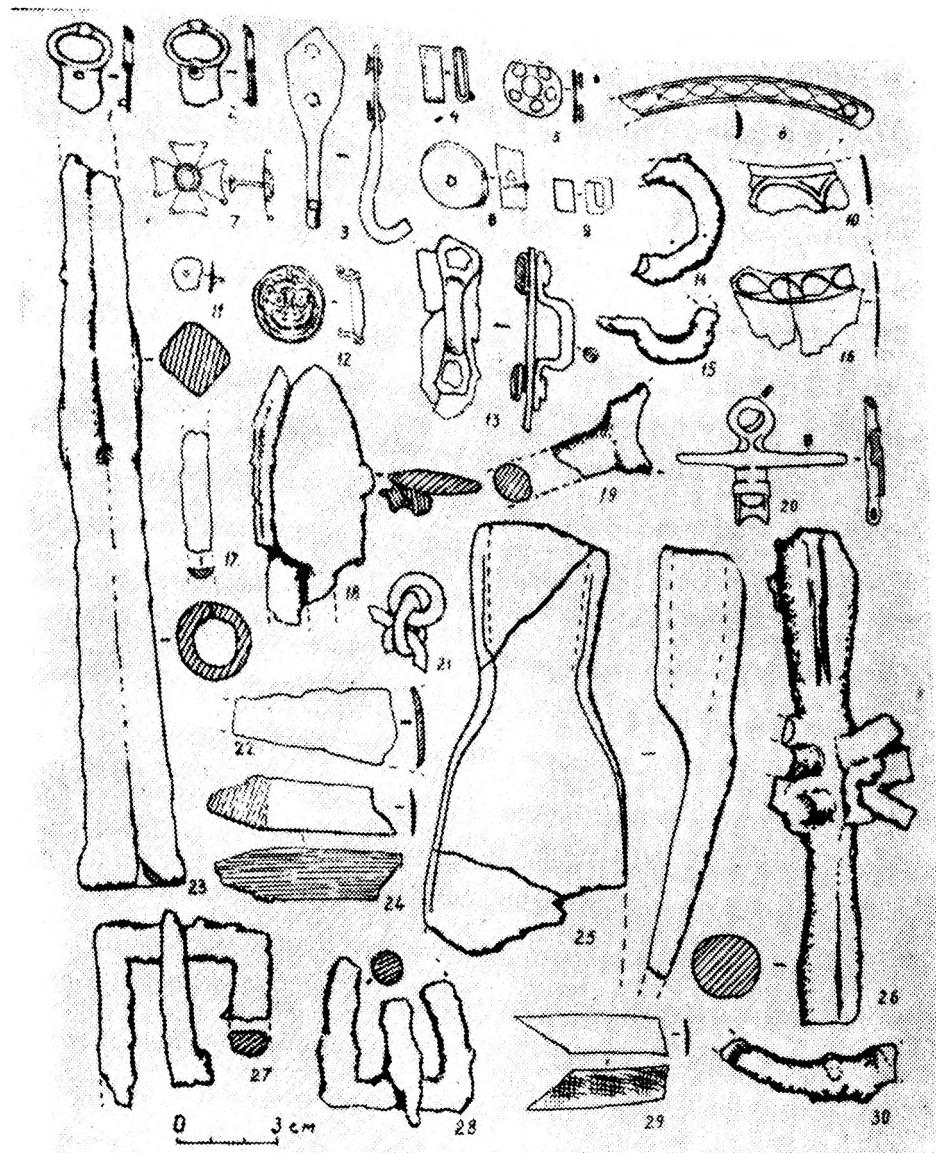

Рис. 7. Погребальный инвентарь из кургана № 20:

3, 13 — детали колчана; 6, 10, 16 — накладки седла; 8 — золотое навершие ножа; 14, 15, 19, 30 — обломки удил; 18 — стрелы; 22, 24, 29 — накладки лука; 21 — обрывок кольчуги; 23 — копье; 25 — мотыга; 26 — псалый удил и другие предметы; 1—3, 5, 13 — серебро; 6, 10, 16, 22, 24, 29 — кость; 7—9, 12 — золото; 20 — бронза; 14—15, 17—19, 21, 23, 25—28, 30 — железо.

ства камеры проливают свет на происхождение катакомбного погребального сооружения. Погребенный помещен в своеобразную подземную кибитку, очевидно заменившую ему традиционное земное жилище.

Курган № 23. Размеры насыпи определены по сохранившимся контурам основания, диаметром 42 м, высотой — около 5 м.

Дромос, протяженностью 6,5 м имел форму трапеции, шириной 2 м. Его дно было с уклоном к северу; глубина у входа в камеру 4,3 м. Вход был закрыт массивной плитой размерами 1,4×1,0 м и с наружной стороны тщательно забутован рваным камнем.

Погребальная камера, овально-вытянутая к востоку, достигала 3,8 м длины и 2,0 м ширины. Высота сводчато-двухскатного потолка 1,9 м. В камере обнаружены также две плиты более 1,0 м в длину. Одна лежала на полу на западной стороне камеры, а вторая была прислонена к южной стене камеры. Ими, очевидно, был вымощен пол камеры, на нем, особенно на нетронуемых участках, слои угля доходили до 10 см. Их перекрывали остатки камышового настила и венков. Скопление костей погребенного и жгутов от гроба находилось на восточной стороне камеры, где прослежены остатки тлена ткани.

Инвентарь обнаружен также в основном на восточной ее стороне и отчасти у выхода, где найдены: серебряные поясные пряжки — 2 шт., серебряный крючок от колчана с двумя заклепками, серебряные скобы с остатками кожи на заклепках — 2 шт., железные двух- и трехперые наконечники стрел — 7 шт. Помимо того, в камере найдено несколько фрагментов железной однолезвийной сабли и ножа. Примечательны фрагменты плоских деревянных прутьев, предназначавшихся для крепления венков, накладывавшихся друг на друга при сооружении гроба. В дальнем углу лежали две круглые золотые подвески (пуговицы) с петлями.

Курганы №№ 25, 25а снесены строителями. Контуры их оснований составляли в диаметре около 15 м. Дромосы, вытянутые на север на 3 м при ширине 1,0 м, достигали 2,2 м глубины. Входы в камеры были заложены стеной. В заполнении обычных форм камер обнаружены кости погребенного, обломки черепа, камышовые обрывки гроба. Среди них в камере № 25а найден широкий золотой перстень, с оправой для камня, но без него, золотая подвеска с припаем и обломок серебряного наконечника пояса.

Курган № 26. Диаметр насыпи, судя по контурам основания, составлял около 16 м. Дромос, расширяющийся к северу, имел длину — 3,7 м, ширину — 1,5 м, глубину — 2 м. У входа в камеру лежала массивная плита размерами 1,2×0,7 м, которой она закрывалась.

Погребальная камера овально-вытянутой к востоку формы, размерами: 3,0×1,8×1,2 м, предназначалась для погребения знатной горожанки.

Слой угля на полу камеры достигал 5—6 см, а сверху прослеживались тонкие слои камышового настила. Кости погребенного разбросаны по всей площади камеры. Фрагменты черепа, позвоночника и таза были свалены в кучу у входа. Здесь же прослеживались остатки жгутов камышового гроба и тлена тканей на них. У входа в камеру найдены две бусины из стеклянной пасты, изображающие мышь и головку петуха, сердоликовая бусина с серебряным ободком и небольшой скарабей из фаянса, а также золотой перстень с камнем в оправе.

Особенно примечательны небольшая золотая маска со стилизованным изображением человеческого лица, четыре штампованные полусферические бляшки, служившие украшением пояса, глазчатая бусина (гемма) из горного хрусталя с изображением птицы, возможно, петуха. В восточной части камеры найдены остатки небольшого железного ножа с изогнутой спинкой и четыре штампованные серебряные бляшки четырехугольной формы. Рядом с ними лежали обломки серебряного зеркала с геометрическим орнаментом. И, наконец, рядом с зеркалом — стеклянный шаровидный сосуд зеленого цвета с узким горлышком, закрытым серебряной крышкой с кольцом-держателем на шейке (рис. 8).

Курганы №№ 27 и 28 достигали у основания около 14 м и 2 м высоты. Расширяющиеся к северу дромосы их составляли 3,2 м в длину и 1,6 м в ширину. В насыпи дромоса кургана № 27 выявлены два обломка жерновов диаметром около 0,5 м, и сырцовые кирпичи, размером 40×20×10 см. Сводчатые входы в камеры были заложены стеной из камня и сырцового кирпича. Овальные, вытянутые к востоку формы камер достигали в длину 2,5 м, в ширину — 1,7 м с высотой свода потолка — 1,15 м. В углу камеры найдены обломки черепов.

Курган № 29. Диаметр, судя по контурам основания, составлял около 26 м. Дромос достигал 3,2 м длины и 1,9 м ширины у входа в камеру. Дно его имело уклон к входу, расположенному на глубине 3,2 м. Перед камерой лежала плита, размером 1,3×0,8 м, несколько плит меньших размеров были вертикально установлены у входа. С наружной стороны они забутованы камнем на глиняном растворе. У входа в катакомбу выявлено большое количество спрессовавшихся кусков и мелких фрагментов железной кольчуги, а также слегка вогнутых пластинок панциря. В камере наблюдалась обычная картина ограбления. На потревоженных участках прослеживались слои угля 5—10 см толщиной, накрытые сверху тонким слоем камышового настила, на котором лежали остатки гроба. Среди них найдены небольшие деревянные прутья-приколки для крепления камышовых жгутов гроба. Наибольшее количество инвентаря составляли остатки крупных и мелких кусков кольчуги из сплетенных железных колец, основная масса которых была сосредоточена у выхода из камеры. Вместе с ними выявлено

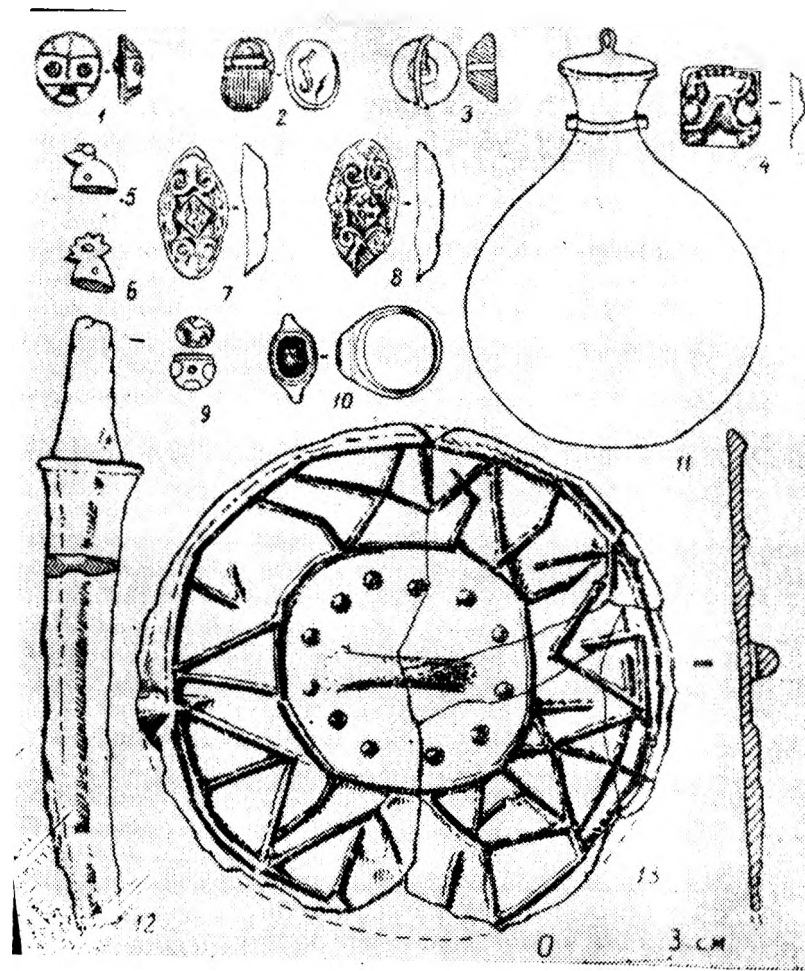

Рис. 8. Погребальный инвентарь из кургана № 26:
1 — бляшка-маска; 2 — скарабей; 3 — бляшка; 4, 7, 8 — накладки на ремни; 5, 6 — пронизки; 9 — гемма; 10 — перстень; 11 — флакон для благовоний; 12 — нож; 13 — зеркало; 1, 7, 8, 10 — золото; 2, 5, 6 — фаянс; 3 — сердолик; 4, 13 — серебро; 9 — хрусталь; 11 — стекло; 12 — железо.

и большое количество железных пластинок панциря со следами заклепок по краям. Здесь найдены также фрагменты однолезвийной сабли, втулки копыя и фрагменты ножа. Особую группу находок составляют 13 двух- или трехлопастных наконечников стрел. Примечательны также фрагменты массивных железных и двух меньших по размерам серебряной и бронзовой пряжек, крюка от колчана и обрывки сбруи, пронизанные остатками бронзовых заклепок (рис. 9). Среди трех бронзовых скоб от колчана одна имела следы дерева на заклесках. В восточном углу камеры лежали бесформенные груды деревянной трухи, видимо, остатки седла.

Погребальная камера имела обычные овальные очертания, длиной 3,2 м, шириной 2,0 м и высотой 1,2 м.

Курган № 31. Насыпь имела 2,4 м высоты и 20 м в диаметре. Размеры дромоса, вытянутого на 3,5 м к северу, достигали в ширину с северной стороны — 1,30 м и в глубину — 2,2 м. Вход был заложен стеной из сырцовых кирпичей обычных размеров. Часть кладки разобрана грабителями. Ширина входа — 1,2 м, высота — 0,8 м. На полу камеры валялись кости погребенного и остатки камышового настила. Пол на 20 см ниже уровня дромоса. Размеры камеры: длина — 2,7 м, ширина — 1,6 м, высота сводчатого потолка 1,2 м.

Курган № 35. Высота насыпи 3,5 м, диаметр 27 м. Дромос формы трапеции — 5,2 м длины, 1,6 м ширины с северной стороны. Дно его имело уклон к входу в камеру, где глубина составляла 2,1 м. Плиты, прикрывавшие вход в катакомбу, были установлены вертикально, а щели между ними замазаны глиняным раствором и забутованы камнем. Верхняя часть центральной плиты отбита грабителями. Ширина входа — 1,2 м, высота — 1 м.

Катакомба имела четырехугольную, вытянутую к востоку, форму со слегка закругленными углами. Длина ее — 3,85 м, ширина — 2,2 м, высота сводчатого потолка — 1,5 м. Дно катакомбы на 30 см ниже дна дромоса. Пол камеры был прикрыт древесным углем, толщиной 3—5 см, а сверху накрыт тонким слоем камышовой трухи. Здесь же находились остатки камышовых венков от гроба и деревянные стержни для их крепления. В камере найдены обломок железного наконечника копыя, железный трехлопастный наконечник стрелы, фрагменты кольчуги, панциря, а также раздавленные остатки седла. Здесь же найдены фрагменты ножа и подиружной пряжки; золотая бляшка-пуговка с изображением стилизованного человеческого лица обнаружена у выхода из камеры (рис. 10). Кости погребенного были разбросаны грабителями по всей камере. На комьях земли, на полу катакомбы, прослеживались отпечатки ткани типа холста, а также тонкой материи, вероятно, шелка.

Курганы №№ 39, 44, 47, 48, 50, 51, 52, 53, 55, 56 и 59, расположенные в центральной части группы, имели небольшие насыпи, обычных

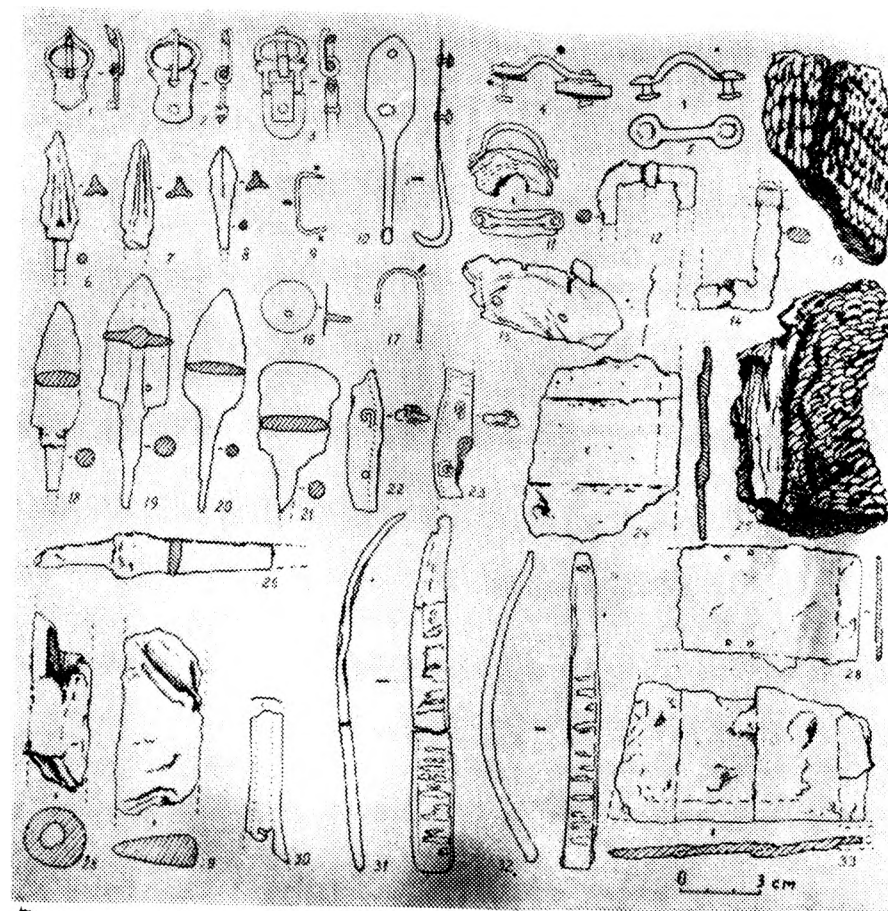

Рис. 9. Погребальный инвентарь из кургана № 29:
6—8, 18—21 — наконечники стрел; 4, 5, 10, 11 — детали колчана; 12, 14 — железные пряжки; 13, 24, 25, 28, 33 — части доспехов; 15, 22, 23, 30 — обрывки кожи; 28 — втулка копыя; 29 — обломок сабли и другие предметы; 1—2, 10, 16—17 — бронза; 3—5, 9, 11 — серебро; 6—8, 12—14, 18—21, 24—29, 33 — железо; 15, 22, 23, 30 — кожа; 31, 32 — дерево.

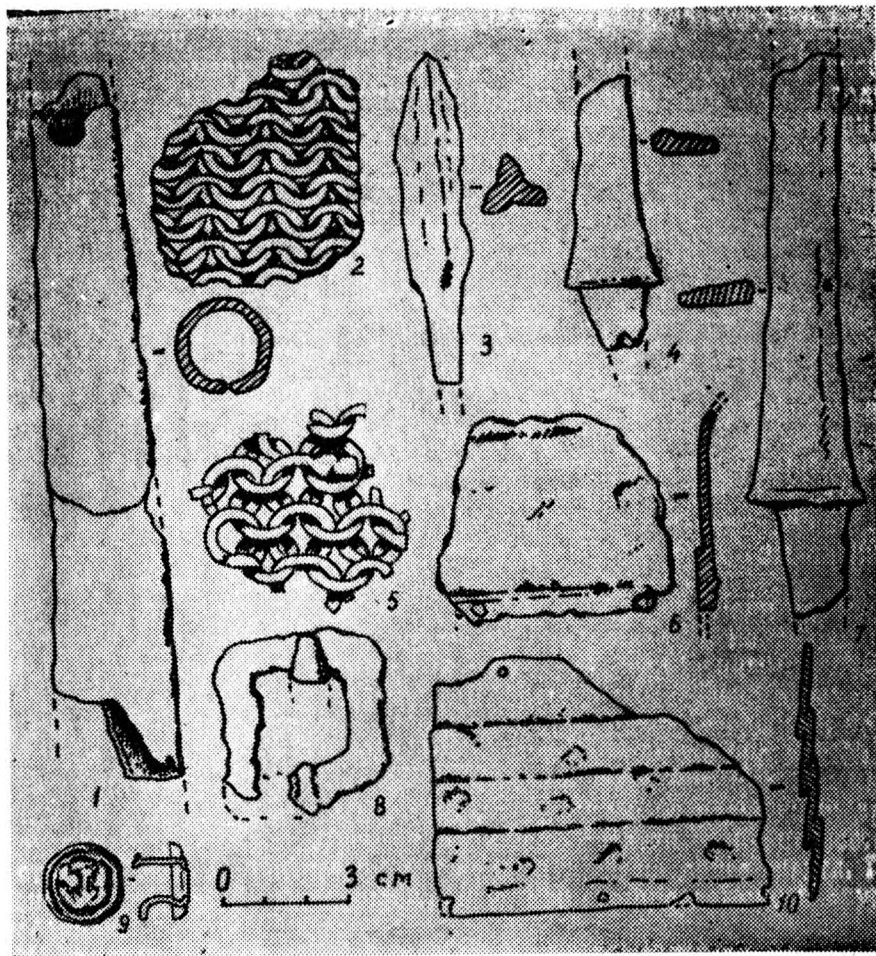

Рис. 10. Погребальный инвентарь из кургана № 35:
 1 — втулка копья; 2, 5, 6, 10 — части доспехов; 3 — стрела; 4, 7 — ножи; 8 — пряжка;
 9 — бляшка; 1—8, 10 — железо; 9 — золото.

форм дромосы и овальные в плане погребальные камеры, которые были заложены камнем и сырцовым кирпичом. Все они оказались ограбленными.

Курган № 61. Насыпь высотой 3,6 м, диаметром 30 м, частично снесена при сооружении дороги. Дромос, вытянутый на 5,2 м, шириной 1,1 м, имел уклон в сторону камеры. Вход в камеру был заложен вертикально установленными массивными плитами, с наружной стороны к ним примыкала стена, возведенная на глиняном растворе. Она достигала 0,8 м толщины и сохранилась на высоту 0,9 м. Грабители проникли в камеру, разобрав верхние ярусы стены и отбив частично входной свод. В камере прослеживались разбросанные обрывки камышовых жгутов от гроба, среди которых встречались и фрагменты костей погребенного. Под остатками камышового настила, по всей площади камеры сохранился слой угля до 10 см толщины. Она была вымощена массивными, плотно пригнанными друг к другу плитами, которые выявились под настилом угля. В камере найдены: золотая византийская монета, обломки небольшого серолощенного горшка, а также фрагменты деревянных стержней, служивших для крепления жгутов гроба. Следует отметить и своеобразный интерьер камеры. Она имела округло-четырёхугольную форму и двухскатный потолок. Размеры камеры составляли: длина — 3,8 м, ширина — 2,4 м, высота в средней части 1,6 м и по бокам 0,8 м. Примечательно, что между камерой и дромосом здесь оставлен проход длиной 0,5 м. Представляет интерес и крест, выцарапанный на дальней восточной стенке камеры.

Курган № 66 расположен несколько изолированно на северной окраине курганного поля. Диаметр его около 13 м, высота 1 м. Дромос, расширяющийся к северу, достигал 3 м в длину, ширина его с севера 1,8 м. У входа сохранились остатки полуразобранной стены из кирпича обычных размеров 40×20×10 см. Камера имела вытянутую к востоку овальную форму, длиной 3 м, шириной 1,8 м, высотой 1,2 м. Пол камеры углублен на 0,4 м по отношению к дромосу, имевшему ступенчатый наклон к входу. На полу камеры найдено лишь несколько фрагментов костей погребенного.

Курган № 66 а. Насыпь, высотой 1,4 м, имела в диаметре 18 м. Дромос, расширяющийся к северу, достигал в длину 6,2 м, ширина в средней части 1,6 м. На глубине 5,5 м в нем найдены кости животного, которые, судя по остаткам копыт, принадлежали коню, погребенному у входа в камеру. Они были разбросаны грабителями. Стена у входа возведена из крупных блоков, с применением глиняного раствора. Толщина стены составляла 1 м, высота — до 0,6 м. Примечательно устройство самой камеры. Длина ее с запада на восток составляет 3,3 м, ширина 2,2 м и высота 2,0 м. Потолок сводчато-двухскатный. На боковых поперечных стенах сохранились своеобразные выступы, вырезан-

ные под потолком. Достигая 8 см ширины и выступая на 5 см, они напоминают дуги, на которые опирается потолок камеры. Они как бы имитируют согнутые дуги кибитки, на которых держится двухскатная крыша. Этим строители подчеркнули детали устройства обычной кочевнической кибитки.

У входа в камеру были найдены обломки сабли, железной скобы, наконечника стрелы и четырехугольных подпружных пружек. Сводчатый вход размерами 0,8×0,6 м здесь также отделен от камеры коридором, протяженностью 1 м, потолок которого несколько расширяется кверху, в сторону камеры. По всей площади камеры наблюдался характерный, перемешанный 15-сантиметровой толщины слой из камышовой, деревянной и костяной трухи, угля и фрагментов костей. Деревянная труха — очевидно остатки седла. Об этом свидетельствуют и найденные здесь подпружные пружки, которые обычно сопровождают седла из других погребений. На потревоженных участках восточной стороны камеры можно было проследить обрывки жгутов из камыша, которые покрывал 2—3-сантиметровый слой угля. В камере были обнаружены обломки железных предметов. Среди них фрагменты трехлопастных и плоских наконечников стрел. У выхода из нее лежали обломки сабли, втулки, копья и ножей, а также фрагменты железных подпружных пружек и одна бронзовая пружка меньших размеров (рис. 11). Представляет интерес золотой наконечник ремня, украшенный растительным орнаментом, и две золотые бляшки, выявленные у западной стенки камеры.

Курганы №№ 67, 68, 69, 70, 73, 74, 75, 80, 82, 83 имели характерные погребальные конструкции и ничем не выделялись по сравнению с другими. Они также оказались полностью ограбленными. Лишь в камере кургана № 80 были найдены: фрагменты железного наконечника копья, ножей и сабли, два железных колечка со стержнем, бронзовая пружка и обломок наконечника ремня. А в камере кургана № 82 относительно хорошо сохранились остатки гроба из камыша. Он имел вытянутый по форме камеры овал и был сооружен из сложенных друг на друга жгутов камыша. Лучше сохранились остатки гроба на восточной стороне, где лежали четыре уложенных друг на друга жгута. Погребенный очевидно был прикрыт тканью, как это прослежено в других погребениях.

И, наконец, курган № 96 был расположен на восточной окраине II группы, в 30 м к востоку от территории подстанции Чиркейской ГЭС. Диаметр, определенный по сохранившимся контурам основания, равнялся почти 13 м. Дромос, вытянутый на север, достигал 2,6 м длины, 1,6 м ширины, 0,9 м глубины. У входа в камеру сохранилась полуразрушенная стена из сырцовых кирпичей, обычных размеров, на глиняном растворе. Камера, вытянутая на восток, подчетыреугольной формы,

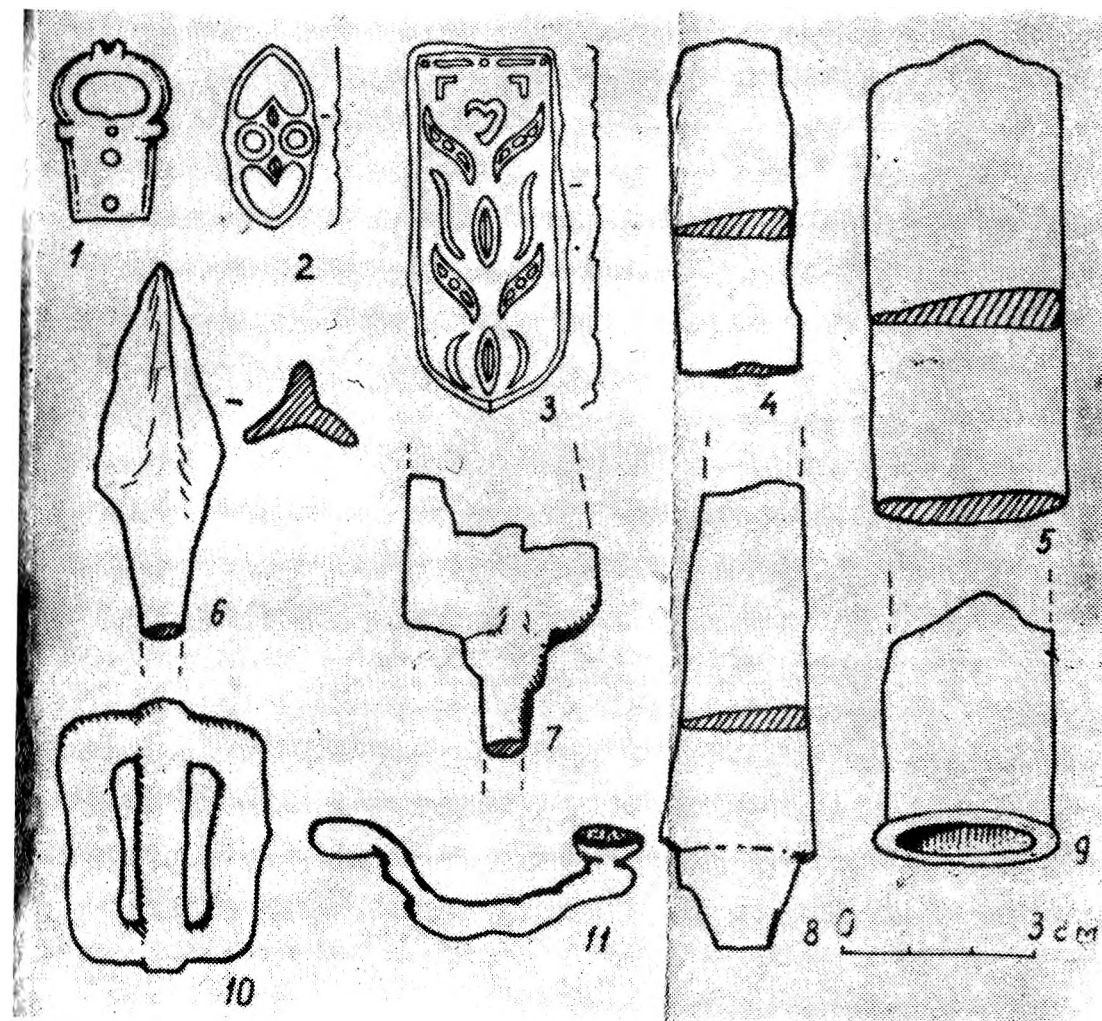

Рис. 11. Погребальный инвентарь из кургана № 66а:
1, 10 — пружка; 2 — накладка на ремень; 3 — наконечник ремня; 4, 8 — ножи; 5 — обломок сабли; 6, 7 — стрелы; 9 — втулка копья; 11 — деталь колчана; 1—3 — золото, 4—11 — железо.

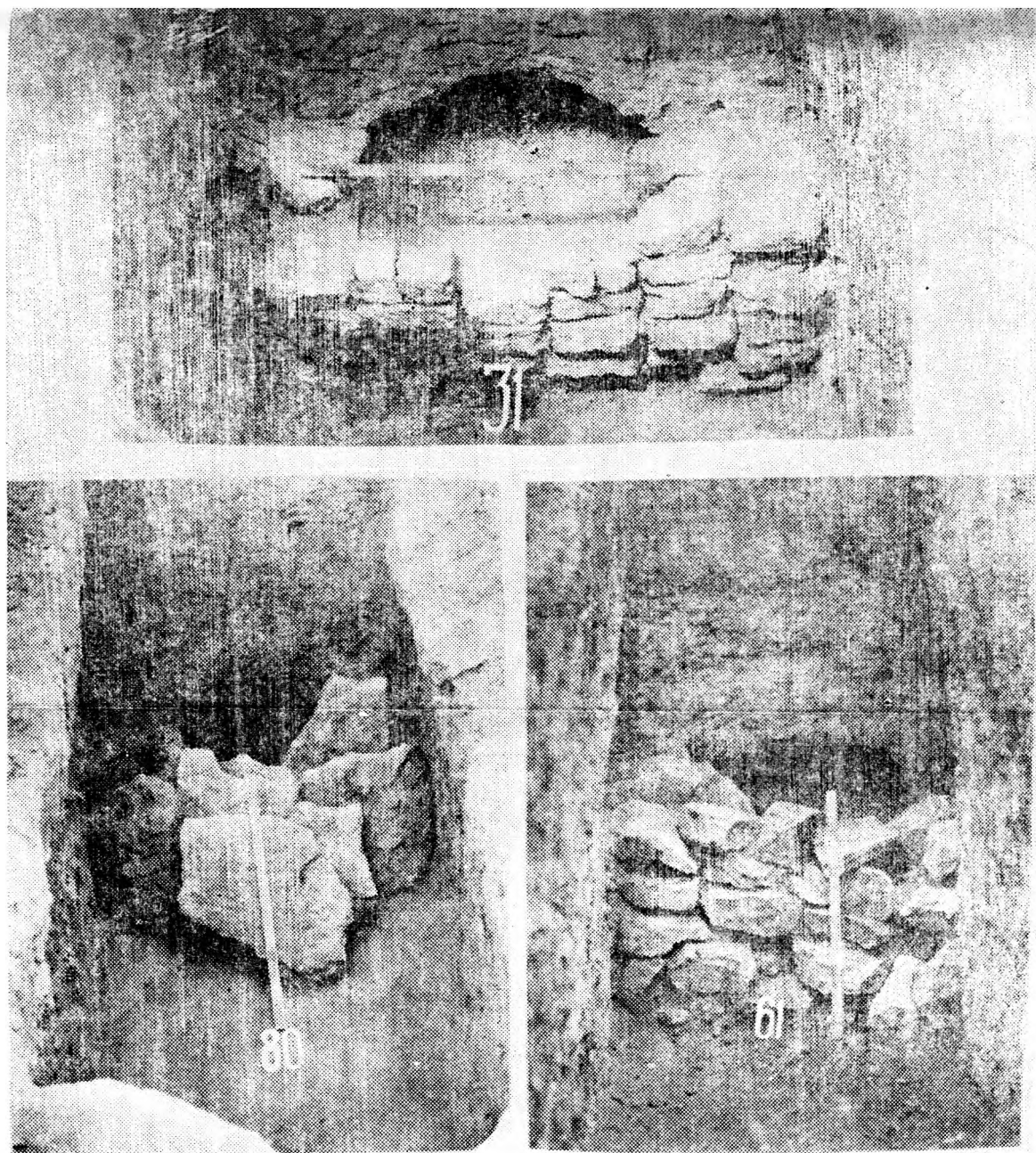

Рис. 12. Детали подкурганых погребений; закладка входов и камер из сырцовых кирпичей и камня.

2,6 м длины, 1,3 м ширины. Высота сводчатого потолка 0,9 м. Пол на 0,2 м углублен по отношению дна драмоса. В камере найден лишь развалившийся череп погребенного, который лежал напротив ступенчатого выхода. Под ним прослежена тонкая камышовая прослойка. Можно предположить, что в камере была погребена лишь голова покойника, погибшего, возможно, на чужбине.

Всего на этом незаурядном памятнике исследовано 56 подкурганых захоронений, в которых выявлен обширный и разносторонний материал. Обращают на себя внимание впечатляющие размеры могильника, протянувшегося более чем на 3 км, что соответствует обширному Верхнечирюртовскому городищу. Внушительны и насыпи курганов и размеры их погребальных сооружений. Наиболее крупные из них достигали 50 м в диаметре и 5 м высоты. Основная масса мелких курганов группировалась вокруг крупных и имела в среднем 15–20 м в диаметре и 1–3 м высоты. Примечательна также выдержанность новых приемов устройства погребальных сооружений, состоявших, как правило, из дромоса и катакомбы. Различия между ними можно проследить лишь в деталях устройства и размерах. Интересна, наконец, выдержанность ориентации погребальных сооружений, лишь с небольшими сезонными отклонениями. Соблюдение общих приемов устройства и ориентации погребальных сооружений на столь обширном могильнике возможно было, видимо, в достаточно развитом обществе, со сложившимися едиными канонами погребального ритуала.

Дромосы катакомб, как правило, имели форму трапеции и были ориентированы строго на север. Длина их варьирует от 2 до 7 м, ширина 0,8–2 м и глубина 1–5 м. В большинстве своем они имели горизонтальное дно, лишь в 14 случаях были наклонены в сторону камеры, всего в двух случаях были ступенчатыми. Наиболее часто дромосы были заполнены землей, реже забутованы камнем (в 6 случаях) или сырцовым кирпичом (7 случаев).

Для погребальных камер (катакомб) характерны общность приемов устройства и ориентации. Они, как правило, направлены с запада на восток, имеют овальные или подчетыреугольные в плане формы, длиной от 1,5 до 4 м и шириной 1,2–2,5 м. Высота большинства сводчатых и в шести случаях двухскатных потолков от 0,8 до 2 м. Причем, размеры камер пропорциональны курганным насыпям. Под крупными курганами сооружены обширные камеры, в которых обнаружен и более богатый погребальный инвентарь. В параметрах погребальных сооружений нашли отражение социальные различия между погребенными.

Способы закладки входов в погребальную камеру различны. В большинстве они заложены каменной стеной, возведенной на глиняном растворе. Входы 12 камер были закрыты вертикально установленными массивными плитами и в 10 случаях заложены стеной из сырцовых

кирпичей, размерами 40×20×10 см. В отдельных случаях наблюдались их комбинации (рис. 12).

Наиболее выразительны различия в способах оформления погребальных камер. В 27 камерах полы были покрыты тонким слоем угля, поверх которого находился камышовый настил. Во всех остальных камерах, за исключением 14, прослежены остатки камыша, который использовался в качестве подстилки и для сооружения гробов (рис. 13, 13 а). Остатки гробов из камышовых жгутов выявлены в 22 катакомбах.

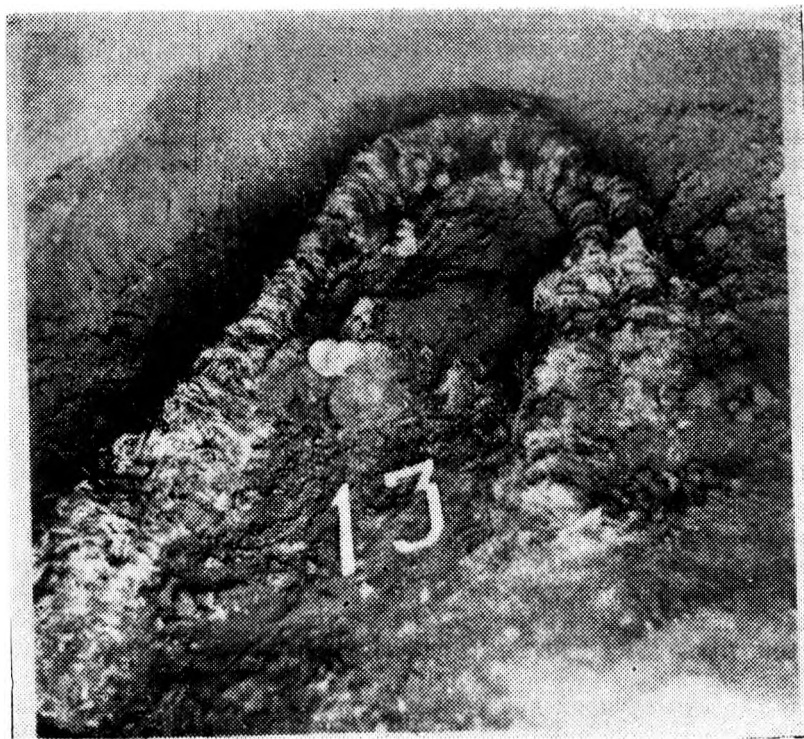

Рис. 13. Остатки камышового гроба в кургане № 13.

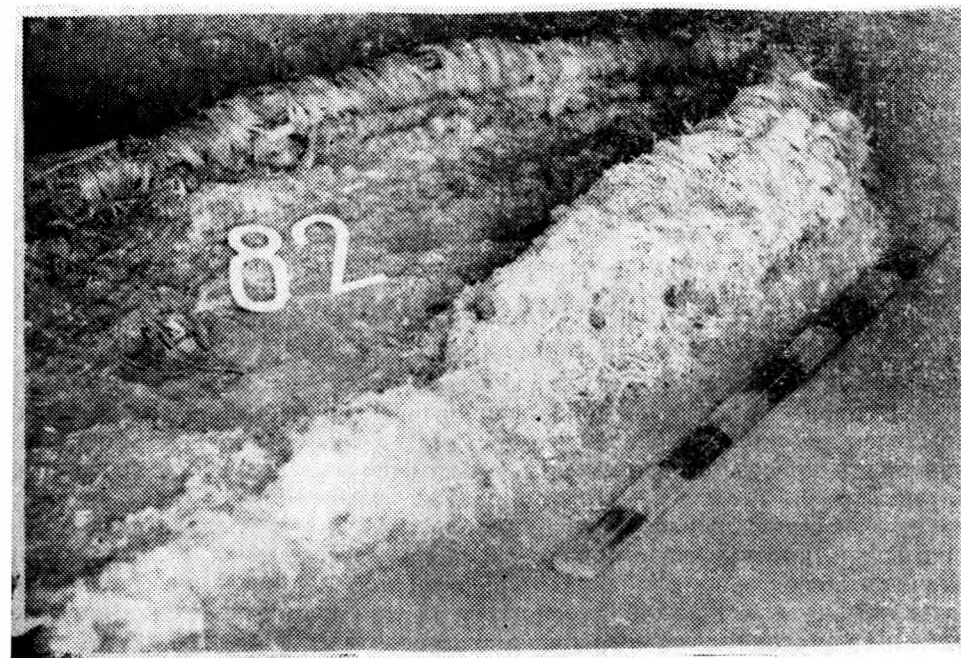

Рис. 13 а. Остатки камышового гроба в кургане № 82.

В характере оформления погребальной камеры, наряду с конструктивными их особенностями, являются отражением не только социальных, но возможно половых, возрастных или родовых различий погребенных.

В 11 камерах полы были вымощены тонкими и плотно пригнанными друг к другу известняковыми плитами, покрытыми камышовым настилом или углем. А в отдельных случаях тем и другим. Эти различия

М. Г. МАГОМЕДОВ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕЧИРЮРТОВСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА

В процессе раскопок Верхнечирюртского курганного могильника выявлен обширный археологический материал, позволяющий ответить на ряд вопросов, связанных с переходом кочевников к оседлости и их взаимоотношениям с местными народами. Материал этот свидетельствует о сложных процессах переплетения совершенно различных культур, на основе которых сформировалась новая своеобразная культура, впитавшая в себя традиции новых народов. Наиболее наглядно формирование этой синкретической в основных чертах культуры можно проследить на материалах погребального инвентаря Верхнечирюртского могильника, анализу которого и посвящена данная статья.

Как уже отмечалось в предыдущей статье, для Верхнечирюртского курганного могильника характерны не только обширные размеры, но и различные способы оформления погребальной камеры, которые выступают свидетельством не только социальных, но и этнических или родовых различий погребенных. Особенно наглядно разница между ними прослеживается в характере погребального инвентаря, наибольшее количество которого представлено остатками вооружения и конского снаряжения. Несколько реже встречались различные украшения.

Наиболее распространенным оружием, судя по находкам в погребениях, были лук и стрелы. В курганах № 5 и 10 сохранились обломки костяных широких срединных накладок лука. Луки с большим числом накладок появились в Сибири и у сармат задолго до этого и в разных вариантах удержались до средневековья¹. Луки только со средними большими костяными накладками (такими, как в Верхнем Чирюрте), по данным А. А. Гавриловой, появились у тюркских народов Сибири в могилах катандинского типа (конец VII—VIII вв.), а их вариант с более мелкими накладками бытовал и позднее². На территории Вос

¹ А. М. Хазанов. Очерки военного дела сарматов. М., 1971, стр. 31—35.

² А. А. Гаврилова. Могильник Кудьгэргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, стр. 64, 87, 88.

точной Европы аналогии верхнечирюртским лукам со средними накладками встречаются в памятниках салтово-маяцкой культуры³ и в печенежских могилах IX—X вв.⁴

Стрелы найдены в 13 курганах в количестве от 1 до 14 экземпляров. В курганах № 5, 23, 29 они обнаружены в виде спрессовавшихся кучек. Все стрелы железные, черешковые, крупных размеров (рис. 14). Их разделение на группы и типы дано в соответствии с классификацией, разработанной А. Ф. Медведевым⁵.

Трехлопастные наконечники стрел представлены двумя типами. Первый тип — трехлопастные узкие килевидные. Общая длина 7—8 см, длина острия — 4—6 см, ширина лопастей 1,5 см. Насад круглый в сечении. Второй тип — килевидные широкие трехлопастные, с отверстиями в лопастях. Длина их 9—10 см; длина острия 5—6 см. Для наконечников характерен большой размах лопастей, достигающий 2,5—3,5 см. По форме головок наконечники подразделяются на два варианта: с покатыми плечиками и с вертикальными гранями, лопасти которых срезаны под прямым или небольшим углом к черешку. Наконечники этого типа, характерные для памятников тюркского времени на Алтае, в Туве и для аварских могил VII в. на Дунае⁶ и ранее неизвестные в Дагестане, выявлены здесь лишь в подкурганых захоронениях Верхнечирюртского могильника. В указанных районах они имели круглые отверстия на лопастях; иногда сопровождалось и костяными свистульками. В степях Юго-Восточной Европы они распространялись в VIII—IX вв.⁷ В Верхний Чирюрт они также занесены кочевниками, скорее всего в VII—VIII вв., поскольку этот тип стрел не характерен ни для Дагестана, ни для Кавказа в целом.

Плоские черешковые стрелы встречались в погребениях совместно с трехлопастными, составляя более половины всего количества стрел. Они подразделяются на следующие группы:

1. Остролистные. Длина их 7—9 см., длина пера 5—6 см, ширина 2—3 см. Имеются экземпляры с небольшим ободком у основания пера.

³ С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, стр. 160, рис. 43, 20; Е. Милованов, А. Иерусалимская. Лук из Мошевой Балки. «Сообщения Государственного Эрмитажа», XI, 1, Л., 1976.

⁴ С. А. Плетнева. Печенеги, тюрки и половцы в южнорусских степях. МИА, 1958, № 62, стр. 159; А. Ф. Медведев. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв. САИ Е1—36. М., 1966, стр. 119, табл. 2, 3, 5.

⁵ А. Ф. Медведев. Указ. соч., стр. 119.

⁶ А. А. Гаврилова. Указ. соч., табл. XVII, XIX, XXII; С. И. Вайнштейн. Памятники второй половины I тыс. в Западной Туве. «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции». М.—Л., 1966, табл. III и VII; A. Salamon. I. Erdelvi Des Völkerwanderungszeitliche Graberfeld von Környe. Budapest, 1971, табл. 7, 27; табл. 10, 1, 4, 6 и др.

⁷ А. Ф. Медведев. Указ. соч., стр. 59—60.

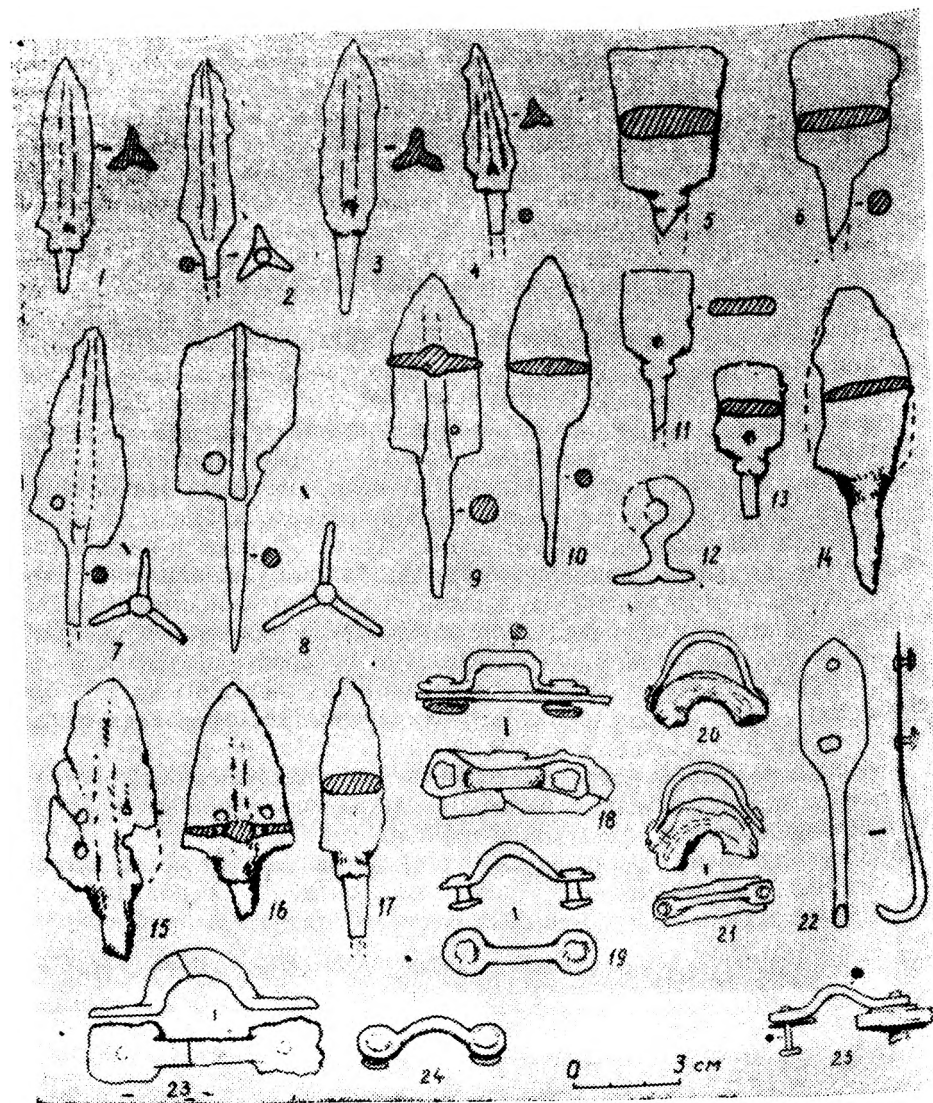

Рис. 11. Остатки вооружения и деталей колчанов:
 1—11, 13—17 — наконечники стрел; 12, 18—25 — детали колчанов. Место нахождения:
 4, 6, 9, 10, 17, 19, 21, 22, 25 — к. № 29; 8 — к. № 17; 12 — к. № 80; 13 — к. № 50,
 18 — к. № 20; 20 — к. № 23; 23 — к. № 49.

Наконечники этой группы были распространены в степях Юго-Восточной Европы в VIII — первой половине IX вв.⁸

2. Килевидные с отверстиями на перьях. Длина 7—9 см, длина пера 5—6 см, ширина 2,5—3 см. На отдельных экземплярах стрел не по два, а по четыре отверстия.

Плоские килевидные наконечники имели распространение в VIII—IX вв. в Европейской части СССР⁹. Сосуществуют они с трехлопастными и на памятниках салтово-маяцкой культуры¹⁰. Интересно, что в Юго-Восточной Европе среди многочисленных наконечников этого типа не найдено ни одного плоского экземпляра с отверстиями на перьях. В этом плане Верхнепечирюртовский могильник выступает своеобразным островком, где представлен этот оригинальный тип стрелы.

3. Срезны в виде широких лопаточек. Длина 4—6 см, длина пера 3—4, 5 см, ширина пера 2—3,5 см. Стрелы этого типа были распространены в Юго-Восточной Европе в VIII—IX вв.¹¹ Более ранние экземпляры известны в Южной Сибири и у авар на Дунае¹². Судя по спекшимся остаткам наконечников стрел (их можно было насчитать до 10 штук), они лежали в колчанах, от которых сохранились лишь крюки и скобы, предназначенные для подвешивания.

Серебряные и железные петли от колчанов с двумя заклепками на концах выявлены в курганах 49 (I группы) и 20, 23, 29, 80 (II группы). В некоторых случаях они обнаружены совместно с крючками (рис. 14). Встречалось по две петли в камере, а в кургане № 29 (II группа) их выявлено четыре. На заклепках петель можно было проследить остатки истлевшего дерева и кожи. Железные петли от колчанов с двумя заклепками встречаются в погребениях Юго-Восточной Европы в VIII—IX вв.¹³ В некоторых катакомбах могильника обнаружены и небольшие обломки древков стрел¹⁴. На конце они имеют глубокий арочный вырез, служивший для вставки тетивы при стрельбе.

Обломки втульчатых наконечников копий выявлены в курганах № 49 (I группа), 20, 29, 35, 66а, 80 (II группа). От одного сохранилась часть квадратного в разрезе штыковидного пера, плавно переходящего во втулку, от второго — плоское основание пера, имевшего, очевидно, листовидную форму; от остальных — лишь обломки втулок, достигав-

⁸ А. Ф. Медведев. Указ. соч., стр. 73.

⁹ Там же, стр. 64.

¹⁰ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 161.

¹¹ А. Ф. Медведев. Указ. соч., стр. 71.

¹² С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 521; А. А. Гаврилова. Указ. соч., стр. 89, табл. XX, 12; А. Salamon, I. Erdélyi. Указ. соч., табл. 7, 28, табл. 25, 16, 17.

¹³ А. Ф. Медведев. Указ. соч., стр. 20.

¹⁴ М. Г. Магомедов. Костяные накладки седла из Верхнепечирюртовского могильника. СА № 1, 1975, стр. 275, рис. 1,5.

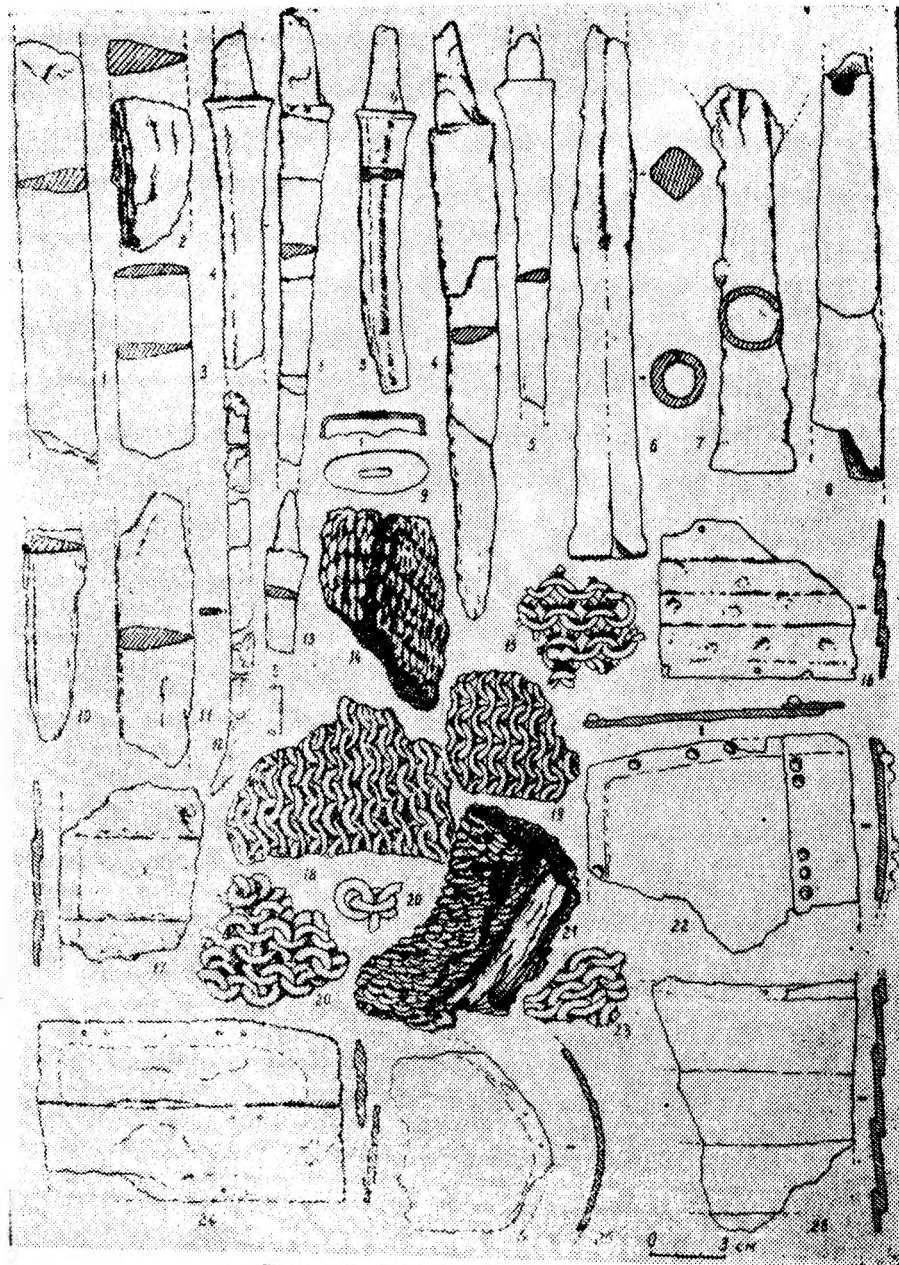

Рис. 15. Подпись см. на стр. 41.

дних не менее 10 см длины. Наконечники первого типа имеют близкие аналогии в раннесредневековых памятниках Дагестана (Большой Буйнакский курган и склеп, раскопанный в 1968 г. около сел. Верхний Каранай), известны и на салтово-маяцких памятниках¹⁵. Они были наиболее удобным оружием для боя с противником, защищенным доспехами. С ними сосуществовали копыя с листовидным пером. В грунтовом могильнике конусовидные наконечники сделаны в упрощенной технике: они выкованы из свернутого листа железа.

Сабли занимают особое место среди многочисленных предметов вооружения с Верхнечирюртовского курганного могильника (рис. 15). В 12 погребениях выявлены небольшие обломки однолезвийных клинков, достигающие в среднем 3 см ширины. О форме клинков можно судить только по остаткам сабли из кургана № 17 слабоизогнутой, с двулезвийным концом. Изгиб сабли заметен на сохранившейся ее концевой части, длиной 18 см, отклонение которой от прямого продолжения клинка составляет 1,5 см. На седельной накладке с изображениями сцен охоты, выявленной в том же погребении 17, всадник вооружен коротким кривым кинжалом (ножом) и длиной равномерно изогнутой саблей¹⁶, что не оставляет сомнения в распространении этого нового вида оружия среди верхнечирюртовцев. На основании комплекса материалов, выявленных в погребении, в том числе и византийской монеты 582—602 гг., оно датируется VII—началом VIII вв. Появление изогнутой сабли на остальной территории Приморского Дагестана в это же время археологически не засвидетельствовано. Так, на некрополе Урдекского городища, заключительные слои которого датируются VII—VIII вв.¹⁷, зафиксирован обломок острия двулезвийного меча. На Бежтинском могильнике датируемом VIII—X вв., выявлены 34 экземпляра клинков: 9 двулезвийных и 25 однолезвийных¹⁸. Лишь 5 из них имеют незаметный изгиб полосы, что не идет ни в какое сравнение с верхнечирюртовскими.

¹⁵ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 160, рис. 43, 3.

¹⁶ М. Г. Магомедов. Указ. соч., стр. 277, рис. 1, 1.

¹⁷ В. Г. Котович. Новые данные о раннесредневековых городах Дагестана. «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР». Баку, 1965, стр. 154.

¹⁸ Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Мамаккала, 1963, стр. 166.

Рис. 15. Остатки вооружения:

1—3, 10—12 — сабли; 4, 5, 13, 27, 29 — ножи; 6—8 — копыя; 14—26, 30 — кольчатый и пластинчатый доспех. Место нахождения: 4 — к. № 35; 5, 6 — к. № 20; 12 — к. № 17; 14, 17, 21 — к. № 29; 18 — к. № 49; 20, 22, 24—26 — к. № 5; 23 — к. № 37; 27 — к. № 26.

Следовательно, сабли Верхнечирюртовского могильника это новый тип, не известный не только по синхронным памятникам Дагестана, но и по более позднему и богатому Бежтинскому.

Внезапное и массовое появление нового оружия ряд исследователей связывает с аланами¹⁹. Подобное предположение было бы оправданно особенно потому, что аланы выступают носителями распространенного в Верхнем Чирюрте катакомбного обряда погребения, да и сам могильник исследователями сопоставляется с аланскими. Однако сабли VII в. в Алании еще не были найдены, поэтому появление их в Дагестане вряд ли может быть связано с аланами.

Народы Кавказа восприняли новое оружие от кочевников, проникших в VII в. в Прикаспийские степи. Занести сюда саблю они должны были, разумеется с той территории, где представлены ее наиболее ранние образцы. На рубеже VII—VIII вв. изогнутые сабли встречаются в погребениях авар на Дунае²⁰. Слабо изогнутые сабли изображены в живописи Афрасиаба конца VII в., где ими вооружены тюркские и дальневосточные воины²¹. Вхождение Верхнечирюртовского городища в область наиболее раннего распространения древней сабли хорошо согласуется с нашим сопоставлением его с ранним политическим центром Хазарского каганата — Беленджером. Вероятно самый богатый могильник этой столицы, связанный с кочевым миром, принадлежал самим хазарам.

Однолезвийные ножи выявлены в 12 погребениях курганного могильника. Судя по наиболее сохранившимся экземплярам, ножи достигали не менее 20 см, а некоторые и 25 см в длину. Иногда их спинка изогнута (рис. 15). Целая серия аналогичных ножей в обломках, длиной 13—21 см, выявлена на могильниках к югу от городища²². На некоторых из них сохранились следы деревянных или костяных накладок рукоятей. Помимо бытового, ножи очевидно имели и боевое назначение, для чего их концы затачивали с двух сторон. Прямое съемное перекрестие, выявленное в одном из погребений, также указывает на боевое назначение ножей. Ножи обычно входят в набор вооружения на тюркских статуях Сибири и в живописи Афрасиаба наряду с саблями. В десяти курганах Верхнего Чирюрта ножи были найдены вместе с остат-

ками сабель. То же сочетание видно на упоминавшейся костяной накладке с изображением всадника из кургана № 17. С. А. Плетнева справедливо отмечает, что длинные салтовские ножи, нередко принимавшиеся исследователями за кинжалы, вполне годились и в качестве оружия²³.

Защитное вооружение также представлено в Верхнечирюртовских курганах (рис. 15). Остатки железной кольчуги найдены в курганах 37, 49 (I группа) и 5, 20, 29, 35 (II группа). Изготовлены они из проволочных колец диаметром 14—16 мм. Остатки пластинчатых панцирей обнаружены в курганах 5, 14, 14а, 28, 35 (II группа). При этом в курганах 5, 29 и 35 (II группа) сохранились вместе кольчуги и панцири. Они выявлены здесь в виде скилевшихся крупных кусков, разбросанных в беспорядке у выхода из камер. Основную массу составляют прямоугольные пластины, по краям которых видны сквозные отверстия со следами заклепок и припаев. Реже встречаются пластины овальных форм с вогнутыми профилями. Размеры пластин также самые разнообразные. Длина их колеблется от 4-х до 12 см, ширина 2—8 см. Форму кольчуг воссоздать невозможно, однако, судя по количеству обрывков, они могли принадлежать остаткам кольчужных рубашек, а не кольчужным поясам или нагрудникам.

Характер и общее количество защитного вооружения, выявленного здесь, также выделяет Верхнечирюртовский могильник среди синхронных памятников Дагестана и Северного Кавказа в целом. Как дорогое оружие, которое производилось в ремесленных центрах с развитой производственной базой, кольчуги и панцири встречаются редко, и в основном в богатых погребальных комплексах. Наиболее ранние их остатки известны в Дагестане из Карабудахкентского могильника № 3 II—III вв.²⁴ Широкое распространение защитное вооружение получает в Дагестане в раннесредневековую эпоху. Обрывки кольчуги найдены В. Г. Котовичем при раскопках в одном из помещений цитадели Урцекского городища. Фрагменты скипевшейся кольчуги из плетеных колец обнаружены в погребении воина у сел. Уллу-ая. Известны они из Бежтинского, Ботлихского, Верхнекаранайского могильников и из других пунктов Дагестана. Широкое распространение кольчуги в Дагестане объясняется тем, что здесь, по сведениям арабских источников, было целое царство «зерекеран» (персидское, означающее «кольчужные мастера»), продукция которых распространялась по всему Кавказу. Не исключено, что часть Верхнечирюртовских кольчуг могла быть изготовлена местными оружейниками по заказам хазарской военной знати.

²³ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 160.

²⁴ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент, МАД, т. II. Махачкала, 1961, стр. 210.

¹⁹ Н. Я. Мерперт. Из истории орудия племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА, XXIII, 1955, стр. 165; Е. И. Крупнов. Из итогов археологических работ. «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института». 1940, т. IX, стр. 155.

²⁰ А. К. Амброз. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. II. СА, 1971, № 3, стр. 128, рис. 14, 4, 5.

²¹ Л. И. Альбаум. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975, рис. 17, 18, табл. XXXIV—XXXVI.

²² Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник. МАД, II. Махачкала, 1961, стр. 252.

Особенно наглядно обилие защитного вооружения, выявленного в погребениях Верхнечирюртовского могильника, прослеживается на фоне других памятников Северного Кавказа. Например, в синхронных аланских памятниках найдены лишь небольшие кольчужные нагрудники. Большое число обнаруженных в катакомбах пластинок и остатков кольчуг свидетельствует в пользу того, что там, как правило, были положены и кольчуги и панцири. Поскольку остатки скелетов принадлежали единичным погребениям, а глубокие подкурганые катакомбы были столь тщательно заложены камнем и сырцовым кирпичом, что исключили возможность вторичных захоронений, можно думать, что в них сохранились остатки кольчуг и панцирей не только самих воинов, но и их коней. Подобная возможность подтверждается множеством целых и обломанных пластинок из кургана № 29, где выявлены 550 экземпляров общим весом 9 кг. Интересно, что в Так-и-Бустане (Иран) царь Хосров II Парвиз изображен в кольчуге, а его конь в пластинчатом панцире.

Снаряжение коня. В дромосах Верхнечирюртовских катакомб неоднократно встречались разбросанные грабителями кости животных (остатки копыт, черепов). Найденные здесь копыта позволяют установить их принадлежность конским захоронениям. В дромосе курганов № 37 (I группа) и 69 (II группа) обнаружены остатки черепов и копыт двух конских захоронений. Не удивительно поэтому, что в курганах довольно часто встречалось снаряжение коня. Остатки седла, позволяющие воссоздать его конструкцию, обнаружены лишь в кургане № 17. От него сохранились: одна деревянная седельная полка, незначительные фрагменты кожи и костяные накладки, украшенные рисунками²⁵. Форма полки позволяет сопоставить ее с хорошо изученными в Сибири древнетюркскими седлами²⁶. Хуже сохранившиеся остатки седел зафиксированы в целом ряде погребений могильника. Так, в курганах № 49 (I группа), № 29, 35, 66а (II группа) прослежены скопления деревянной трухи, которые могли являться остатками седел, судя по бывшим в них подпружным пряжкам. В кургане № 6 (II группа) остатки луки седла отпечатались на наносном слое глины. Фрагменты костяных накладок седла найдены в кургане № 20 (II группа) (рис. 16). Они орнаментированы рядами резных, слегка сплюснутых кружочков, заключенных между окантовкой и украшенных штриховкой, подобно накладкам

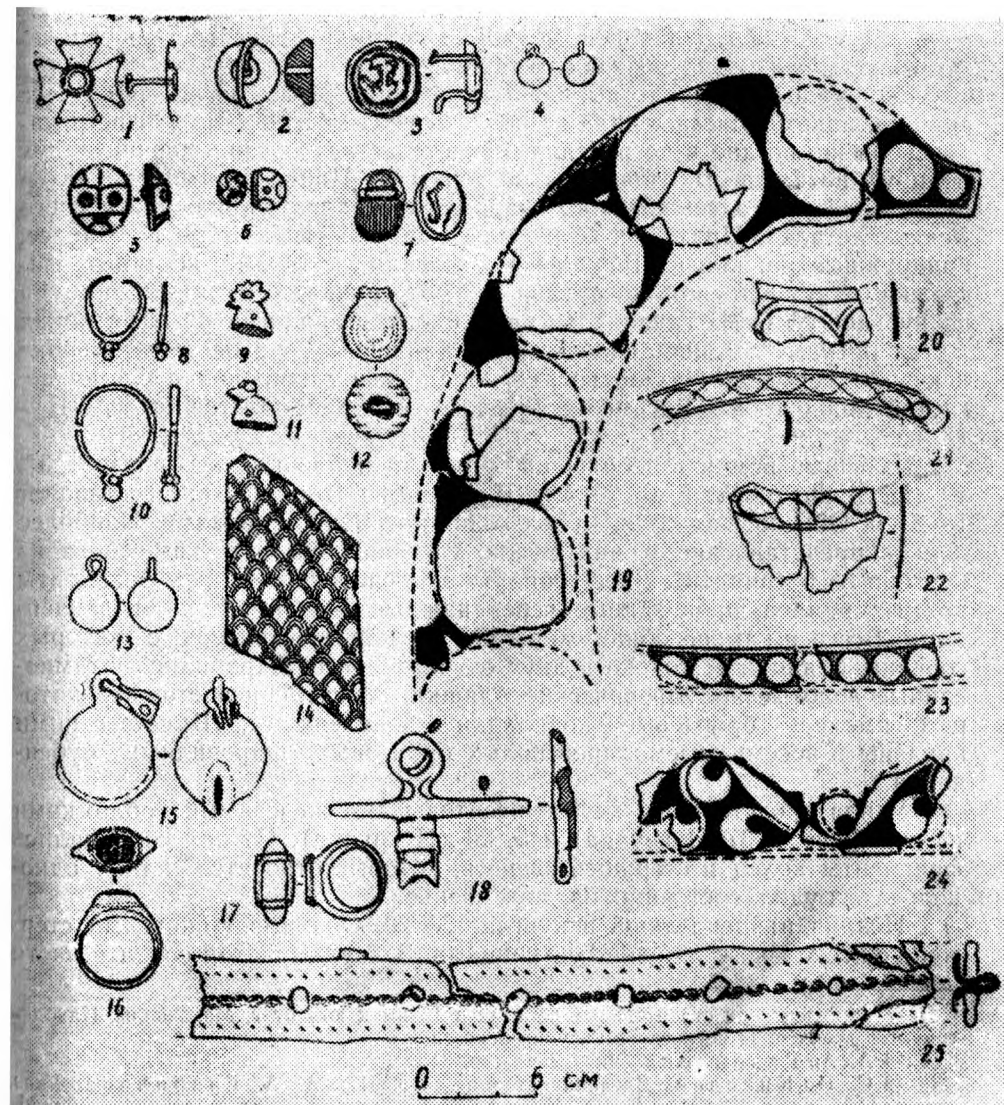

Рис. 16. Украшения:

1 — крест; 2, 4, 5, 12, 13 — пуговицы; 6 — гемма; 7 — скарабей; 8, 10 — серьги; 9, 11 — пронизки; 15 — бубенчик; 16—17 — перстни; 14, 19—24 — украшения седла; 25 — остатки сбруи. Место нахождения: 1, 3, 18, 20 — к. № 20; 2, 5, 6, 7, 9, 11, 16 — к. № 20; 4 — к. № 23; 8 — к. № 37; 10, 12, 13 — к. № 14а, 14 — к. № 49; 15, 25 — к. № 6; 17 — к. № 25; 19, 23, 24 — к. № 17.

²⁵ М. Г. Магомедов. Костяные накладки седла... Указ. соч., стр. 275.

²⁶ А. И. Вайнштейн. Памятники второй половины I тыс. в Западной Туве. М.—Л., 1966, стр. 326—329; табл. X—XI; Он же. Историческая этнография тувинцев. М., 1972, стр. 136; А. К. Кибиров. Работа Тянь-Шаньского археологического отряда. КСИЭ, вып. XXVI. М., 1957, стр. 86; А. А. Гаврилова. Указ. соч., стр. 85.

из кургана № 17. И, наконец, подобные обломки найдены в кочевническом подкурганном погребении у станции Манас²⁷.

Подпружные пряжки выявлены в одиннадцати погребениях. Все они массивные железные, имеют по четырехугольную форму и встречались обычно по две в погребении, свидетельствуя о применении двух подпруг, необходимых для езды по горам²⁸. Привнесенный характер представленного здесь конского снаряжения находит отражение и в его мелких деталях. Пряжка и блок для чумбура, найденные в Манассе, подпружные пряжки из Верхнечирюртовских катакомб, костяные застежки от пут и тренок из кургана № 37 (I группа) и блок для чумбура из кургана № 6 (II группа)²⁹ имеют близкие аналоги в памятниках Алтая и Тувы³⁰. Единственное стремя найдено в грунтовом могильнике к югу от городища³¹. Оно восьмеркообразное с широкой и слегка волгнутой подножкой. Восьмеркообразные стремени бытовали в VII—IX вв.³²

Уздечные ремни в небольших обрывках найдены в курганах № 37, 49 (II группа) и № 5, 6, 20, 29 (II группа). Ширина их составляет 1–2 см. Они обычно сложены вдвое и скреплены бляшками. Наиболее полное представление о них можно составить по остаткам сбруи из кургана № 6 (рис. 16). Здесь обнаружены сложенные вдвое фрагменты прямых ремней, пронизанные через каждые 3 см бронзовыми заклепками. Всего в камере обнаружено 296 подобных заклепок, с которых сорваны бляшки. И только в двух случаях здесь сохранились штампованные золотые полусферические бляшки, с внутренней стороны которых имелись бронзовые подкладки с заклепками. Вместе с ними найдены и восемь экземпляров полых бронзовых шаровидных бубенчиков.

Удила представлены маловыразительными железными обломками из курганов № 37 (I группа) и 5, 20 (II группа). От них сохранились фрагменты колец и стержней звеньев, которые относятся к типу однокольчатых удил, состоящих из двух звеньев.

Псаляя найдена лишь в кургане № 20. Она имеет округлый стержень с несколько утолщенными концами. В двухдырчатой средней части

²⁷ Выявлено при строительных работах в 15 км к югу от г. Махачкалы. Находки хранятся в музее Дагестанского Госуниверситета.

²⁸ А. А. Гаврилова. Указ. соч., стр. 34.

²⁹ С. В. Киселев. Древняя история, стр. 517; А. А. Гаврилова. Указ. соч., стр. 35, табл. XXXIII; Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века. М., 1969, стр. 20, табл. I, 9.

³⁰ А. А. Гаврилова. Указ. соч., стр. 34–35, табл. VIII–XXIII.

³¹ Н. Д. Путинцева. Указ. соч., стр. 118.

³² А. К. Амброз. Стремения и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.). СА, № 4, 1973, стр. 87; С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 167.

стержня сохранились обломки колец. Не претерпев существенных изменений, кольчатые удила и двухдырчатые псаляи бытовали в Евразийских степях до X в.

Пряжки различаются по форме и назначению. Большие четырехугольные железные пряжки в основном следует связать с конским снаряжением — нередко их находили среди деревянной трухи от седел. Пряжки из цветных металлов (рис. 17) выявлены в курганах № 37, 49 (I группа) и 6, 20, 23, 29, 66а, 74, 80 (II группа). В кургане № 22 было две пряжки, в № 59 — три. Обращает на себя внимание сравнительно большое количество пряжек, чуждых северокавказским, крымским и степным памятникам VI—начала VIII вв.³³ Это восьмеркообразные цельнолитые пряжки, у которых ремень крепился за специальную рамчатую скобу, или пряжки с плоской задней пластиной (прикреплявшейся к ремню с помощью штифтиков) и заостренным спереди кольцом. Они появились в тюркской культуре Сибири и отсюда распространялись в Среднюю Азию и Приуралье второй половины VII—VIII вв.³⁴ Только позднее, в период салтовской культуры второй половины VIII—IX вв. они широко распространились в Юго-Восточной Европе³⁵. Их раннее появление в курганах Верхнего Чирюрта — еще одно свидетельство близких связей, оставившего их населения, с тюркским миром. Полученную дату подтверждает находка в курганах № 14, 74, 80 (II группа) трех пряжек византийских типов, которые появились на Северном Кавказе в VII в. и не выходят за рамки VIII в.³⁶

Небольшую, но яркую группу образуют накладки и наконечники ремней, то гладкие (как длинный наконечник из кургана № 37), то штампованные (как наконечник из кургана № 66а со стручковидными изображениями искаженного растительного орнамента), то прорезные (их узор в огрубленном варианте мы находим в Неволлинском могильнике Приуралья)³⁷. Золотые украшения с зернью служили накладками ремней (массивная накладка с овальной янтарной вставкой и обломком шарнирной подвески из кургана № 6; бляшка-маска из кургана № 26).

Крест из кургана № 20 имеет в центре подвижной стержень и, вероятно, был прикреплен к дереву (седлу?). Нередкие находки на городище крестов из различных материалов, а, главное, две церкви, исследованные на курганном могильнике, свидетельствуют о широком

³³ А. К. Амброз. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. I. СА, 1971, № 2, рис. 5–7; В. Б. Деопик. Классификация и хронология аланских украшений VI–IX вв. МИА, № 114. М., 1963, рис. 1.

³⁴ В. И. Распопова. Поясный набор. Тогда VII–VIII вв. СА, 1965, № 4, рис. 3.

³⁵ С. А. Плетнева. Указ. соч., рис. 45.

³⁶ А. К. Амброз. Указ. соч., рис. 7; В. Б. Деопик. Указ. соч., стр. 127.

³⁷ В. Б. Ковалевская, Ю. А. Краснов. Рецензия на книгу И. Эрдели. Е. Ойтози, В. Ф. Генинга. СА, 1973, № 2, рис. 1, 59–61, 76.

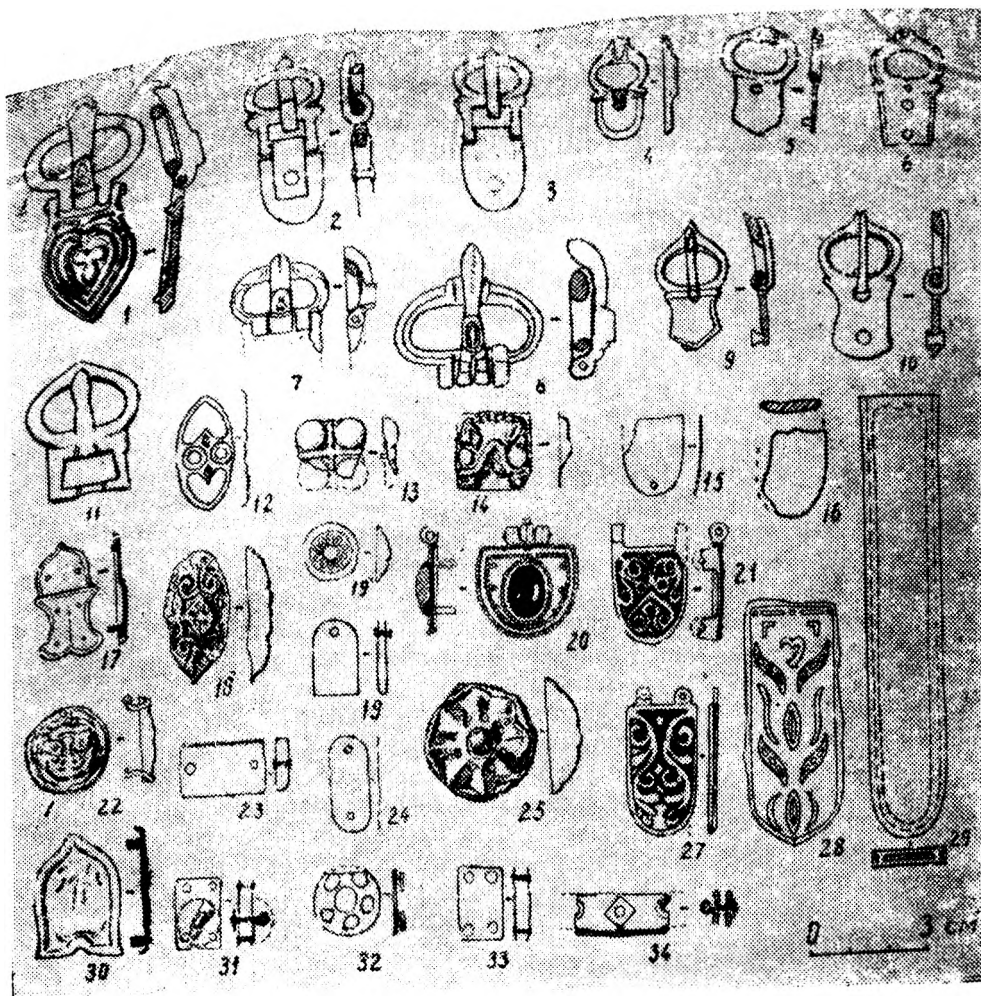

Рис. 17. Детали одежды и украшения:

1—11 — пряжки; 12—14, 17—19, 23—25, 30—34 — накладки на ремни; 15, 16, 19—21, 27—29 — наконечники ремней. Место нахождения: 1 — к. № 14; 2, 9, 10 — к. № 29; 3 — к. № 23; 4, 19, 23 — к. № 49; 5, 22, 32 — к. № 20; 6, 12, 28 — к. № 56а; 7, 15, 21, 27—29 — наконечники ремней. Место нахождения: 1 — к. № 14; 2, 9, 19 — к. № 29; 14, 18 — к. № 26.

проникновении христианства в языческую среду Хазарии. В кургане № 61 христианский крест процарапан на узкой восточной стене камеры.

Бляшки в виде лепестковых розеток или четырех полушарий встречаются в кочевнических погребениях от Алтая до Венгрии³⁸. Две овальные штампованные накладки из кургана № 26 (II группа) и одна, проще украшенная, из кургана № 66а входят в группу близких украшений из Комунты в Северной Осетии и Вознесенки в порожистой части Днепра³⁹. Зооморфный мотив 5-ти четырехугольных бляшек из кургана № 26 редок в Верхнем Чирюрте, но позднее в Дагестане появились разнообразные украшения в зооморфном стиле (Бежта и др.).

Остается упомянуть перстни из курганов № 25 и 26, серьги из курганов № 37 и 14а (II группа), шаровидные пуговицы из курганов № 6, 14а и 23 (II группа) — все из золота. В кургане № 26 были еще обломки массивного серебряного зеркала с узором из радиальных линий и концентрических кругов, небольшой сосуд из зеленоватого стекла с серебряной крышкой и кольцом-держателем на горлышке. В той же, по-видимому женской, могиле, были фаянсовый скарабей, сердоликовая бусина с серебряной ленточкой, синие пастовые подвески в виде мыши и петуха, хрустальная бусина с вырезанным изображением петуха (?).

При раскопках найдено 5 золотых византийских монет⁴⁰. В кургане № 14 была монета VII в., вероятно солид Ираклия (613—616 гг.). В кургане № 16 подражание солиду Ираклия (613—616 гг.). В кургане № 20 — солид Ираклия и его сына Ираклия Константина (613—641 гг.). В курганах № 17 и 61 — солиды Маврикия Тиберия (582—602 гг.). Золотые подражания византийским монетам 613—641 гг. были и в двух погребениях грунтового могильника. Монеты формально ограничивают нижнюю дату могильников началом VII в. Все они имели припан или отверстия для подвешивания, следовательно, могли использоваться задолго до того, как попали в землю.

Н. Д. Путинцева, исследовавшая Верхнечирюртовский грунтовой могильник, датировала его V—VII вв.⁴¹ Опираясь на большой сравнительный материал из комплексов Евроны, А. К. Амброз уточнил дату грунтового могильника, относя его к концу VII и первой половине VIII вв.⁴² Весь инвентарь из погребений курганного могильника также

³⁸ А. А. Гаврилова. Указ. соч., табл. XIX, 1—2, XXIV, 5.

³⁹ А. К. Амброз. Указ. соч., I, рис. 5, 73.

⁴⁰ Монеты были определены В. В. Кроноткиным, за что приношу ему свою глубокую благодарность.

⁴¹ Н. Д. Путинцева. Указ. соч., стр. 261.

⁴² А. К. Амброз. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы, I. СА, № 2, 1971, стр. 123; Он же. О дате могильника в Верхнем Чирюрте «Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа (тезисы докладов)». Махачкала, 1975, стр. 95—96.

не выходит за рамки VII—VIII вв. А такие находки, как изогнутые сабли, луки только с серединными накладками, пряжки тюрко-сибирских типов, орнамент из петлевидных завитков на прорезных украшениях ремней и накладке седла, овальные штампованные бляшки — позволяют отнести курганный могильник Верхнего Чирюрта к тому же времени, что алтайские погребения Катандинской группы, Неволинский могильник, Вознесенское погребение и живопись дворца на Афрасиабе — то есть, не ранее второй половины VII в. и к VIII в. Это устанавливает синхронность всех трех могильников, окружающих Верхнечирюртовское городище.

Раскопки дали материал о социальном расслоении обитателей Верхнечирюртовского городища. Из двух грунтовых могильников ближний к городищу дал множество в основном недорогих украшений и некоторые предметы вооружения. Другой, отделенный от него и от города оврагом, — только единичные украшения, чаще из железа и совсем не содержал оружия. Из 42 исследованных погребений могильника инвентарь был лишь в 6, хотя большинство погребений не были ограблены. Вероятно эти могильники принадлежали соответственно средним и беднейшим слоям городского населения.

Наличие разнообразных, в том числе золотых украшений, а также оружия и доспехов в курганном могильнике свидетельствует, что это было кладбище военной знати, родовой аристократии каганата и постоянной дружины. О делении хазар на классы сообщают и письменные источники (ал-Истахри, Масуди, Ибн-Хаукаль).

Наиболее сложным остается до сего времени вопрос об этнической принадлежности погребений на этих могильниках. Н. Д. Путинцева подчеркивала самобытный характер представленной на грунтовом могильнике культуры, уходящей своими корнями в местные традиции. Другие исследователи сопоставляют тот же могильник с могильниками савирских племен, известных в Дагестане по сообщениям письменных источников (И. П. Костюченко, Т. С. Кондукторова, В. Г. Котович). Некоторые археологи связывают погребения в ямах, составляющие на грунтовых некрополях около 30%, с болгарскими (Г. С. Федоров, В. Б. Ковалевская). Вполне возможно, что часть савир и болгар могла остаться на Прикаспийской низменности после ухода их племен. Это вероятно, если учесть этническое родство болгар с хазарами. Для их выделения из этнически пестрого состава населения Хазарского каганата потребуются дальнейшие целенаправленные исследования.

Большое число исследователей связывают катакомбы Верхнечирюртовского грунтового могильника с погребениями алан (В. А. Кузнецов, В. Б. Ковалевская, Г. С. Федоров, Т. С. Кондукторова). Не отрицая в целом того, что катакомбы — наиболее характерные для аланских племен погребения, генетически восходящие к сарматским погребаль-

ным традициям, мы исключаем возможность отнесения Верхнечирюртовских катакомб к аланским на следующих основаниях. Для погребальных обрядов северокавказских алан необычно помещение в могилы слабо изогнутых сабель, кольчуг и панцирей. Аланскому набору украшений VII—VIII вв. чужды формы пряжек, связанных с кочевниками Сибири. Здесь не лишне напомнить и о рисунке всадника с распущенными косами из кургана № 17 — особенность, зафиксированная только у тюрков и у авар Среднего Подунавья. Не в Алании, а среди народов Азии и степей Поволжья представлен и верхнечирюртовский антропологический тип, характеризующийся примесью монголоидных признаков и кольцевой деформацией черепов⁴³.

Несмотря на кажущуюся общность форм катакомб Верхнечирюртовских и аланских погребений они отличаются в деталях устройства. Катакомбы алан ориентированы различно, в Верхнем Чирюрте дромосы в основном вытянуты с севера на юг, а погребальные камеры — с запада на восток. Необычна для алан забутовка дромосов булыжником, рваным камнем или сырцовым кирпичом. Основная масса аланских катакомб содержала семейные погребения, под курганами Верхнего Чирюрта — одиночные захоронения при гораздо более крупных размерах камер. Встречающиеся иногда здесь погребальные камеры с двускатным потолком напоминают кочевнические кибитки⁴⁴. Чуждо аланам применение камышового настила, выявленное в 42 из 56 подкурганых катакомб Верхнего Чирюрта и гробов из жгутов камыша в 22 камерах.

Если считать катакомбы Верхнего Чирюрта аланскими, то чем объяснить такое заметное тяготение в деталях их устройства и в инвентаре к культуре восточных кочевников? Отождествлению Верхнечирюртовских катакомб с аланскими противоречит не только прослеженное своеобразие погребальных сооружений, но и политическая история, сложившаяся на Северном Кавказе в раннесредневековую эпоху. Известно, что в конце IV в. гунны сломили сопротивление алан, занимавших своими кочевьями Прикаспийские степи до Дона; многих перебили и ограбили, остальных присоединили к себе. После гуннского нашествия аланы не только перестали играть руководящую роль среди кочевых племен в степях Северного Кавказа, но и оказались оттесненными в горы⁴⁵. Территория расселения алан постепенно уменьшается, и, наконец, под давлением черных булгар они теряют район Кисловодска

⁴³ Т. С. Кондукторова. Антропологическая характеристика черепов из Верхнечирюртовского могильника в Дагестане. Вопросы антропологии, вып. 25. М., стр. 128; А. Г. Гаджиев. Древнее население Дагестана. М., 1975, стр. 71.

⁴⁴ Л. Г. Нечаева. О жилище кочевников Юго-Восточной Европы в железном веке. Сб. «Древнее жилище народов Восточной Европы». М., 1975, стр. 19.

⁴⁵ М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936, стр. 45; Он же. История хазар. Л., 1962, стр. 108.

и оказываются загнанными в ущелья — основную их территорию⁴⁶. Несмотря на эти известные исторические факты, в археологическом плане так называемые «аланские катакомбы» широко представлены в V—IX вв. на огромных просторах Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы. В этом плане аланы как бы заслонили собой кочевые народы, оседавшие на просторах Северного Кавказа, поскольку повсеместно здесь широко представлены катакомбные погребальные сооружения⁴⁷. Этими несоответствиями можно объяснить и то, что ряд исследователей выступает в последнее время против теории доминирующей роли ираноязычных алан в IV—XIII вв. на Центральном Кавказе. Эти исследователи склонны рассматривать алан верховьев Кубани и Карачая как тюрков, поскольку топонимика, связанная здесь с катакомбной археологической культурой, является тюркской⁴⁸. О том, что носителями собственно салтовской культуры могли быть в хазарское время уже не иранцы, а турки по языку, указывал и М. И. Артамонов⁴⁹.

Объяснить причины широкого распространения тюркской топонимики по всему Северному Кавказу тюркизацией самих алан очевидно нельзя уже потому, что их потомки — осетины, являются ираноязычными по сей день. Решение этого и многих других вопросов, связанных с катакомбной культурой, следует, по нашему мнению, начинать с выяснения являются ли аланы единственными носителями этого обряда погребения на Северном Кавказе. Культура Верхнечирюртовского типа представлена на многочисленных памятниках Приморского Дагестана. Бытование здесь собственно хазарских племен с их многочисленными поселениями и городами, а также возникновение каганата засвидетельствовано, как известно, в многочисленных письменных источниках⁵⁰.

Возможно, что катакомба не была для пришлых кочевников новым, не известным ранее погребальным сооружением. С ней хазары могли столкнуться в Средней Азии, где катакомбы были широко распространены не только среди оседлого, но и кочевого населения⁵¹. Там же

известна забутовка дромосов камнями⁵², гробы-футляры из камыша или веток⁵³, закладка камер сырцовыми кирпичами⁵⁴. Если в Средней Азии кочевники, в том числе и хазары, могли перенять катакомбный обряд захоронений, то в степях Прикаспия он окончательно у них утвердился. Этому очевидно способствовало не только широкое распространение этого обряда на Северном Кавказе, но и то, что катакомба, как новая форма погребений, утвердилась у гунно-савирских племен, оказавшихся в Приморском Дагестане раньше хазар⁵⁵. Подсыпка угля в некоторых катакомбах заимствована возможно у алан. По-видимому, здесь жили не только пришлые хазары, но и остатки гунно-болгарского, а также аланского населения. Однако и в новых условиях в погребальном ритуале хазар сохранялись пережитки древних традиций. Не случайно кочевнические элементы больше всего сохранились в материалах богатого курганного могильника, прочно связывая его с обрядами пришлой хазарской знати.

С. С. Сорокин. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятник местной культуры. СА, XXVI, 1956, стр. 99; Е. Е. Неразик. О некоторых направлениях этнических связей населения Южного и Юго-Восточного Приуралья в IV—VIII вв. Сб «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 201.

⁵² Б. А. Литвинский. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972, стр. 70.

⁵³ С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина. Работы Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг. МХЭ, вып. 6. М., 1963, стр. 52; А. Н. Берштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памир-Алтая. МИА № 26. М.—Л., 1952, стр. 193.

⁵⁴ Б. А. Литвинский. Указ. соч., стр. 91.

⁵⁵ А. П. Круглов. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИМК, V, 1940, стр. 67; В. Г. Котович. Об этнической принадлежности раннесредневековых катакомбных захоронений прикаспийского Дагестана. «Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа (тезисы докладов)». Махачкала, 1975, стр. 97—100.

⁴⁶ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, М., 1962, стр. 30.

⁴⁷ В. А. Кузнецов. Аланы и турки в верховьях Кубани. «Археолого-этнографический сборник», вып. I. Нальчик, 1974, стр. 76.

⁴⁸ Х. И. Хаджилаев. К топонимике Карачая. «Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института», вып. VI, серия историческая. Ставрополь, 1970, стр. 373.

⁴⁹ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 313.

⁵⁰ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 116; С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 186.

⁵¹ А. К. Кибиров. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане. «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», том II. М., 1959, стр. 136.

М. П. АБРАМОВА

БОЛЬШОЙ БУЙНАКСКИЙ КУРГАН

Большой Буйнакский курган расположен в предгорном Дагестане, в окрестностях г. Буйнакса (б. Темир-Хан-Шура). Хронологически и по культуре он занимает промежуточное положение между Таркинским и Карабудахкентским могильниками, с одной стороны, и Агачкалинским — с другой¹.

В 1897 году Е. Козубский открыл здесь 12 погребений; в 1898 году раскопками руководил Ф. А. Афанасьев. За 2 сезона здесь было раскрыто 26 погребений. К сожалению, полевая документация в большинстве случаев выполнена недостаточно добросовестно, что затрудняет изучение этого памятника.

Все материалы раскопок и документация, вместе с предварительными отчетами авторов раскопок, поступили в Государственный Исторический музей. Позднее они были обнаружены сотрудником археологического отдела ГИМ А. А. Захаровым, который в 1930 году издал их в V томе *Eurasia Septentrionalis antiqua*, снабдив некоторыми фотографиями инвентаря². Фактически статья Захарова является публикацией дневников раскопок за оба года, с рисунками и планами могил, составленными во время раскопок. В публикации А. А. Захаров дает описание самого кургана и краткую историю его застройки, затем приводит дневники раскопок, а в заключение, в качестве аналогий (по некоторым категориям инвентаря и по обряду построения), говорит о других могильниках Северного Кавказа и делает вывод: «Эти параллели и наличие среди предметов из наших могил римских фибул II—IV вв. н. э. и «готских» фибул IV—VII вв. н. э. позволяют относить могилы к III—

¹ К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. КСИИМК, 1951, XXXVIII; Он же. Грунтовые могильники албано сарматского времени у с. Карабудахкент. МАД—II, 1961, стр. 219.

² А. А. Захаров. Contributions to Caucasian Archaeology: a large barrow in Daghestan. ESA-5, 1930.

³ Там же, стр. 216.

VII вв. н. э.³ Датировка эга очень неточна. В литературе уже неоднократно отмечалась необходимость более точной датировки Буйнакского кургана и установления хронологической шкалы для каждого погребения в отдельности⁴, что и является нашей задачей.

Погребальный обряд. Наименование «Большой Буйнакский курган» можно принимать только условно. Перед началом раскопок вершина «кургана» представляла собой ровную, почти круглую площадку: северный, южный и восточный склоны были покатые, а западный, в результате земляных работ, совсем срезан и имел вид перпендикулярной стены⁵. Судя по дневниковым данным, вся земля, окружающая могилы, была насыщена обломками костей животных и человека, а также фрагментами различных вещей, что можно объяснить многочисленными строительными работами.

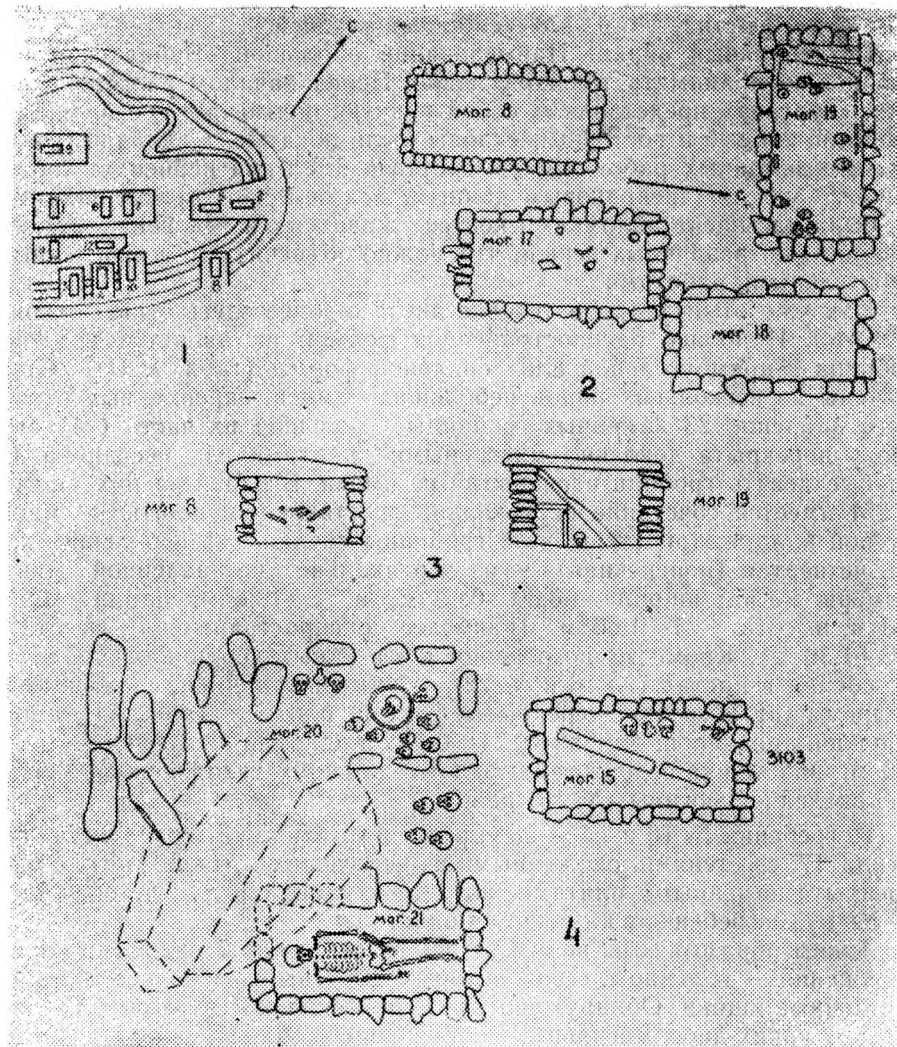
Как уже отмечалось, в течение двух сезонов здесь было открыто 26 могил. Наиболее распространенной формой их является каменная гробница — прямоугольной или овальной формы (табл. I, II). Стены сложены из нескольких рядов небольших камней, скрепленных глиной. Всего найдено 23 каменных гробницы. Большая их часть (14) была сверху перекрыта довольно массивными плитами из песчаника. Остальные девять гробниц перекрыты не имели. В одной из них (могила № 25) имеется сочетание вертикально поставленной плиты и многоярусной кладки: три стены этой гробницы сделаны из небольших камней, четвертая (поперечная) — из вертикально поставленной плиты. Размеры могил: ширина — 0,60—0,80 м и 1—1,30 м; длина — 1,90—2,50 м, высота — 1—1,60 м (наиболее распространенная высота — 1,20—1,30 м). Кроме 23 погребений в каменных гробницах, найдено 2 погребения в цистах (№ 16 и № 22) — каменные ящики, сложенные из четырех плит и сверху перекрытые пятой плитой (табл. II). Ящики небольших размеров: длина — 0,71—0,75 м, ширина и глубина — 0,36—0,40 м. Оба ящика содержат по одному детскому захоронению. Устройство последней могилы (№ 10) не ясно.

Погребения № 16 и 17 — двухъярусные. Нижний ярус составляла могила 17, со стенами, сложенными из небольших камней. Могила была перекрыта каменными плитами, которые составляли дно детской могилы № 16 (погребение в каменном ящике).

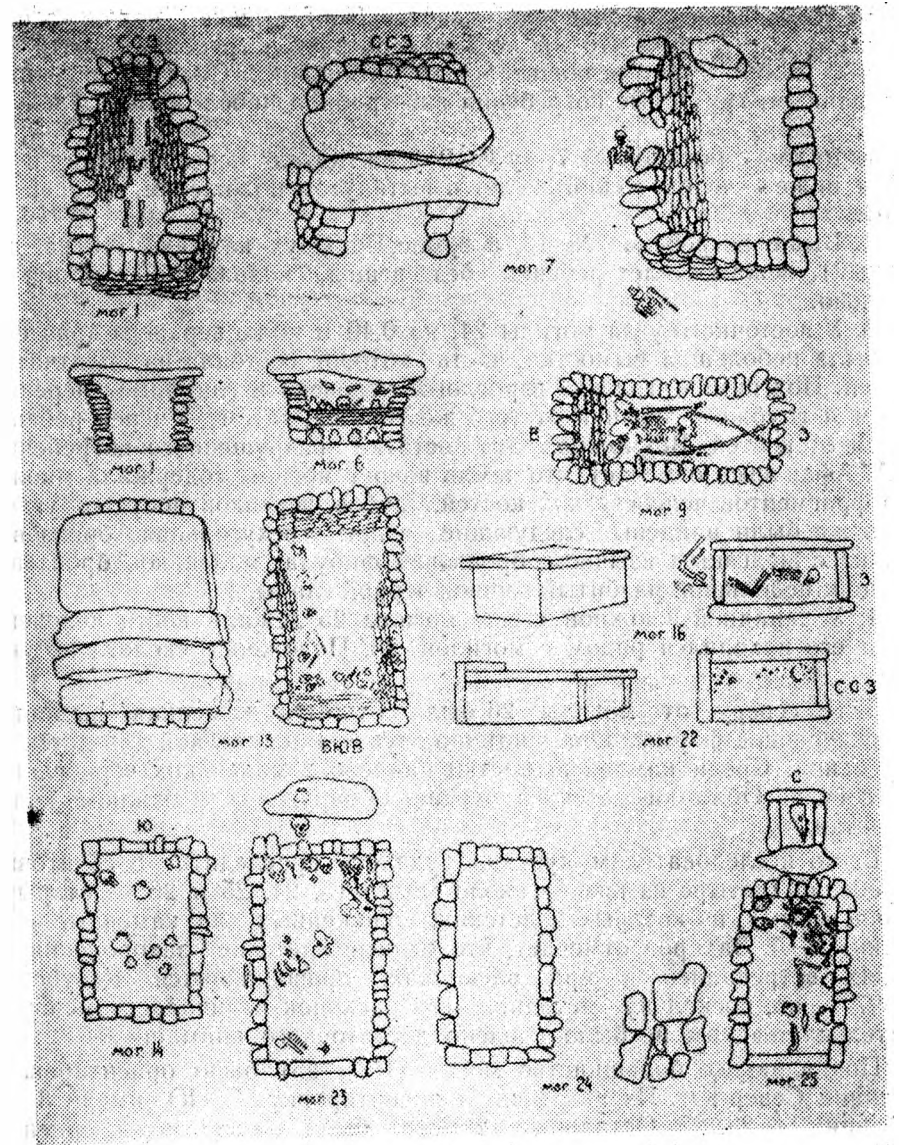
Таким образом, мы видим здесь в основном 2 вида могильных сооружений — гробницы, стены которых сложены из небольших камней, и каменные ящики. Обнаружено здесь и несколько грунтовых погребений, без каких-либо могильных сооружений (табл. II, мог. 7). Послед

⁴ См., напр., Н. Б. Шейхов. Погребальный обряд в раннесредневековом Дагестане как исторический источник. КСИИМК, XI—VI, 1952, стр. 107.

⁵ См. А. А. Захаров. Указ. соч., стр. 184—186.

Т а б л и ц а I. План могильника и групп могил (по А. А. Захарову)
 1 — план раскопов могильника 1897 г.; 2, 4 — план групп могил; 3 — разрезы могил.

Т а б л и ц а II. Планы и разрезы могил (по А. А. Захарову)

ное обстоятельство и, очевидно, недостаточно высокая методика раскопок привели к тому, что мы не имеем об этих погребениях почти никаких сведений, кроме незначительных упоминаний. Судя по дневниковым данным, грунтовые погребения вне гробниц прослежены в следующих случаях:

1. Рядом с могилой № 7, у ССВ угла лежал череп лошади и на 0,53 м ниже — человеческий скелет в вытянутом положении, головой на ВЮВ.

2. Выше погребения № 13, в земле, на двух камнях (10 кв. дм. каждый), лежал скелет ребенка без вещей, положение костяка не отмечено.

3. У восточного угла могилы 24, на 0,40 м ниже верхнего края стены, была небольшая вымостка, часть которой состояла из плитчатых камней. Под ними — голень взрослого человека и глиняные черепки. Рядом и глубже — черепки от того же горшка, затем — череп ребенка и тлен от костей. Возможно, это остатки разрушенного погребения. Ф. А. Афанасьев отмечает, что земля вокруг могилы содержала множество фрагментов человеческих костей, зубов, черепков посуды, углей. Здесь же были найдены следующие вещи: трехугольная бронзовая пряжка с железным язычком, бронзовая фибула, маленькое бронзовое кольцо и небольшой разбитый горшок черной глины.

4. У западной и южной стены могилы 25 лежали кости человека. Череп его находился рядом с могилой 26. Положение скелета не указано.

5. К северу от могилы 26 была открыта каменная вымостка неопределенной формы. Она частично служила подстилкой для детского погребения. Среди камней вымостки найдено 2 маленьких черноглиняных сосуда. Обломки детского черепа обнаружены в южном конце вымостки.

Всего исследователям кургана удалось проследить 5 грунтовых погребений (четыре из них — около могил 13, 24, 25 и 26 — открыты Афанасьевым), из которых 2 детских, положенных на каменные подстилки. А. А. Захаров отмечает, что бедные детские захоронения на камнях встречались и при раскопках, проводившихся Козубским в 1897 г., но, поскольку методика его раскопок отличалась меньшей тщательностью, им не было уделено достаточного внимания.

Подавляющее большинство могил (15 и 25) было ориентировано по линии Север-Юг. Из них точную ориентировку С—Ю имели 3 погребения: 14, 23, 25. Остальные 12 могил были, по-видимому, ориентированы по линии ССЗ—ЮЮВ. Для 3-х погребений (4, 8, 10) эта же ориентировка устанавливается по аналогии с другими могилами, согласно общему плану раскопок 1897 г. На чертежах, представленных

А. А. Захаровым, такая же ориентировка устанавливается и для погребений 17 и 18.

Следующая группа погребений ориентирована по линии Восток-Запад. К ней относится 10 могил, из них 5, 9, 12 и 16 расположены точно по линии Восток-Запад; могила № 2 причисляется к этой группе согласно плану раскопок 1897 г., 4 могилы ориентированы с ЗЮЗ на ВСВ (15, 19, 20, 21) и могила 13 — с ЗСЗ на ВЮВ.

Две черты, устройство могильных сооружений и их ориентировка, характеризующие погребальный обряд, говорят, казалось бы, о некотором единообразии в погребальном обряде Буйнакского могильника. Однако внутри этих могильных сооружений, сходных по форме и по ориентировке, мы находим поразительное разнообразие типов захоронений. Здесь есть погребения в скорченном, вытянутом на спине и сидячем положении, есть расчленения, вторичные захоронения, и погребения отдельных черепов, как простых, так и деформированных.

Рассмотрим каждый из этих типов. Но прежде надо отметить, что в 15 могилах из 26 авторами раскопок не установлен обряд погребений. Очень часто они ссылаются на плохое состояние костей, так как большинство могил, очевидно, было разграблено в древности, некоторые были разрушены в ходе раскопок, а в некоторых, возможно, были вторичные захоронения, что не удалось проследить. Остается, следовательно, всего 11 могил, в которых и содержатся все вышеупомянутые типы захоронений.

1. **Положение вытянутое на спине** — 3 могилы (1, 9 и 21). Каждая содержала по 1 костяку. В могиле 1 скелет почти не сохранился, но судя по положению костей ног (на плане могилы и в описании дневника), костяк лежал вытянуто на спине, головой на ССЗ. Однако в ССЗ конце могилы найдено 2 почти полностью истлевших черепа. Возможно, что здесь, как и в могиле 9, был погребен целый скелет в сопровождении отдельного черепа. В могиле 9 скелет сохранился полностью. Он лежал на спине, в вытянутом положении, головой на В. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги скрещены в голенях, череп скелета деформирован. По обе стороны от черепа, над плечами лежало еще два деформированных черепа без каких-либо следов других костей.

Могила 21 содержала скелет человека в вытянутом положении на спине, головой на СВВ. Ноги вытянуты, правая рука вытянута, левая чуть согнута в локте, кисть на левом бедре. В отличие от погребения в могиле 1, содержавшей значительный инвентарь, два последних погребения (в могилах 9 и 21), ориентированные на В, были почти без инвентаря.

2. **Положение скорченное** — очевидно, в трех могилах (могилы 2

(?), 16 и 20). Могилы 2 и 16, как и в первой группе, содержали по одному костяку.

Могила 2 относится к этой группе предположительно. Исследователь этой могилы Е. Козубский отмечает, что, судя по положению черепа, скелет лежал, видимо, на левом боку, головой на запад.

Могила 16 (каменный ящик) содержала скелет ребенка, лежащего в скорченном положении на левом боку. Ноги были согнуты в голених и положены одна на другую, руки вытянуты вдоль туловища. На плане могилы 16 проставлена ориентировка В-З. Исходя из того, что верхняя могила 16 — детская, длина ее равна всего 0,75 м, можно предположить, что она была расположена поперек нижней могилы. Ее ориентировка совпадает с данными чертежа, скелет же в таком случае был ориентирован головой на запад — точно такая же ориентировка, как в могиле 2.

Положение детского скелета в другом каменном ящике (могила 22) не установлено, т. к. кости его совершенно истлели.

В могиле 20 среди костей многих скелетов, очевидно подвергнутых повторному захоронению, лежал скелет на правом боку, в скорченном положении. Ориентировка его не указана.

3. Вторичные захоронения, расчленения.

Выделение этой группы погребений памятника наиболее затруднительно. В дневниках часто отмечалось нахождение в могилах разрозненных человеческих костей, но произошло ли это вследствие разграбления или разрушения могилы, или здесь имелось вторичное погребение — неизвестно. Правда, в некоторых случаях исследователи могильника отмечают наличие в могиле расчлененных захоронений. Это обстоятельство и дает основание выделить их в отдельную группу.

Могила 15 ориентирована с запада на восток (ЗЮЗ-ВСВ). В ней найдено 3 черепа. 2 из них лежали у середины ЮВ стены, рядом с ними — позвонок, ребра; третий череп лежал в южном углу могилы, на железном наконечнике копья. На дне могилы стояли вертикально по диагонали две каменные плиты. Были ли это плиты от перекрытия, или стены другой могилы (как предполагают исследователи), неизвестно. Это погребение относится к данной группе захоронений лишь условно.

Могила 19 ориентирована с запада на восток (ЗЮЗ-ВСВ). В ней найдено 8 черепов. 4 лежали у восточного угла могилы, причем, три из них свалены один на другой, а четвертый — несколько в стороне. Рядом с черепами лежали длинные трубчатые кости, ребра и другие кости. Пятый череп вместе с бедром и костями ног найден у северной стены могилы, далее к востоку — фаланги пальцев, несколько шейных позвонков, бедренная кость и еще два черепа. В западной половине могилы обнаружен еще один череп (под бедренными костями).

Ф. А. Афанасьев отмечал, что в могиле найдены кости не менее, чем четырех полных скелетов и полагал, что некоторые скелеты были расчленены.

Могила 20 ориентирована с запада на восток (ЗЮЗ-ВСВ). Она наиболее интересна по своему обряду, однако описание ее довольно запутанно. Судя по описанию Ф. Афанасьева, здесь было 2 могилы. Одна из них, «главная», была перекрыта в древности массивными плитами и содержала погребение вождя. Позднее плиты были сдвинуты с места и могила ограблена. Рядом с «главной» могилой была другая, не очень глубокая, также обнесенная сложенными из камней стенами. В нее, по мнению Ф. Афанасьева, были сброшены убитые враги или враги вождя. К такому выводу он приходит на основании того, что под плитами, перекрывающими «главную» могилу, ничего найдено не было, а в примыкающей к ним могиле было найдено более 13, судя по описанию, черепов и рядом с ними разрозненные человеческие кости. В центре этой квадратной могилы стояла глиняная миска, которая со всех сторон была окружена черепами и костями. Ближе к восточному краю могилы стоял маленький глиняный горшок, также в окружении черепов и костей. Судя по описанию, здесь были не только вторичные захоронения. Упоминается скелет, лежавший на правом боку, в скорченном положении, с углами под бедрами.

Несколько скелетов найдено за стенами могилы. О положении и состоянии этих скелетов ничего не известно, кроме того, что все они имели недсформированные черепа, в отличие от найденных в могиле, имевших искусственную деформацию; кроме них, в могиле был найден целый ряд деформированных черепов без сопровождающих их других костей скелета. Афанасьев объясняет наличие здесь различных черепов этническими причинами: все эти захоронения были погребениями рабов, причем часть из них (с деформированными черепами) принадлежала к тому же племени, что и вождь, и захоронена в могиле, а другие (без деформации) принадлежали к другому племени и захоронены вне могилы, без каких-либо вещей.

А. А. Захаров находит все эти описания довольно фантастическими, различное же состояние черепов объясняет разным временем погребения. Что касается описания Афанасьева, то прежде всего нужно отметить, что две эти могилы, возможно, не были связаны друг с другом и являлись не могилами вождя и его рабов, а просто двумя отдельными могилами. Одна из них (под каменными плитами) действительно была ограблена в древности и обряд ее сейчас установить трудно, а другая, ориентированная с ЗЮЗ на ВСВ, содержала захоронения нескольких скелетов, часть этих погребений были вторичными. Кроме того, здесь находилось захоронение в скорченном положении,

а также захоронения отдельных черепов. Все черепа, найденные в могиле и поддающиеся определению, были деформированы.

Интересно отметить, что все указанные нами могилы этой группы ориентированы по линии В-З и ЗЮЗ-ВСВ. К этой же группе относятся, видимо, еще два погребения (могилы 5 и 12). Из-за плохого состояния костей положение скелетов в них не устанавливается. В могиле 5 череп лежал у северной стены, в западной половине могилы, а в могиле 12 рядом с костями конечностей и таза было два черепа. Обе эти могилы относятся к данной группе условно, поскольку они могли быть разграблены в древности.

К этой же группе, включающей и захоронения черепов, можно отнести и упоминавшуюся нами могилу 9, где помимо вытянутого на спине костяка с деформированным черепом было еще два деформированных черепа, без каких-либо других костей.

Погребения сидячие. Ф. А. Афанасьев отметил такие погребения в двух могилах (13 и 25).

Погребение № 13. Ориентировано по линии ЗСЗ-ВЮВ. В могиле найдены кости четырех скелетов, судя по дневниковым данным, значительно разрозненные; некоторые из них находились на — или под сосуздами. Все это, хотя и подтверждает, что здесь было похоронено 4 человека с сопровождающими их вещами (т. к. вещи группируются вокруг костей и позволяют установить, к какому скелету они относятся, но расположение костей и их разрозненность заставляют предположить возможность здесь вторичных захоронений, а не в положении сидя. Однако автор раскопок Ф. А. Афанасьев утверждает, что погребенные имели сидячие положения: ноги их были согнуты в коленях и прижаты к туловищу, а руки свободно свисали вдоль тела. Среди 4-х погребенных он выделяет главного — мужчину, сидящего у центральной части южной стены, спиной к ней. Вокруг него было сконцентрировано все оружие и значительная часть других находок. Справа от него, ближе к ЮВ углу, в сидячем положении — 2 женщины (судя по пряслицам), третья — слева от мужчины.

Могила 25 ориентирована с севера на юг. В ней найдены кости двух скелетов умерших, похороненных, по мнению Ф. А. Афанасьева, в сидячем положении: один у восточной стены, ближе к СВ углу, лицом на запад, другой — у северной стены, лицом на юг. Черепа их откатились в СЗ угол могилы, оба они деформированы. Афанасьев приводит реконструкцию погребения: скелеты в сидячем положении, с поднятыми коленями, кости рук свисают вдоль тела.

Одно погребение в сидячем положении отмечается и в **могиле 6**. Л. А. Захрзов пишет: «Невозможно определить количество и положение скелетов, т. к. кости превратились в пыль. Было найдено 4 черепа. Исходя из положения одного черепа теменем вниз, рядом с тазом и бед

ром, можно предполагать, что захоронение было в сидячем положении, лицом к ССЗ». Но поскольку разрозненные кости человеческих скелетов встречались в различных частях могилы, здесь скорее всего были вторичные захоронения. О том, что могила была разграблена, говорить нельзя, т. к. в ней было найдено много вещей и среди них целые сосуды.

Таковы характерные типы захоронений Буйнакского могильника. Что же касается ориентировки погребенных, то здесь нельзя установить хотя бы приблизительного процентного соотношения. Как уже отмечалось, большая часть могил ориентирована с ССЗ на ЮЮВ. Обряд погребений и положение скелетов этих могил совершенно не восстанавливаются. В могилах, где погребенные лежали в вытянутом положении, были следующие ориентировки: в одном случае на ССЗ и в двух — на восток (В и СВВ). Погребенные в скорченном положении (два случая) лежали, по-видимому, головой на запад (могилы 2 и 16); в могиле 20 ориентировка скорченного погребенного не известна. Что касается пяти грунтовых могил, то известна ориентировка только одного вытянутого костяка — ВЮВ. Таким образом, наиболее распространенной для вытянутых скелетов является ориентировка на восток, однако, поскольку в большинстве могил обряд не восстанавливается, нельзя считать это утверждение категорическим. Для погребений в скорченном положении характерна, по-видимому, западная ориентировка, поскольку все могилы с расчлененными костями, в том числе и с погребениями черепов, вытянуты с востока на запад.

Следующей чертой погребального обряда, характерной для этого могильника, является захоронение лошади или ее черепа. Помимо того, некоторые могилы содержали и отдельные кости лошади (1, 17 и 26), а также кости овцы и быка (6, 19, 20, 23, 24), здесь обнаружено погребение целой лошади или ее черепа, но уже вне основной могилы: иногда просто в земле, а иногда в специальной могиле, расположенной рядом с погребением человека. Так, к могиле 8 с С и СВ стороны примыкало погребение лошади, также ограниченное каменной оградкой. В могиле 7, за стеной, у СВВ угла, лежал в земле череп лошади в могиле 17 череп лошади находился в 1 м от ЮВ угла могилы. Рядом с могилой 25, к северу от нее, в четырехугольной цисте, сложенной из каменных плит, также был найден череп лошади. Нахождение целого скелета лошади в особой могиле, а также отдельных черепов рядом с могилами людей свидетельствует о существовании здесь обряда жертвоприношения.

Встречающиеся рядом с некоторыми могилами (например, 13, 16 и 24) обломки костей различных животных (лошади, овцы, быка) являются остатками тризны. Существование тризны подтверждается и наличием над некоторыми могилами или рядом с ними остатков

кострищ. Так, над могилой 13 прослежены следы небольшого костра, в котором были найдены обожженные кости и астрагалы. Рядом обнаружены фрагменты керамики и кости домашних животных, а также на двух камнях — погребение ребенка, о котором говорилось выше и которое, возможно, является жертвоприношением. Над плитами перекрывающими могилу 5, был найден очаг, сложенный из камней, с остатками угля и золы. К северу от могилы 8, к которой примыкало погребение лошади, найдены лучевая кость и целый кувшин, а под ним следы костра (уголь и обожженный тростник), обложенного с северной стороны мелкой галькой. Следы кострища (диаметром до 0,60 м) были найдены у стен могилы 24, а в углах его — обожженные ребристая голубая бусина и печать (?).

Следы огня прослеживаются не только рядом с могилами. Так, в могиле 1 найдены обожженные кости, а на дне могилы 6 остатки золы. Многие могилы (например, 13, 19, 20, 21, 23, 24, 25) содержали кусочки угля. В могиле 25 был найден сосуд, окруженный золой и угольками.

И, наконец, заканчивая рассмотрение погребального обряда Буйнакского кургана, нужно отметить некоторые сооружения, встречающиеся в могилах. Так, могила 6 была как бы двухъярусной — на дне её, в слое рыхлой почвы, смешанной с золой, стояли целые кувшины и лежали, по-видимому, человеческие кости и некоторые вещи. Выше, непосредственно над кувшином, ближе ко дну могилы был настил из прямоугольных ровных досок, покосившихся на массивных поперечных балках. На настиле также найдены кости человека, кувшины и другие вещи. Сверху могила была перекрыта каменными плитами. Возможно какие-то деревянные сооружения были и в других могилах, где найдены обломки сгнившего дерева (например, в могилах 21 и 23).

Некоторые могилы имели у дна какие-то сооружения, сделанные из каменных плит. Считать эти плиты упавшими перекрытиями нельзя, т. к. они найдены в могилах с сохранившимися перекрытиями. В восточном конце могилы 13, несколько выше дна, лежала каменная плита, заполняя всю ширину могилы и образуя подобие стола, вокруг которого было размещено 8 глиняных сосудов, кости человеческих скелетов и вещи. В западном конце могилы 19 найдена длинная могильная плита, стоявшая наклонно к южной стене могилы. Под плитой лежал человеческий череп, а ближе к южной стене стояли еще две небольшие плиты — одна вертикальная, параллельно южной стене, а другая — перекрывающая первую, горизонтальная. Все это описание дается по чертежу, опубликованному Л. А. Захаровым, без каких-либо пояснений.

Погребальный обряд Буйнакского могильника уходит своими корнями в эпоху бронзы, когда на территории Дагестана господствовала каякентско-хорочоевская культура. Именно для этого времени харак-

терны основные типы могильных сооружений Буйнакского могильника: каменные гробницы и каменные ящики. Так, наиболее распространенным погребальным сооружением Хороchieвского могильника являлся каменный ящик, составленный из вертикально поставленных плит⁶.

В Буйнакском кургане все каменные стены могил находились в земле, но они не были прослежены во время раскопок. В Хороchieвском могильнике имелись ящики, сложенные не только из вертикально поставленных плит, но и из больших камней, поставленных рядами один на другой (могила 36)⁷. Щели между большими камнями заполнялись более мелкими. Все ящики обычно имели перекрытия из больших или мелких плиток, положенных на деревянный настил.

Зарождение таких каменных гробниц, широко распространенных на территории Дагестана в памятниках каякентско-хорочоевской культуры, относится, очевидно, к еще более раннему времени⁸. При этом мы можем, в частности, сослаться на Ирганайские каменные склепы середины II тысячелетия до н. э., представлявшие собой прямоугольные сооружения, сложенные из больших каменных неотесанных плит разной величины и формы⁹. Сверху они также были перекрыты каменными плитами.

Такие сооружения встречаются в Дагестане и позже. Так, в Хабадинском могильнике мы встречаем несколько типов захоронений: для наиболее раннего его периода (VI—V вв. до н. э.) характерны грунтовые могильные ямы, имевшие полукруглую каменную обкладку могилы — черта, распространенная и в памятниках каякентско-хорочоевской культуры; во втором периоде (IV—I вв. до н. э.) появляется новый способ захоронения — в каменных ящиках. Сверху могилы были перекрыты несколькими плитами средних размеров¹⁰.

Следующий период можно охарактеризовать на основании Таркинского (I в. до н. э.—III в. н. э.), I Карабулахкентского (I—II в. н. э.) и III Карабудахкентского (II—III вв. н. э.) могильников. В Таркинском могильнике, испытавшем большое влияние сарматской культуры, преобладают погребения в грунтовых ямах, но и они иногда бывают обложены камнями или вертикально поставленными плитами, что является пережитком каякентско-хорочоевской культуры¹¹. Погребения

⁶ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА 68, 1958, стр. 52.

⁷ Там же, рис. 54, 2.

⁸ Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане (курганная группа у ст. Манас). СА XXVI, 1956, стр. 184.

⁹ М. Н. Погребова. Ирганайский склеп эпохи бронзы. МАД-II, 1961, стр. 109.

¹⁰ М. И. Пикуль. Хабадинский могильник. МАД-II, 1961, стр. 143—144, 154.

¹¹ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе Дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА-23, 1951, стр. 257.

I Карабудахкентского могильника также часто имеют каменную обкладку, но одно погребение (№ 57) было совершено в каменном ящике, от которого сохранилась вертикально стоящая плита. Помимо этого, найдена одна большая могила, в ней погребено около 40 человек¹², стены которой сложены из камней; по технике кладки эта могила напоминает буйнакские. В Карабудахкентском могильнике III, помимо грунтовых погребений, найдено несколько каменных гробниц, сложенных из подтесанных плит и перекрытых плитами¹³.

К следующему периоду на территории Дагестана относятся Гапшиминский (III—VI вв. н. э.) и Буйнакский могильники, где представлены уже довольно массивные каменные гробницы, сложенные из целого ряда камней. Гапшиминские склепы представляют собой значительные по величине погребальные камеры, сложенные насухо из подтесанных камней и перекрытые очень крупными массивными каменными плитами. Склепы эти служили на протяжении значительного времени усыпальницами богатых семей¹⁴.

Массивные склепы, сложенные из камней, встречаются и в более позднее время. Они характерны, в частности, и для Агачкалинского могильника¹⁵. Таким образом, мы видим, что обычай обкладывать могилу камнями в виде вертикально поставленных плит или в виде сложенных друг на друга камней существует на территории Дагестана со II тыс. летия до н. э. и сохраняется очень долгое время, хотя и претерпевает на определенных этапах некоторые изменения. Для раннего времени (каякентско-хорочоевский этап) характерны каменные гробницы небольших размеров — короткие, предназначенные для одного человека, погребенного в скорченном положении. Позднее эти гробницы предназначаются также для одного человека, но уже имеют удлиненную форму, что свидетельствует об обычае погребения покойных в вытянутом положении (Хабдинский могильник). Считают, что возникновение склепов-усыпальниц в качестве коллективных гробниц относится ко времени существования Буйнакского могильника¹⁶; они действительно наиболее широко распространяются в это время (например, Буйнакский и Гапшиминский могильники), но зарождение их, возможно, следует отнести к более раннему времени — одну большую

коллективную могилу, стены которой сложены из камней, мы видели еще в I Карабудахкентском могильнике I—II в. н. э. (могила 38).

Отмеченная нами преобладание свидетельствует о том, что обычай устраивать могилы в виде каменных гробниц или ящиков является несомненно местной чертой. На местный характер Буйнакского могильника указывают и многие другие черты погребального обряда. Так, вытянутые на спине костяки встречались еще в памятниках каякентско-хорочоевской культуры. В Каякентском могильнике эти погребения имели западную ориентировку и в большинстве случаев являлись детскими¹⁷. В Таркинском могильнике этого времени также имелись единичные вытянутые на спине погребения с ЮЗ-СЗ ориентировкой¹⁸. Три погребения в каменных ящиках с костяком в вытянутом положении найдены в Хабадинском могильнике. Ориентировка погр. 6 — западная, двух других — не установлена¹⁹. В Таркинском могильнике албаносарматского времени погребения в положении вытянуто на спине составляют основную группу; среди них преобладает юго-восточная ориентировка, реже — ориентировка (СЗ, ССЗ, ССВ, СВ), характерная для более поздних погребений²⁰.

Погребения в вытянутом положении составляют большую группу и в Карабудахкентских могильниках I и III. В I Карабудахкентском могильнике преобладает восточная ориентировка (иногда с отклонением на юг), реже встречается северная или южная²¹. В Карабудахкентском могильнике III погребенные лежат в вытянутом положении в грунтовых могилах преимущественно на В (иногда с отклонением к С или Ю); в каменных гробницах они имеют ориентировку на ЮВ и С²². Восточная ориентировка характерна и для погребенных вытянуто на спине в Мамай-Кутанском могильнике (II—III вв. н. э.)²³. Как в Таркинском, так и в Карабудахкентских могильниках у погребенных встречаются скрещенные в голени ноги и согнутые в локтях руки, так что одна или обе кисти лежат на тазовых костях, что характерно для погребений сарматской и меотской культур. Однако здесь это можно связывать с сарматским влиянием, поскольку письменными и археоло-

17 А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 57; Е. П. Крупнов. Каякентский могильник — памятник древней Албании. Труды ГИМ, 1940, вып. XI, стр. 8.

18 Е. И. Крупнов. Новый памятник древней культуры Дагестана, МИА-23, стр. 108, сл.; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования, МИА, 23, стр. 244.

19 М. И. Пикуль. Хабадинский могильник, стр. 143—144.

20 К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 259.

21 К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албаносарматского времени, стр. 196—200.

22 Там же, стр. 217.

23 В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана, МАД-1, Махачкала, 1959, стр. 145 сл.

12 К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албаносарматского времени у сел. Карабудахкент. МАД-II, стр. 176, 186.

13 Там же, стр. 214—216.

14 «Очерки истории Дагестана», т. I, 1957, стр. 31.

15 К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. КСИИМК, XXXVIII, 1951.

16 Н. Б. Шейхов. Погребальный обряд в раннесредневековом Дагестане как исторический источник. КСИИМК, XI—VI, 1952, стр. 107.

гическими источниками засвидетельствовано проникновение сармат на Северо-Восточный Кавказ, в частности на территорию Дагестана²¹. Эти черты встречаются и в некоторых погребениях Буйнакского могильника (9 и 21), которые, кстати, характеризуются почти полным отсутствием инвентаря. В Буйнакском могильнике для большинства погребенных вытянуто на спине характерна восточная ориентировка, что сближает эти погребения больше всего с вытянутыми погребениями I Карабудахкентского и Мамай-Кутанского могильников.

Что касается погребенных в скорченном положении, встречающихся в Буйнакском могильнике в единичных экземплярах, то они несомненно свидетельствуют о пережитках каякентско-хорочоевской культуры. В Хорочоевском могильнике характерная ориентировка погребенных южная (иногда с отклонениями на восток или запад). Другие могильники, в частности, могильник Белгатов, имели ориентировку скорченных погребенных на восток или на запад²⁵. Несколько подобных погребений было найдено в Таркинском могильнике каякентско-хорочоевской культуры и все они имели ЮВ ориентировку²⁶. Погребения в скорченном положении характерны и для древнейшего периода Хабдадинского могильника (VI—V вв. до н. э.), где они имели СЗ ориентировку²⁷. В Таркинском могильнике албано-сарматского времени погребенных в скорченном положении не найдено, но они есть в I Карабудахкентском могильнике, где они ориентированы преимущественно на восток, иногда с отклонениями на юг²⁸. В Гапшиминском могильнике, как и в Хабдадинском, такие погребения имеют СЗ ориентировку²⁹.

Таким образом, обряд погребений в скорченном положении наблюдается в Дагестане еще с эпохи бронзы и продолжается непрерывно до середины первого тысячелетия нашей эры, ориентировка же их на разных этапах и в разных могильниках — различная, так что преемственности не наблюдается (за исключением Хабдадинского и Гапшиминского могильников, где ориентировка одинаковая).

Третий тип захоронений — погребения в сидячем положении, также известны в Дагестане еще с эпохи бронзы; они характерны для восточной группы могильников каякентско-хорочоевской культуры³⁰.

24 Страбон. География XI, V, 8; Е. И. Крупнов. Новый памятник... стр. 222; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования, стр. 27; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.

25 А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 56.

26 К. Ф. Смирнов. Археологические исследования, стр. 244.

27 М. И. Пикуль. Хабдадинский могильник, стр. 147.

28 К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники..., стр. 196—200.

29 В. Г. Котович, Р. М. Мунчаев, Н. Д. Путинцева. Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана. МАД-II, стр. 277.

30 А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ, стр. 56; Он же. Каякентский могильник, стр. 8.

Такие погребения встречаются на территории Дагестана и в более позднее время; они найдены в Хабдадинском могильнике — с VI в. до н. э.³¹, в Таркинском могильнике — эпохи бронзы и албано-сарматского времени³², а также в I Карабудахкентском могильнике³³. В Таркинском могильнике сарматского времени в сидячем положении погребены обычно дети, в Карабудахкентском могильнике I как дети, так и взрослые; в Буйнакском могильнике для детских погребений характерно скорченное положение, а для взрослых — сидячее.

Перейдем к последнему, наиболее здесь распространенному типу погребений — вторичных захоронений — группа, включающая в себя и погребения отдельных черепов. В литературе неоднократно отмечалось существование в Дагестане обряда вторичных захоронений еще с эпохи бронзы, со II тысячелетия до н. э., и критиковалась попытка связать эти «расчлененные погребения с зороастризмом³⁴. В работе К. Ф. Смирнова и Р. М. Мунчаева отмечается, что расчлененные трупы встречаются на Кавказе как исключение, распространенным же обрядом во II—I тысячелетиях до н. э. являются вторичные захоронения. Этот обряд, утверждают авторы, возрождается на рубеже и в первые века нашей эры в Дагестане, о чем свидетельствуют раскопки Таркинско-го и Карабудахкентского могильников I и III. Причем генетическую связь между обрядом вторичных захоронений II—I тыс. до н. э. и сарматской эпохи установить трудно, но наличие этого обряда во II тыс. до н. э., возродившегося в сарматское время³⁵, свидетельствует о его местных корнях. Появившись в Дагестане вновь на рубеже нашей эры, этот обряд существовал здесь и в эпоху раннего средневековья, о чем свидетельствуют погребения Буйнакского могильника; встречается этот обряд и позже, в частности, одно такое погребение найдено в Агачкалинском могильнике³⁶. Отмеченный же арабскими писателями XII—XIII вв. обычай расчленять покойников, распространенный у кубачинцев в Дагестане, вряд ли можно генетически связывать с обрядом вторичных захоронений, существовавшим здесь с рубежа нашей эры³⁷.

Пожалуй, еще более широко существовал связанный с обрядом

31 М. И. Пикуль. Хабдадинский могильник..., стр. 154.

32 Е. И. Крупнов. Новый памятник..., стр. 225; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования..., стр. 244, 258.

33 К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники..., стр. 196—200.

34 А. С. Уваров. Курганы с расчленениями близ Дербента. Труды УАС. М., 1887; Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ Карабудахкента. МИА-68, 1958, стр. 159—161; М. Н. Погребова. Ирганайский склеп..., стр. 119—120.

35 Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 160.

36 К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник. КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 114.

37 Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 160.

вторичных захоронений обычай погребения отдельных черепов. Наиболее древние захоронения черепов относятся еще к эпохе палеолита: в пещере Офнет (Бавария), относящейся к азильскому времени, в двух круглых ямах было найдено 33 женских черепа, 20 детских и 6 мужских, посыпанных красной краской, в сопровождении украшений из просверленных раковин и клыков³⁸. Эти захоронения С. А. Токарев считает явным остатком обряда вторичного погребения³⁹. Известны захоронения отдельных черепов, относящиеся к эпохе энеолита⁴⁰, а также к эпохе бронзы, причем последние довольно широко известны как в Закавказье⁴¹, так и на Северном Кавказе, в частности, на территории Дагестана⁴². Здесь встречаются не только захоронения черепов в отдельной могиле, иногда с некоторыми другими костями скелетов, но и положенные в могилу рядом с целым костяком один или несколько черепов без сопровождающих их костей⁴³, т. е. точно тот же обряд, что мы видели в погребении 9 Буйнакского могильника. Захоронения отдельных черепов в Дагестане относятся к первым векам нашей эры (I Карабудахкентский могильник), этот обычай сохранялся здесь на протяжении всего первого тысячелетия нашей эры (Гапшминский, Буйнакский, Бежтинский⁴⁴ могильники), на Северном Кавказе, за пределами Дагестана (Задалиск, Лизгор)⁴⁵, а также в Крыму⁴⁶.

Трудно сейчас выяснить причины возникновения этого обряда. Несомненно, положение отдельных черепов, иногда вместе с некоторыми другими костями скелетов, говорит о связи с обрядами расчленения или повторных захоронений. П. С. Уварова связывает это с восточными обычаями, существовавшими в частности в Монголии, население которой клало трупы умерших на поверхности земли в глухих местах, где хищные звери оставляли только черепа, которые потом предавались

³⁸ В. И. Равдоникас. История первобытного общества, т. I, Л., 1939, стр. 258; П. П. Ефименко. Первобытное общество, 1953, стр. 636—637.

³⁹ С. А. Токарев. Религия в истории народов мира, М., 1964, стр. 10.

⁴⁰ Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации, 1952, стр. 186.

⁴¹ ОАК—1899 г., стр. 82; ОАК—1900 г., стр. 78; ОАК—1903 г., стр. 67; И. И. Мещанинов. Археологическая экспедиция в Нагорный Карабах и Нахичеванский край СГОИМК, вып. I, 1926, стр. 236.

⁴² В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане, МАД-II, стр. 31.

⁴³ Д. Б. Шульц. Обзор могильников Закавказья и древние пути передвижения народов. Изв. Кавк. отд. МАО, вып. II, 1907, стр. 2—3; 1931, стр. 162—163; (курган № I близ П. Чиркея).

⁴⁴ Д. М. Атаев. Археологические исследования на Кавказском хребте. СА—1961, № I, стр. 283.

⁴⁵ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, МАК-VIII, 1900, стр. 194, 200, рис. 173.

⁴⁶ Например, см. М. А. Тихонова. Базилика. МИА-34, Мангуп, стр. 359—363.

погребению⁴⁷. Некоторые исследователи, в частности Д. М. Атаев, считают захоронения черепов культовыми, ссылаясь при этом на высказывание арабского писателя X века Ибн Руста о том, что племена, жившие в Аварии, поклонялись сухой голове⁴⁸.

Наибольший же интерес представляет обычай положения голов рядом с целым костяком. К. Ф. Смирнов считает, что это были черепа врагов или социально зависимых людей, принесенных в жертву⁴⁹. Однако в Буйнакском могильнике отдельные черепа сопровождают обычно очень бедные захоронения (например, могила 9), и, следовательно, вряд ли можно говорить о принадлежности этих черепов социально зависимым от основного покойника людям. Предположение о захоронении черепов врагов более обоснованно, т. к. имеются свидетельства, что восточные народы, в том числе и некоторые кавказские племена, в древности отрезали головы убитых врагов и уносили с собой в качестве трофея⁵⁰.

Приведенные выше аналогии свидетельствуют о широко распространенном обычае погребения отдельных черепов: менее распространенным и характерным, в частности для Дагестана, является захоронение деформированных черепов. Появление этого обряда на Кавказе связывается с проникновением сюда сармато-аланских племен. На Северном Кавказе этот обряд распространяется в IV—V вв., деформированные черепа встречаются в целом ряде аланских памятников⁵¹. В Дагестане в памятниках первых веков нашей эры (Тарки, Карабудахкент, Мамай-Кутан и др.) деформированные черепа не найдены, они характерны для некоторых катакомбных могильников IV—VII вв. (Паласа-Сырт⁵², Чирюрт⁵³), которые приписываются аланским племенам⁵⁴. Буйнакский могильник является в Дагестане, пожалуй, наиболее ранним памятником, в котором найдены деформированные черепа, правда, датировка самих погребений, в которых они были найдены (9, 20, 25) затрудняет-

⁴⁷ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, стр. 194; Горощенко. Гипсовые погребальные маски. Труды Рижского Археологического съезда, т. I, стр. 180.

⁴⁸ Д. М. Атаев. Археологические исследования в Дидо. СА, 1961, № I, стр. 288.

⁴⁹ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени, стр. 201.

⁵⁰ Г. Гоян. Черты своеобразия армянского эллинистического театра ВДИ, 1950, № 3, стр. 178—192; Ксенофонт. Анабасис, кн. IV, гл. VII, 15; и кн. V, гл. 14, 17.

⁵¹ В. А. Кузнецов. Аланские племена Сев. Кавказа, МИА-106, 1962, стр. 15.

⁵² В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана, МАД-I, 1959, стр. 148, сл.

⁵³ Н. Д. Путищева. Верхнечирюртовский могильник. МАД-II, стр. 248.

⁵⁴ В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 156; В. А. Кузнецов. Аланы и ранне-средневековый Дагестан. МАД-II, стр. 265—270.

ся из-за бедности инвентаря: в могиле 9 найдено всего несколько бусин, в могиле 20 — миска и лепной горшочек, в могиле 25 — 3 сосуда, копье, бронзовая пряжка. Датировка этих и других погребений будет рассмотрена ниже.

Нахождение костяков с деформированными черепами в катакомбных могильниках (Паласа-Сырт, Чирюрт) не вызывает удивления, поскольку они характерны для целого ряда катакомбных могильников Северного Кавказа и других областей; в Буйнакском же могильнике деформированные черепа найдены в могилах, которые и по устройству (каменные гробницы), и по типу захоронения (погребение сидя — мог. 25, захоронение черепов — мог. 9, расчленение — мог. 20) необходимо отнести к обряду местного населения. Ряд погребений этого, несомненно местного могильника, свидетельствует о проникновении сюда некоторых, хотя и довольно слабых влияний пришлых, очевидно аланских племен. При этом все основные черты погребального обряда остались местными (об этом свидетельствует захоронение отдельных черепов, подвергнутых деформации; погребения сидя, с деформированными черепами и т. д.).

Что же касается других черт погребального обряда (захоронение копя или его черепа, наличие очагов — остатков тризны, рядом с погребениями, а также угля в могиле), то все они также носят местный характер. Обычай сопровождения человеческих захоронений погребением лошадей не известен в памятниках каякентско-хорочоевской культуры; он впервые появляется в скифское время. В Хабадинском могильнике (VI в. до н. э. — III в. н. э.) найдены обложные камнями конские могилы, содержащие захоронения целых костяков лошади⁵⁵. Погребение лошади целиком найдено в Таркинском могильнике албаносарматского времени⁵⁶; в Карабудахкентских могильниках I и III рядом с могилами обнаружены захоронения лошадей целиком, их черепов или других костей⁵⁷. Захоронения лошадей встречаются и в могильниках, относящихся к более позднему времени, чем Буйнакский, например в Агачкале⁵⁸.

Относительно очагов рядом с могилами и наличия угля в могиле можно сказать, что эти черты погребального обряда появились в Дагестане еще раньше, чем погребения лошади — они известны с эпохи бронзы. К. Ф. Смирнов отметил, описывая карабудахкентские могильники, что наличие угля в могилах — сарматская черта, характерная

для позднесарматских погребений Поволжья⁵⁹. Однако в Дагестане кусочки угля в могиле, а также следы огня рядом с ней часто в виде каменных очажков, известны еще в памятниках каякентско-хорочоевской культуры⁶⁰. Уголь в могилах найден и в Хабадинском могильнике⁶¹, и в более поздних памятниках. Так что эти черты говорят не о сарматском влиянии, а еще раз подчеркивают местный характер Буйнакского могильника.

Об этом свидетельствуют и виды могильных сооружений (каменные гробницы-склепы и каменные ящики-цисты), а также типы захоронений (скорченно, вытянуто, сидя, вторичные захоронения и погребения отдельных черепов). Все эти черты известны в Дагестане с эпохи бронзы. Некоторые черты обряда можно связывать с обычаем пришлых элементов, очевидно сарматских (скрещенное положение ног, положение кистей рук на таз, куски мела в некоторых могилах, а также наличие в некоторых, обычно бедных, погребениях деформированных черепов). Фактом, указывающим на переплетение местных и пришлых элементов, является погребение черепов, подвергнутых деформации, а также сидячие погребения с деформированными черепами.

Наличие разных типов захоронений в одном могильнике характерно и для некоторых других памятников Дагестана, но более раннего времени (например, Карабудахкентские могильники). Буйнакский могильник является, пожалуй, наиболее поздним памятником, в котором сосредоточились почти все основные черты погребального обряда, известные на территории Дагестана с эпохи бронзы. В других могильниках этого и более позднего времени такого сочетания различных черт мы уже не встречаем. В этом одно из значений Буйнакского могильника.

⁵⁹ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники, стр. 217.

⁶⁰ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ, стр. 58—59.

⁶¹ М. И. Пикуль. Хабадинский могильник, стр. 147.

⁵⁵ М. И. Пикуль. Хабадинский могильник, стр. 147.

⁵⁶ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования..., стр. 258.

⁵⁷ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники, стр. 196—200, 203, 217.

⁵⁸ К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник, стр. 117; Н. Б. Шейхов. Погребальный обряд в раннесредневековом Дагестане, стр. 102—103.

А. А. КУДРЯВЦЕВ

РАСКОПКИ БОГАТОГО ЗДАНИЯ VIII—XIII вв. В ЖИЛОМ КВАРТАЛЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ДЕРБЕНТА

История развития Дербента в средневековый период представляет огромный интерес как для изучения самого города, так и для понимания закономерности возникновения и становления средневековых городов Дагестана и всего Кавказа.

Раскопки, проведенные в 1972 году в жилом квартале у южной городской стены в районе Джума-мечети, позволили исследовать один из интереснейших периодов развития города, относящихся ко времени вхождения Дербента в состав Арабского халифата, а затем выделения его в самостоятельное феодальное княжество.

Впервые в истории города был получен археологический материал, позволяющий составить представление о жизни его в средневековое время, на которое, по сведениям арабских историков и географов, приходился расцвет города Дербента, и сопоставить данные археологии с сообщениями многочисленных средневековых письменных источников. В начале VIII в. арабы, окончательно вытеснив из Дербента хазар, открыли новый период в истории города, ставшего крупнейшим военно-политическим и торгово-ремесленным центром на Кавказе, «больше и краше Ардебиля и Тифлиса»¹.

Археологические раскопки, проведенные в Дербенте, позволили составить представление о жизни и развитии города в период его наибольшего расцвета. У южной стены города (в 29 м от нее) было обнаружено и вскрыто уникальное по материалу строительства и богатству находок жилое здание из жженого кирпича, функционировавшее с VIII по XIII век. Выявлены и уточнены планировка здания, его архитектурные особенности и перестройки, этапы обживания и время существования, получен огромный керамический материал большой ценности (было добыто около 20 тысяч фрагментов керамики).

¹ А. л. Истахри. Книга путей и царств. Пер. Н. А. Караулова «Сведения арабских географов IX—X вв. о Кавказе». СМОМПК, XXIX. Тифлис, 1901.

Установлено, что стены здания целиком сделаны из жженого кирпича (размерами 27×27×5 см, 28×28×5 см, 30×30×5 см, 26×26×5 см), уложенного на известняковом растворе прекрасного качества. Отметим, что это пока единственный известный в Дербенте памятник, целиком построенный из жженого кирпича. Исключение составляют кирпичные кладки колонн, куполов и пристроек Джума-мечети, а также кирпичный комплекс, вскрытый в раскопе Р-IV. Такое незначительное применение жженого кирпича связано, видимо, с дешевой и доступностью местного известняка, легко поддающегося обработке, значительные выходы которого имеются совсем рядом с городом и широко используются в строительстве и сейчас. Толщина стен равняется 1,2—1,3 м при сохранности в высоту вместе с фундаментом до 2,5—3 м (рис. 1—3).

Фундамент здания устроен из бутового камня, набросанного в специально отрытую траншею глубиной до 50—70 см. Толщина фундамента не везде одинакова: под восточной стеной она доходит до 1,35—1,4 м, а под северной — местами до 1,6—1,7 м. Толщина швов между кирпичами 4,5—6 см отличается тщательностью исполнения, однако кирпич не всегда уложен в перевязку, в особенности вблизи углов здания, что послужило причиной глубоких трещин и разрывов в кладке, происшедших, видимо, во время землетрясения.

Ширина здания 8,2—8,3 м, прослеженная длина 19,4—19,5 м. Здание, как и все жилые сооружения Дербента, вытянуто с севера на юг (рис. 1). Северная стена имеет ширину 1,2 м, кирпичная кладка сохранилась в высоту на 1,9—2,2 м. Ширина восточной и западной стен 1,3 м, кирпичная кладка сохранилась на высоту от 1,5 м до 2,2 м (рис. 1—3). Восточная стена имеет сильные трещины и наклонена наружу. В плане здание представляло собой однокамерное помещение, в котором лишь на одном из этапов появилась перегородка в 8,82 м от северной стены. Вход был с восточной стороны.

Внутри здания было выявлено четыре известковых пола. Толщина первого 9—10 см, второго и третьего 6 см, четвертого от 30 до 40 см. Четвертый, самый верхний, пол, обнаруженный на глубине 2,42 м, сделан небрежно, из известки низкого качества, включающей фрагменты жженого кирпича, и имеет перепад уровня между северной и южной частью здания в 25 см. Нижняя грань пола имеет неровные края и включает в себя фрагменты средневекового жженого кирпича, камня, а иногда и мусор. Очевидно, перед заливкой этого пола не была выполнена тщательная планировка и очистка здания, пришедшего в запустение на одном из этапов. Четыре известковых пола, аналогичных которым находятся в жилищах средневекового Мерва, Саркела, Орен-калы, связаны, по нашему мнению, с четырьмя этапами обживания здания. Хронологические рамки его существования, исходя из анализа обнаружен-

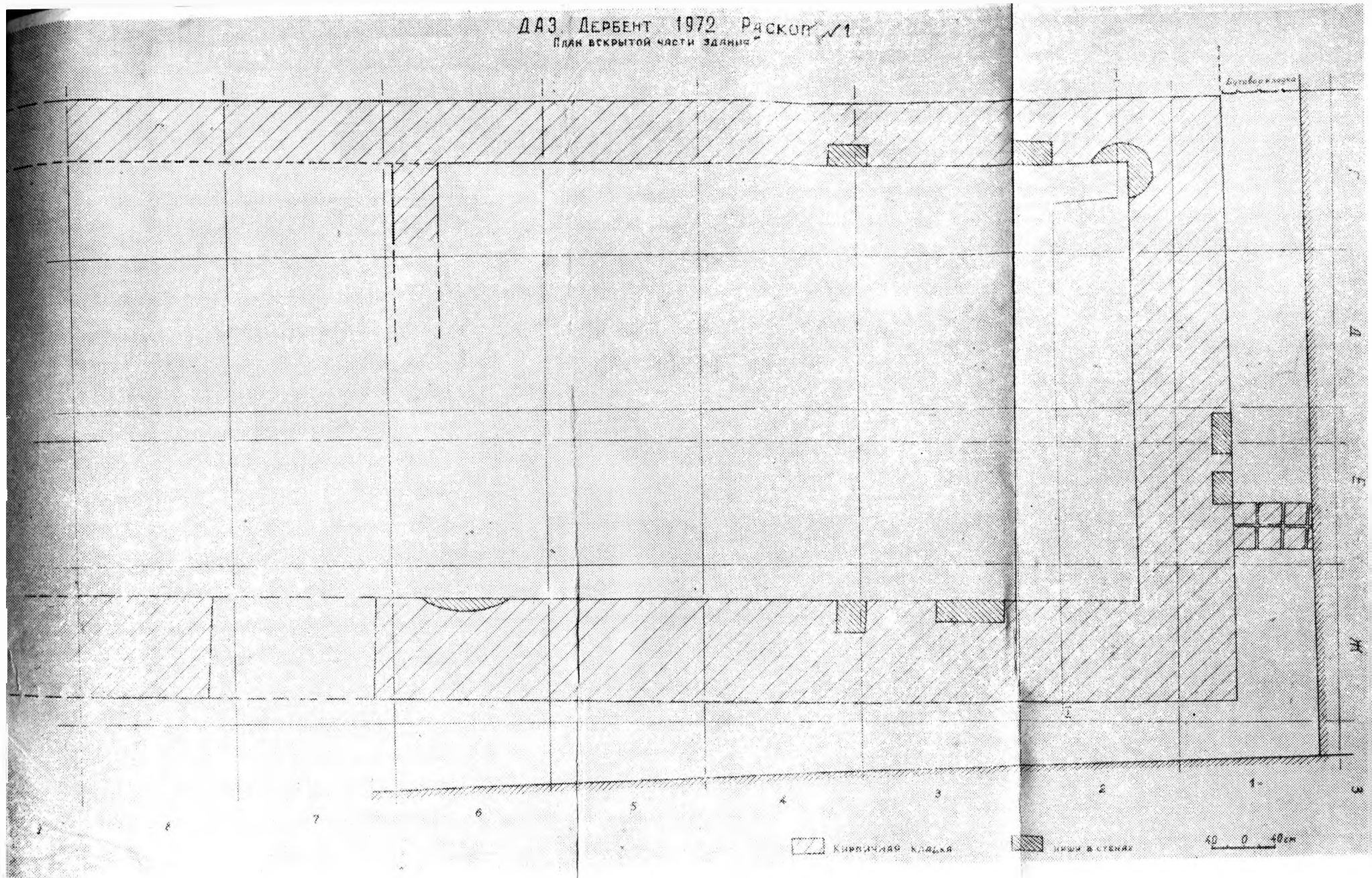
ного здесь материала, определены нами VIII—XIII вв. На основании этих дат мы остановимся при разборе материала из здания. Четвертый пол связан с последним этапом обживания здания. Представляется возможным связать этот этап обживания с большим ремонтом всего здания. На уровне пола в стенах прорубаются ниши, а с северной стороны появляются пристройки. Ниша № 1 в западной стене помещения (рис. 1) имеет высоту 35 см, глубину 40 см. Ниша № 2 в этой же стене на расстоянии 184 см от ниши № 1 (рис. 1), имеет высоту 68 см, ширину 40 см. У ниш один уровень, пол занижен на 25 см, вырублены они не совсем симметрично. Третья ниша шириной 85 см, глубиной 25 см (рис. 1, 4) прорублена в восточной стене на расстоянии 1,7 м от северо-восточного угла здания. В 90 см южнее ее зачищена четвертая ниша шириной 34 см, высотой 31 см, глубиной 41 см (рис. 1, 4). В этой же стене, в 7,59 м от угла имеется круглая вырубленная выемка шириной до 1,1 м (рис. 1); в 8,2 м от северо-восточного угла обнаружен вырубленный проход шириной 2,10 м (рис. 1). На северной стене отмечен своеобразный карниз, образовавшийся в результате вырубки трех внутренних рядов кирпича.

У западной стены, в 8,82 м от северо-западного угла, была частично зачищена перегородка из жженого кирпича размером 27×27×5 см, уложенного без известкового раствора на бутовом фундаменте, цоколь которого выступает на 20 см. Она прослежена в длину на 2 м. Перегородка не относится ко времени возведения здания, а сооружена позднее.

В 9,1 м от северо-восточного угла здания, на глубине 2,8 м, был вскрыт водовод из керамических труб, диаметром 23 см, с толщиной стенок до 1,5 см. Водовод сохранился на протяжении около 1 м, направлен с востока на запад и прослеживается до вырубленной в восточной стене ниши. Сверху водовод прикрыт фрагментами жженого кирпича. Вероятнее всего, он связан с последним периодом обживания здания или даже с более поздним временем. У водовода была найдена костяная пластинка, скорее всего ручка ножа, с тремя отверстиями, украшенная по торцам концентрическими врезными кружками. Сверху на пластинке была глубоко выгравирована арабская (персидская) цифра 5 (табл. VIII, 5).

В квадратах Е-3, Е-4 в полу вскрыт водовод из керамических труб диаметром 20,25 см. Ложе его выстлано средневековой черепицей. Подобной черепицей он был покрыт и сверху и залит известковым раствором.

В квадрате Е-4 на площади 4 м² в V ярусе было вскрыто два очага и тандыр, относящиеся, видимо, ко времени запусения здания (рис. 3). Между очагами имелся невысокий выступ из бутового камня, покрытый сверху обмазкой из глины. Один очаг был устроен в грунте и имел

Р и с. 1. Общий план здания VIII—XIII вв.
Раскопки богатого здания VIII—XIII вв.

ДАЗ. ДЕРБЕНТ 1972. РАСКОП №1
 ПРОФИЛЬ КУЛЬТУРНЫХ НАПЛАСТОВАНИЙ У ВОСТОЧНОЙ СТЕНЕ
 (Разрез по оси I-II)

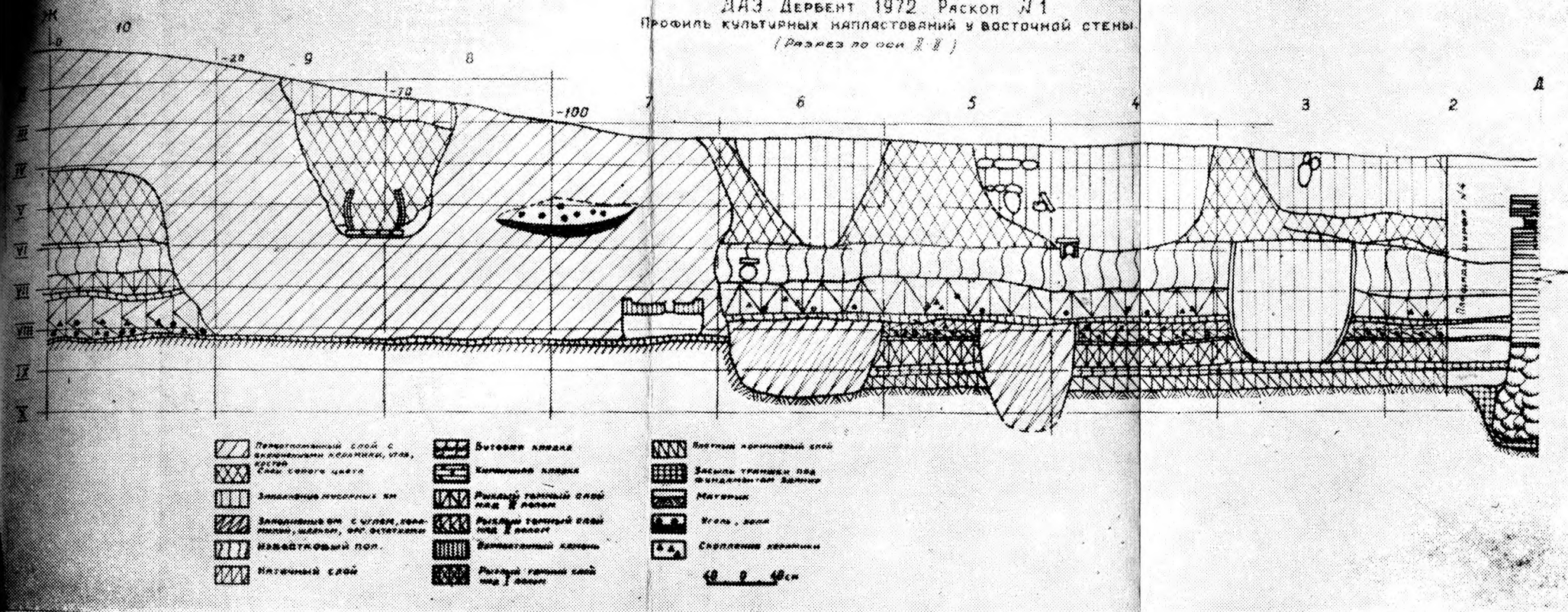
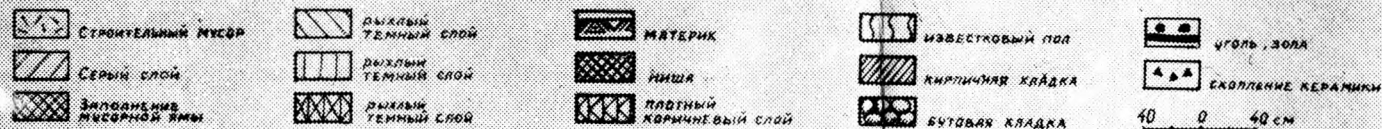
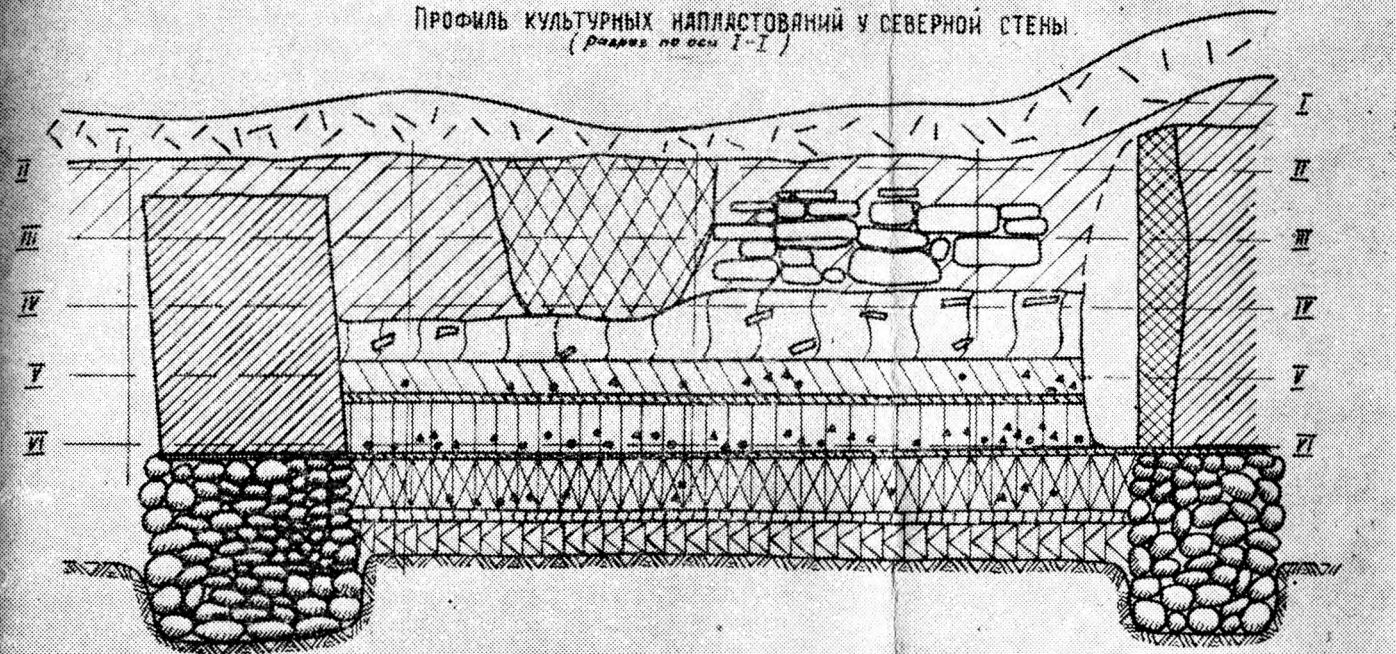

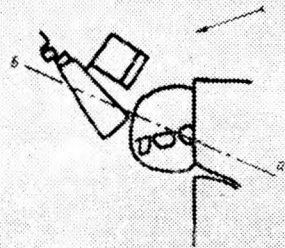
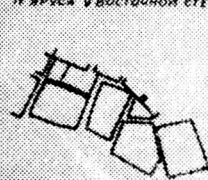
Рис. 2. Культурные напластования у восточной стены здания.
 Раскопки богатого здания VIII—XIII вв.

ДАЭ. ДЕРБЕНТ. 1972. Раскоп № 1
 Профиль культурных напластований у северной стены.
 (разрез по оси I-I)

План и разрез комплекса в У ярусе
 кв. E-4

Выястка очага в начале IV яруса у восточной стены

20 0 20 40 см

Рис. 3. Культурные напластования у северной стены здания.
 Раскопки богатого здания VIII—XIII вв.

прокаленные стенки толщиной 2,5 см, диаметр его в верхней части достигает 40 см, высота 35 см. Под второй очаг было использовано тулово большого керамического кувшина. Основой тандыра служили стенки хума диаметром около 60 см. Часть тандыра была заложена галечником (рис. 3). В тандыре отмечено большое скопление керамики. Тандыр подобного типа был вскрыт и в V ярусе квадрата Е-9. Он был устроен из двух хумов, вставленных один в другой. Основанием его на отметке 2,36 м служили фрагменты жженных кирпичей, диаметр — около 70 см.

Следует отметить скопление керамики в восточной части здания, что может быть как-то связано с ее назначением. Между IV и III полами находился рыхлый слой толщиной 20—26 см темно-серого цвета, с включением керамики, угольков, золы, костей, органических остатков и фрагментов средневекового жженого кирпича, относящийся к периоду запустения здания.

На глубине 3,02—3,05 м от нулевой отметки был обнаружен второй известковый пол, который мы, применяя нумерацию снизу вверх, назовем III полом. Поверхность этого пола, в отличие от IV довольно тщательно выровнена, известь хорошего качества, толщина 6 см. На уровне пола отмечено скопление углей, золы и фрагментов керамики, иногда встречаются кусочки непрогоревшего дерева, местами пол от воздействия огня приобрел буровато-красный оттенок. Во многих местах он, как и четвертый пол, потревожен мусорными ямами. Третий пол мы связываем с третьим периодом обживания здания. Ниже этого пола следует рыхлый темно-серый с коричневатым оттенком слой толщиной в 25—30 см, с большим включением угольков, золы, керамики, костей животных и органических остатков.

На глубине 3,35—3,4 м был обнаружен второй известковый пол очень хорошего качества и сохранности. Поверхность его тщательно заглажена. Пол имеет незначительное понижение к центру здания, что, видимо, связано с просадкой грунта. Толщина пола достигает 6—8 см: следует отметить также его большую плотность. Ниже второго пола следовал темно-серый рыхлый слой толщиной около 50 см, с большим включением угля, золы и керамики.

Под этим слоем на глубине 3,98—4,03 м был обнаружен первый пол, связанный нами с первым этапом обживания здания. Пол устроен из известки хорошего качества, тщательно заглажен сверху и достигает 9—10 см толщины. Следует отметить сплошной слой золы и угля, почти повсеместно покрывающий пол. Толщина этой прослойки 2—3 см. По всей площади пола встречаются кусочки обуглившегося дерева и угольки, размером 5—10 см. Во многих местах пол сильно обожжен и имеет красновато-бурый оттенок. По всей видимости, сильный пожар, следы

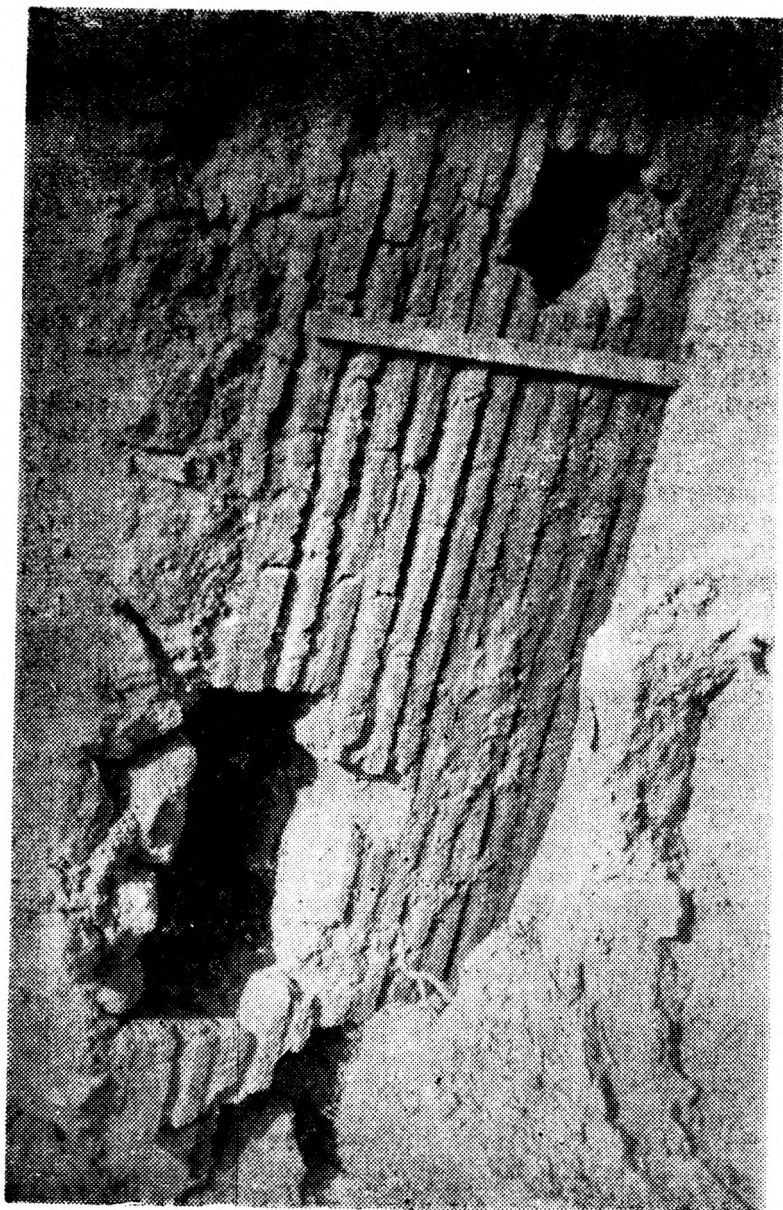

Рис. 4. Участок стены здания с проемами ниш.
Раскопки богатого здания VIII—XIII вв.

которого повсеместно читаются на этом полу, послужил причиной гибели здания на первом этапе его обживания.

В слое под первым полом в большом количестве встречаются шлаки (стеклянные и керамические), а также железные штыри и крицы. Ниже уровня этого пола следует серо-коричневый плотный слой толщиной в 35—40 см с фрагментами раннесредневековой, а иногда и более древней керамики, а за ним плотный материк серовато-желтого цвета. В этом материке были вырыты траншеи под фундамент здания. В засыпи траншей встречается керамика раннесредневекового времени.

Здание было вытянуто на 19,5 м с севера на юг. До южной стены города осталось пространство в несколько метров, по-видимому, здание примыкало к стене вплотную.

С внешней стороны северной стены была обнаружена пристройка из жженого кирпича размером $27 \times 27 \times 5$ см, уложенного на известковом растворе (рис. 1). Стены помещения достигают в ширину 60 см, в высоту сохранилось только три ряда кладки, под которыми имеется фундамент из бутового камня. Кладка этого помещения не имеет перевязки с кладкой северной стены здания. По нашему мнению, это помещение имело хозяйственное назначение. Интересно отметить, что в нем часто встречаются небольшие кусочки меди, похожие на заготовки монет.

Вскрытое у южной городской стены уникальное строение, судя по мощности культурных напластований в нем и наличию четырех известковых полов, бытовало весьма продолжительный период. Анализ керамического материала, предметов украшения и вооружения, изделий из стекла и кости, монет, обнаруженных здесь, позволяет датировать время функционирования здания и выявить хронологические рамки отдельных периодов его обживания.

Керамический материал, полученный при раскопках, весьма многообразен и обширен. Мы проанализируем самые интересные и типичные для средневекового Дербента образцы, давая при этом краткую общую характеристику керамики по хронологическим комплексам, относящимся к различным периодам обживания здания.

Материал, полученный из засыпи траншей фундаментов здания и из самой кладки фундаментов, в основной массе относится к концу албано-сарматско-раннесредневекового периода, что определяется использованием для засыпки траншей и самих фундаментов культурного слоя этого периода существования Дербента.

Основываясь на наличии в засыпи и слое под полом керамики позднесасанидского времени, некоторого процента посуды верхнечирюртовского облика, датируемой VII—VIII вв., а также керамики, аналогичной посуде раннесредневековых городищ Приморского Дагестана (таких как Урцки и Таргу, где она существует до начала—середины VIII вв.), временем основания и нижней хронологической датой функ-

ционирования здания можно считать VII—первую пол. VIII вв. Однако, учитывая исторические события в Дербенте в этот период, время возведения здания можно ограничить первой половиной VIII в.

Керамика, связанная с уровнем первого известкового пола, многочисленна и разнообразна, но поливной керамики здесь очень мало, причем зачастую она связана с мусорными ямами. К находкам из мусорной ямы принадлежит верхняя часть светильника, украшенного врезными полосами (табл. X, рис. 5), и горловина сосуда с узкой шейкой (табл. X, рис. 3). Поливная керамика в основном встречается в верхней части, она в большинстве случаев покрыта темно-зеленой поливой, часто плохого качества, нанесенной по белому ангобу.

Обращает на себя внимание целая поливная чаша с прямыми, резко расходящимися от дна стенками, на низкой кольцевой ножке, венчик не выделен (табл. I, 2). Чаша покрыта поливой только внутри и скромно орнаментирована двойными радиальными линиями зеленого, коричневого, темно-желтого цвета на светло-желтом не ярком фоне. Пять двойных зеленых линий, толщиной до 1 см каждая, расходятся прямыми лучами от дна чаши, на котором нанесено такое же зеленое кольцо. В образованных зелеными лучами секторах тонкие двойные полосы коричневого и темно-желтого цветов, прочерченные в строгой очередности: в одном секторе коричневые, в другом — желтые, но так как их по три каждого цвета, а секторов пять, то в одном нанесены коричневые и желтые вместе. По внутренней стороне венчика расположены частые короткие полосы, опускающиеся внутрь чаши, а на донце, помимо зеленого, концентрически — желтый и коричневый круги. Тесто чаши розовое, хорошей стмучки, обжиг равномерный, полива нанесена по толстому слою белого ангоба. Диаметр чаши 20 см, диаметр донца 9 см, высота 6 см, толщина стенок 0,6—0,7 см, толщина донца 0,8—0,9 см. Эта чаша с радиальным орнаментом находит аналогии среди средневековой керамики древнего Байлакана, датируемой IX—X вв.² (группа 2, вариант Г).

Интересны фрагменты тонкостенной чаши (толщина стенок 0,45 см) с прямым, чуть утолщенным венчиком диаметром около 30 см, покрытой снаружи прекрасной темно-зеленой поливой, а внутри светло-коричневой, и небольшой рогообразной ручки с такой же темно-зеленой поливой (табл. II, 1), вероятно от этой чаши. Здесь же найдена археологически целая небольшая поливная чашечка на низкой, резко выделенной тисковидной ножке, со стенками, отходящими от дна сначала горизонтально, а затем приобретающими полусферическую форму (табл. II, 2).

² А. Л. Якобсон. Художественная керамика Байлакана (Оренкалы). «Труды Азербайджанской (Оренкалинской) экспедиции», т. I. М.—Л., 1959, стр. 232, табл. XIV, 7.

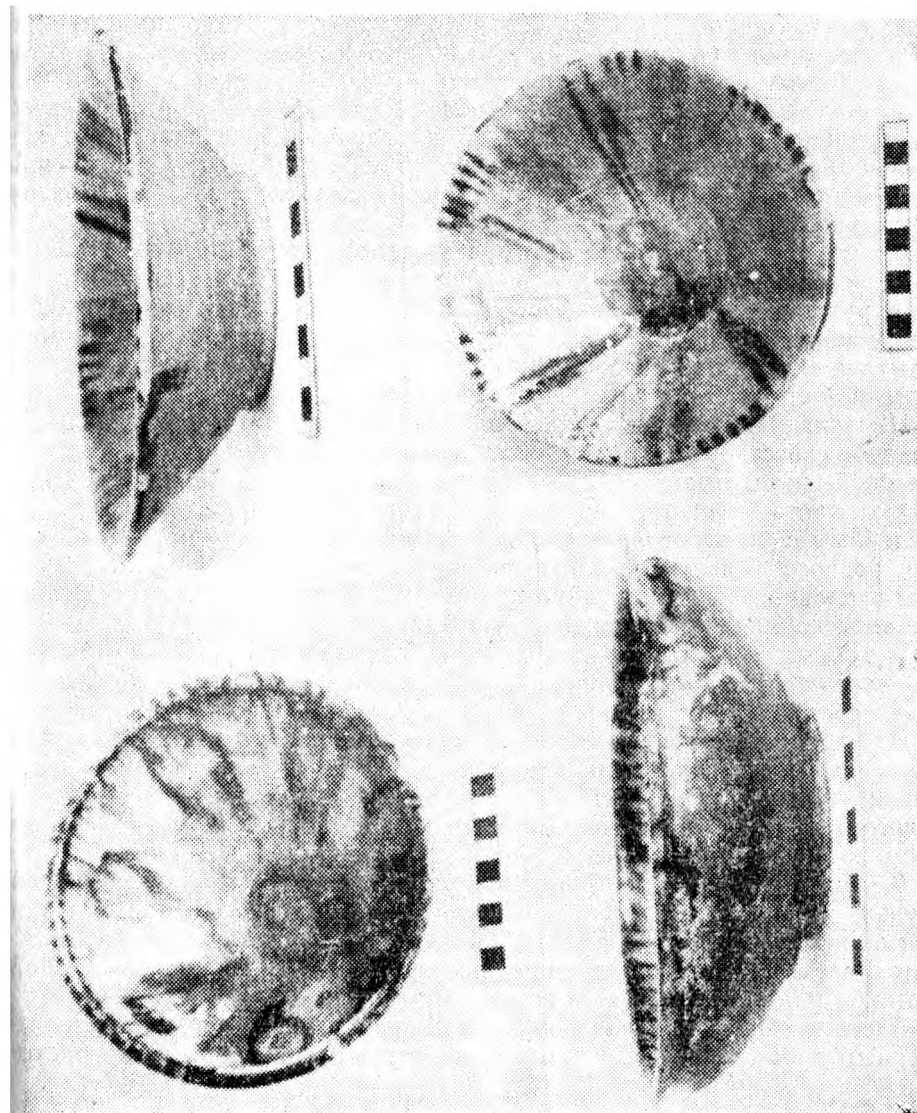

Табл. I. Поливные чаши IX—X вв.
Раскопки богатого здания VIII—XIII вв.

Чуть выше места перехода к полусфере имеется довольно сильно выгнутая фаска шириной 0,4 см. Диаметр венчика 11,5 см, диаметр дна 5,2 см, толщина стенок 0,45—0,5 см, высота 3,5 см. Чашечка покрыта внутри однотонной темно-зеленой поливой (видимо, окись меди), нанесенной по толстому слою белого ангоба, затеки которого хорошо видны на наружной поверхности венчика. Тесто розовое, очень хорошей отмучки, обжиг равномерный. Чаши с подобной поливой и аналогичной формы часто встречаются среди керамики Орен-калы IX—X вв.³ (группа I, вариант В.).

Вместе с этой описанной был обнаружен фрагмент подобной чаши несколько большего диаметра (13 см) с заостряющимся, слегка отогнутым наружу венчиком, с полусферической формы стенками, переходящими у венчика в прямые (переход довольно явно выражен). Чашка покрыта с внутренней стороны темно-зеленой поливой плохого качества, нанесенной по толстому слою ангоба.

Неполивная керамика, представленная в этом комплексе, связанном с первым известковым полом, имеет большое сходство с сасанидской и местной посудой раннесредневекового периода. Здесь можно выделить верхнюю часть большого сосуда с цилиндрической горловиной и сильно сдвинутым с боков венчиком, образующим слив (типа энохи). Диаметр ровного невыделенного венчика 11 см, высота сохранившейся части горловины 12 см, толщина стенок 0,5 см (табл. X, 1). Тесто светло-коричневое, хорошей отмучки и обжига, со следами покрытия светлым ангобом. По бокам, рядом со сливом, имеются круглые налеты. Подобные сосуды были широко распространены в албано-сарматское и раннесредневековое время.

Из неполивной посуды следует отметить чашу полусферической формы на низкой кольцевой ножке со слегка загнутым внутрь невыделенным венчиком (табл. III, 3). Наружный край плоского венчика немного выше внутреннего. Диаметр чаши 20,6 см, диаметр донца 8,7 см, высота кольца донца 0,8 см, высота чаши 6,6 см, толщина стенок 0,6 см. Чаша не имеет никаких украшений, тесто очень хорошей отмучки, цвет черенка палевый, обжиг равномерный. Подобные чаши были обнаружены при раскопках древнего Байлакана, где они датируются временем, несколько предшествующим появлению поливной керамики, или одновременным ее появлению⁴.

Здесь же была найдена другая неполивная чаша с плоским невыделенным дном, непрофилированным венчиком и прямыми, резко расхо-

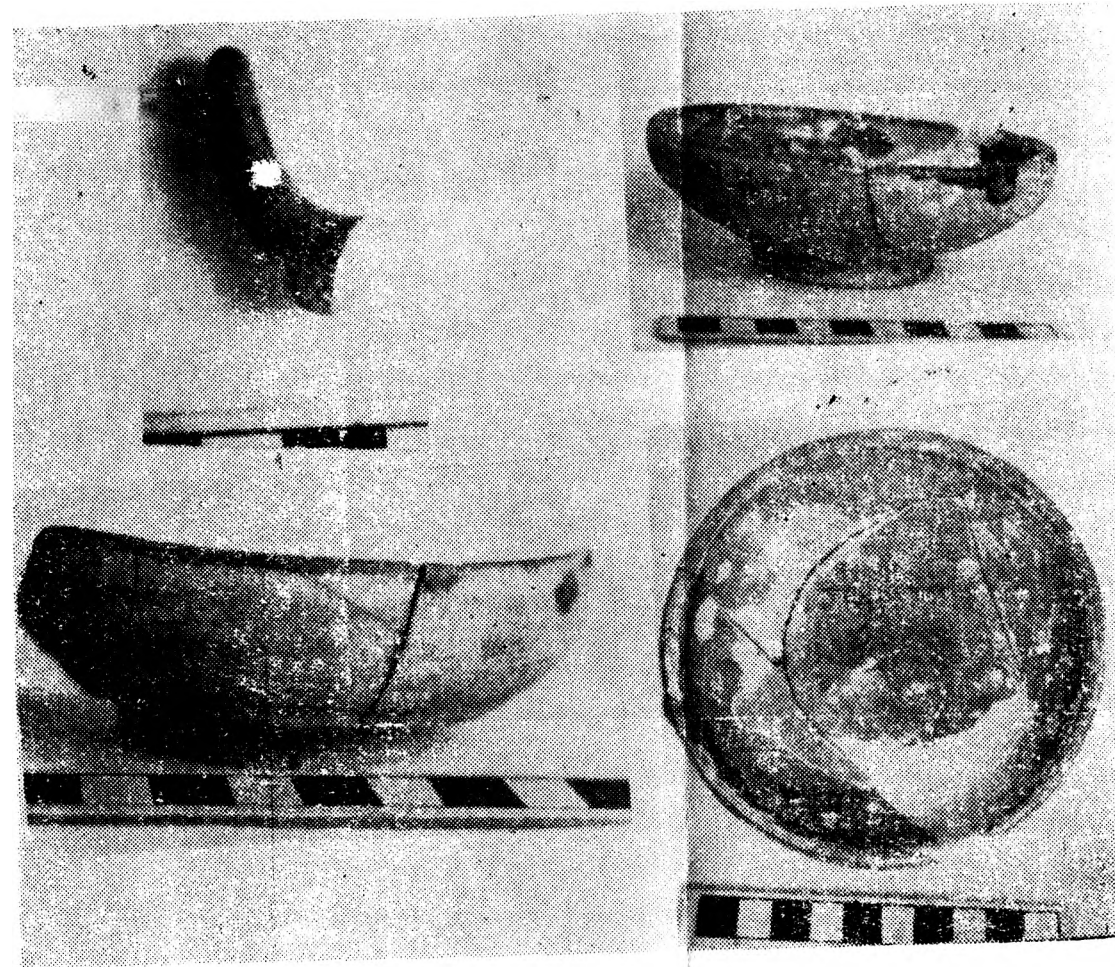
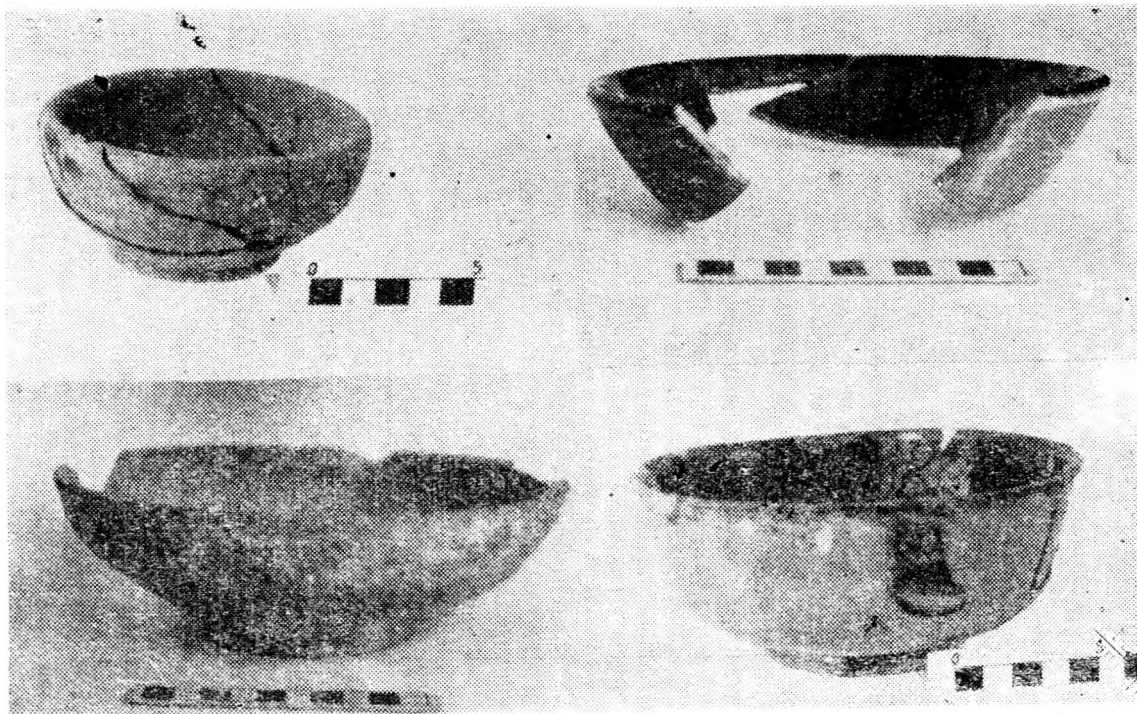

Табл. II. Поливные чаши конца VIII—IX вв. (1—2), X — нач. IX (3).
Раскопки богатого здания VIII—XIII вв.

³ Там же, стр. 231.

⁴ Г. М. Ахмедов. Неполивная керамика Орен-калы IX—XIII вв. «Труды Азербайджанской (Оренкалинской) экспедиции», т. I. МИА, 67, М.—Л., 1959, стр. 211, табл. X, 1.

Т а б л. III. Неполивные чаши VIII—IX вв. (1, 3), поливные чаши XII—XIII вв. (2, 4)
Раскопки богатого здания VIII—XIII вв.

дющимися стенками. Венчик утолщен и слегка загнут внутрь. Диаметр чаши 19 см, диаметр донца 7 см, высота чаши 6 см, толщина стенок 0,5—0,6 см, толщина венчика 0,8 см. Тесто розового цвета, неплохой отмучки, обжиг равномерный. Внутренняя поверхность чаши ornamentирована тонкими концентрическими полосами лощения.

Из неполивных сосудов следует выделить небольшой неполивной кувшин с округлым туловом и плоским дном. Горловина довольно широкая, венчик слегка утолщен наружу. Диаметр венчика 10,5 см, диаметр тулова 16,5 см, диаметр дна 10,5 см, высота кувшина 18,3 см, высота горловины 5,5 см, толщина стенок 0,5—0,6 см, толщина венчика 0,8 см. Тесто светло-коричневого цвета, очень хорошей отмучки, обжиг равномерный. Снаружи сосуд покрыт коричневым ангобом, по которому нанесены поперечные тонкие полосы лощения, переходящие в сплошное лощение. Подобная посуда несет в себе много черт, присущих дербентским керамическим изделиям сасанидского периода, и в то же время по формам и приемам орнаментации находит широкие аналогии в керамике Закавказья и Средней Азии VIII—IX вв.

Многочисленный керамический материал и другие предметы, обнаруженные в слое, связанном с первым известковым полом, позволяют утверждать, что на первом этапе функционирования здания обжигание его было весьма интенсивно. Анализ материала из этого слоя позволяет ограничить хронологические рамки бытования здания в первый период VIII—началом IX вв.

Особенно богата и многочисленна керамика с уровня второго известкового пола и из слоя, связанного с ним, относящихся ко второму этапу обжигания здания. Здесь широко представлена самая различная керамика, изделия из стекла, предметы украшения и вооружения, среди которых в большом количестве встречается парадная поливная посуда, по своей красоте и качеству не уступающая лучшим образцам подобных изделий из средневековых керамических центров Закавказья, Передней и Средней Азии.

Здесь прежде всего необходимо отметить прекрасную поливную чашу с полихромным орнаментом и простейшей гравировкой (табл. IV, 1). Чаша имеет хорошо выраженную, небольшую кольцевую ножку, от которой, с резким перегибом в нижней части, расходятся прямые стенки. Венчик не выделен, несколько отклонен наружу, диаметр венчика 19 см, диаметр донца 7 см, высота кольца 1 см. Чаша богато ornamentирована коричневыми и зелеными полосами и полуovalами, заполняющими фон гравировки, сделанной по белому ангобу. Дно чаши украшено концентрическими окружностями, нанесенными на белом ангобом покрытия, и глубокими параллельными полосами, пространство между которыми по всему дну заполнено зеленой и коричневой поливой. Стенки чаши внутри украшены тонкими радиальными двойными

гравированными линиями, делящими ее на сектора, верхняя часть которых украшена гравированным полуovalом. Эти ovalы внутри заполнены зеленым или желтым цветом с широкими косыми врезными линиями и более тонким трилистником внутри. Ovalы с линиями — зеленые, с трилистниками — желтые, по одному в каждом секторе. Фон чаши светло-желтый. Снаружи она покрыта поливой на 3,5 см в верхней части. По ребру венчика нанесены темно-коричневые пятна.

Полухромная роспись чаши, цвет и качество поливы характерны для керамики IX—X вв., но гравировка толстыми линиями, появившаяся лишь с XI века, не позволяет датировать ее раньше конца X—начала XI вв.

Очень похожа на описанную чашу, как по форме, так и по орнаментации, небольшая чашечка, найденная вместе с первой (табл. IV, 4). Несмотря на несколько иной рисунок, сходство техники орнаментации, формы чаш, цвета и качества поливы не оставляет сомнения в их хронологической одновременности, а может быть и производства в одной мастерской. Разница заключается лишь в деталях композиции. Здесь на дне чаши имеется геометрическая фигура, пятиугольник, выполненный двойной гравированной линией и заполненный внутри интенсивно желтым цветом. От каждого из углов фигуры вверх по стене чаши прорисованы листообразные ovalы, направленные острием вверх, внутри их широкие вертикальные полосы, процарапанные в ангобе до черепка, от чего полосы имеют коричневый цвет. Заполнены листья зеленым цветом. В секторах между этими листьями помещены двойные треугольники, внутренний заполнен беглой спиральной гравировкой на коричневато-желтом фоне. Диаметр чаши по венчику 14 см, венчик выделен, диаметр кольцевой ножки 5,5 см; высота кольца 0,6 см. Тесто светло-коричневое, хорошей отмучки, ровного обжига. Как и первую чашу, мы датировали ее концом X—началом XI века.

Особый интерес представляет большой фаянсовый горшок на низком кольцевом поддоне (табл. V, 6). Горшок имеет округлую форму стенок с утолщенным, несколько отогнутым наружу валикообразным венчиком. Ручка полукруглая, овальная в сечении, прикреплялась одним концом к тулову, другим к венчику, несколько возвышаясь над ним. Диаметр венчика 20 см, тулова 22 см, кольцевого поддона, чуть выступающего наружу, 13,7 см, высота кольца 0,8 см, высота горшка 14 см. Тесто горшка белое, прекрасного качества, очень тонко отмучено и отлично обожжено, черепок плотный. Весь сосуд был покрыт желто-коричневой поливой, без каких-либо следов росписи. Полива имеет слабо выраженный перламутровый отлив. Глазурь сильно потрескалась и весь сосуд испещрен сеткой полос, придающих ему прекрасный декоративный вид, напоминающий треснутый лед. Подобная техника орнаментации,

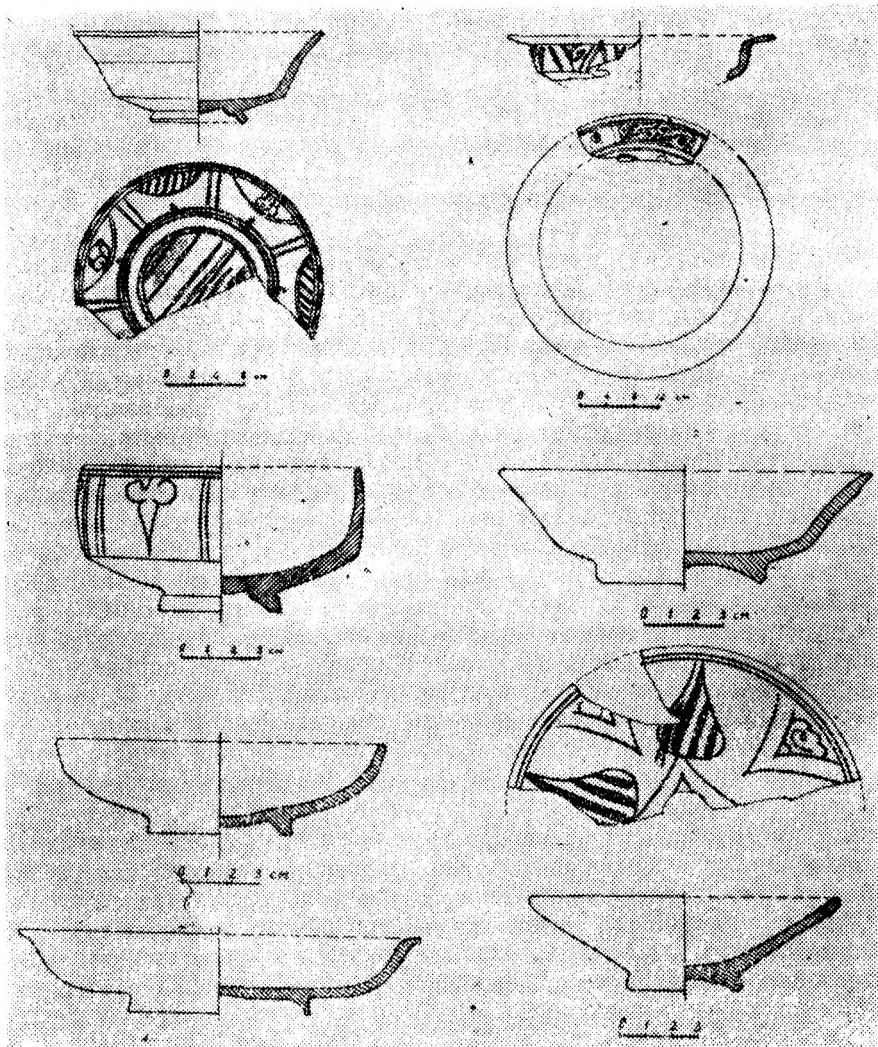

Табл. IV. Поливные чаши X—XIII вв.
Раскопки богатого здания VIII—XIII вв.

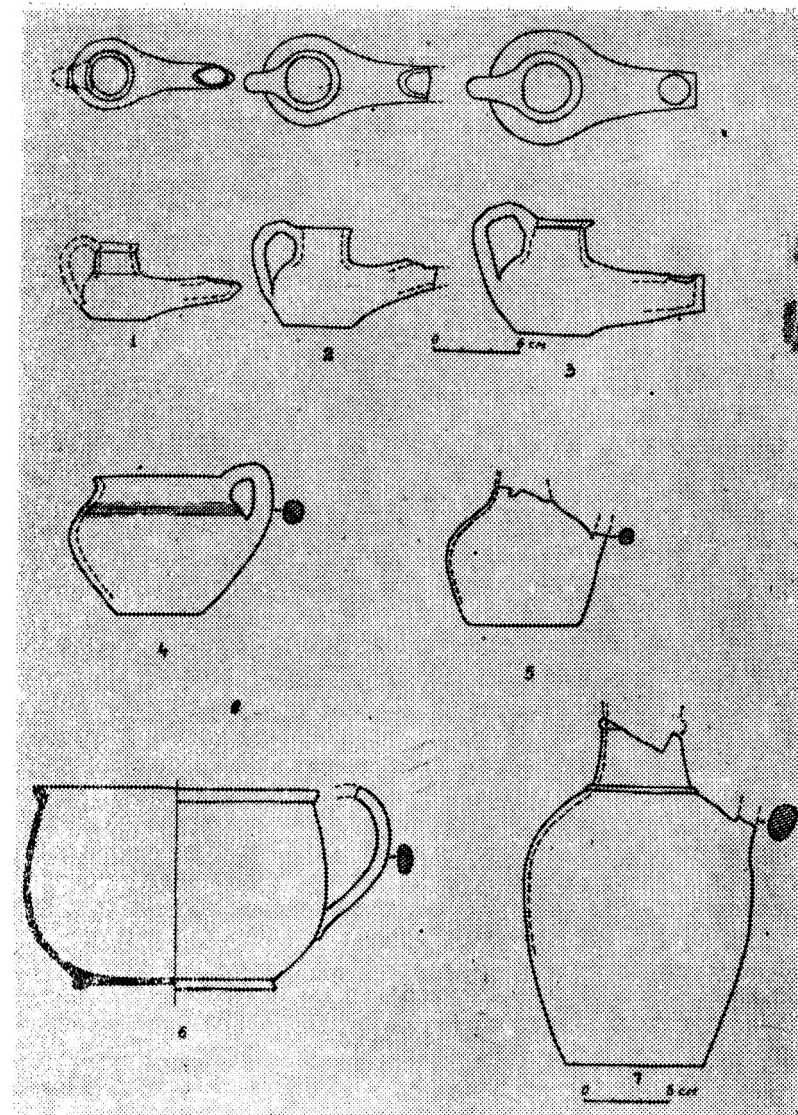

Табл. V. Неполивные изделия (свечильники 1—3, сосуды 4, 5, 7) и белофаянсовый
сосуд (6 — техника кракля) IX—X вв.
Раскопки богатого здания VIII—XIII вв.

носящая название краклэ⁵ или цека, получила развитие в высокохудожественных произведениях мастеров средневекового Китая. Форма сосуда сильно отличается от узкогорлых кувшинов XI—XIII вв. и типична для керамики IX—X вв. Изделия, украшенные техникой краклэ, очень высоко ценились на средневековом Востоке.

Привлекают внимание две высококачественные чаши. Одну из них следует отметить особо — это богато украшенная чаша полусферической формы на низкой кольцевой ножке (табл. I, 1). Венчик слабо выделен, несколько отклонен внутрь и немного утолщен наружу. Диаметр чаш 19 см, диаметр донца 8,5 см, толщина стенок 0,5 см, венчика — 0,8 см, высота кольцевой ножки 0,9 см, высота чаши 6,5 см. Тесто красное, хорошей отмучки, обжиг равномерный. Внутри чаша богато украшена семью радиально расположенными овалами, похожими на лепестки цветка, направленными от круга на дне изделия к венчику. Эта композиция очень напоминает семилепестковый цветок. Темно-коричневый орнамент выполнен на зеленовато-желтом фоне, роспись нанесена по белому ангобу, а потом покрыта прозрачной поливой. По венчику нанесены толстые частые коричневые линии, затеки от которых спускаются по стенкам внутрь чаши. Снаружи чаша украшена по непокрытому черепку тонким слоем прозрачной поливы, очень схожей по качеству с поливой всей чаши. Чаши подобной орнаментации из других памятников нам пока не известны, хотя пяти-, шести-, семи- и даже двадцатилепестковые цветы были одним из любимых мотивов орнаментации керамики старого Мерва в X—XI вв.⁶

Обращает на себя внимание и большой фрагмент глубокой поливной чаши диаметром около 33 см с утолщенным, слабо выраженным венчиком, заостряющимся сверху и подчеркнутым тонким валиком внизу. Цвет поливы ярко-коричневый. Внутри чаша покрыта ею полностью, снаружи только верхняя часть ее, затеки поливы спускаются далеко вниз по стенкам. Снаружи эта чаша, как и чаша, украшенная цветком, покрыта очень тонким слоем блестящей прозрачной поливы. Толщина стенок чаши 0,9 см, толщина венчика 1,5 см, высота сохранившейся части 12 см; тесто хорошей отмучки, красного цвета, обжиг равномерный.

К этой же группе относится небольшая чашечка полуовальной формы на дисковидном поддоне (табл. II, 3). Венчик ее не выделен и слегка загнут внутрь. Диаметр чаши 12,3 см, высота 4 см, толщина стенок 0,5—0,6 см, диаметр донца 5,6 см, высота его 0,8 см. Внутри

⁵ Э. К. Кверфельд. Керамика Ближнего Востока. Л., 1947, стр. 25—26.

⁶ С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве X—начала XIII вв. «Труды Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции», т. XI. Ашхабад, 1962, стр. 255.

чашка покрыта ярко-зеленой поливой, нанесенной по толстому слою ангоба. Тесто хорошей отмучки, красного цвета, обжиг ровный.

К особо ценным находкам надо отнести фрагмент керамической скульптуры, от которой сохранилась рука, сжимающая кубок, покрытая пятнистой табачного цвета поливой высокого качества. Сохранилась лишь кисть с запястьем и пальцами, самые концы которых отбиты. Подобная пятнистая полива характерна для керамики IX—XI вв. средневекового Мерва и Байлакана, что справедливо и для датировки данного изделия.

Здесь же была найдена небольшая чашка полусферической формы на низкой кольцевой ножке (табл. IV, 5). Диаметр ее 12,5 см, диаметр кольцевой ножки 5,3 см, высота кольца 0,3 см. Венчик не выделен, толщина стенок 0,5 см. Чашка внутри покрыта прозрачной поливой, почти полностью испортившейся, нанесенной на какое-то блестящее серебристое покрытие, напоминающее фольгу или амальгаму, придающее изделию парадный вид. Это покрытие было в свою очередь нанесено не на черепок, а на тонкий слой белого ангоба. Тесто чашки светло-коричневое, очень хорошей отмучки и обжига. Подобная орнаментация встречена нами впервые. Очевидно, что эта чаша, как и вышеописанный сосуд, являлись предметами дорогостоящего импорта. Мы датировем чашку IX—X вв.

Среди найденных на уровне второго пола предметов выделяется венчик глубокой чаши или широкогорлого кувшина из фаянса, расписанного коричневым с красным отливом люстром по белой непрозрачной глазури. Черепок из белого теста, довольно плотный, толщина стенок 0,35 см, венчик не выделен, слегка заострен вверх. Внутри сосуд покрыт непрозрачной поливой лишь частично — в верхней части, по синему фону. Сохранилась на черепке только небольшая часть композиции, где среди растительного орнамента на верхнем поясе изображений видна задняя часть прекрасного переданного, какого-то пятнистого зверя, видимо, леопарда или гепарда. Тело зверя напряжено, как перед прыжком. Такие темы являлись излюбленным мотивом люстровой росписи. Несомненно, это изделие являлось предметом импорта одного из центров производства люстровой керамики Ирана — Кашана или Рея. Фрагмент предварительно датируется нами по некоторой аналогии с кувшинами, расписанными люстром (из Орен-калы и Ирана), концом XII—началом XIII вв.⁷

Среди неполивной керамики с уровня второго пола выделяются многочисленные фрагменты широкогорлых кувшинов, округлых котлов с ручками-держалками или горизонтальными ручками в виде ушек, глу-

⁷ Б. А. Шелковников. Фаянсы, расписанные люстром по белой непрозрачной глазури из Орен-калы. «Труды Азербайджанской экспедиции», т. I. МИА, 67. М.—Л., 1959, стр. 312—322.

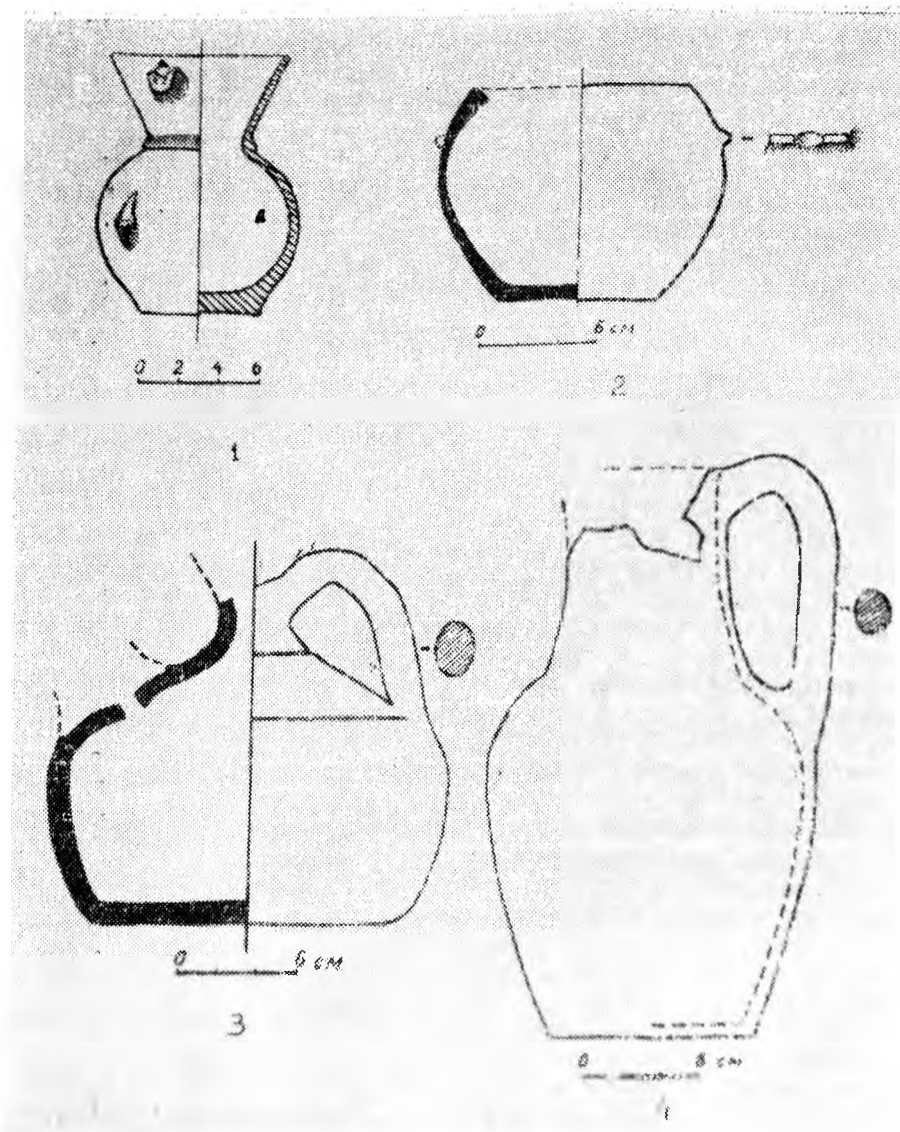

Табл. VI. Неполivные сосуды VIII—X вв.
Раскопки богатого здания VIII—XIII вв.

бокие чаши, толстостенные хозяйственные сосуды — хумы, светильники — чираги (табл. VI, 2—4; табл. X, 6—8).

Особенно интересен прекрасно сделанный небольшой плоскодонный кувшинчик с широким растробовидным горлом (табл. VI, 1). Невыделенный венчик кувшина слегка заострен вверх и несколько отклонен наружу; диаметр венчика 8,6 см, тулова 10,7 см, основания горловины 5,3 см, плоского донца 6 см. Высота кувшина 12,8 см, высота горловины 4,8 см, толщина стенок 0,4 см. Кувшинчик имел округлую ручку, которая, судя по остаткам, прикреплялась одним концом к верху горловины, а другим к центру тулова. Сечение ручки круглое. Кувшинчик из светло-коричневого теста, прекрасного качества, очень тонкой отмучки, равномерного обжига; снаружи покрыт светлым ангобом. По форме и качеству кувшинчик напоминает лучшие образцы керамики албаносарматского времени, что объясняется, вероятно, сохранением традиций в неполивной керамике. Мы датируем кувшин по приемам изготовления и комплексу всей керамики этого яруса IX—X вв.

К находкам с этого уровня относится верхняя часть большого хума, местами сильно закопченного снаружи. Он имеет прямую цилиндрическую горловину, чуть расширяющуюся к тулову и плавно переходящую в плечики. Венчик прямой, утолщен наружу, с горизонтальным верхним краем. Диаметр венчика 31,4 см, высота горловины 12 см, толщина стенок хума 1,5 см, толщина венчика 2,5 см. Хум украшен небольшими наклепными валиками с глубокими вдавлениями и концентрическими вдавленно-прочерченными полосами.

Здесь же было обнаружено несколько широкогорлых сосудов, относящихся к IX—X вв., а некоторые из них даже имеют аналогии с подобной керамикой VII—VIII вв. Интересен, например широкогорлый красноглиняный сосуд с плоским дном и вытянутым яйцевидным туловом (табл. V, 7). Горловина сохранилась только до нижнего края венчика, высота ее 4,5 см, диаметр 5,2 см, диаметр тулова 15 см, высота его 19,1 см, диаметр донца 9,5 см. Круглая ручка, прикреплялась одним концом к верхней части тулова, другим к венчику, видимо возвышаясь над ним.

Представляет интерес и небольшой плоскодонный горшочек с круглым туловом и широким горлом (табл. V, 4). Венчик несколько утолщен и отогнут наружу, диаметр его 9,3 см, диаметр тулова 12,3 см, диаметр донца 6,5 см, высота горшочка 9,8 см. Горшочек имеет круглую в сечении ручку диаметром 1,9 см, прикрепленную одним концом к тулову, а другим к верхнему краю венчика, несколько возвышаясь над ним. Тесто коричневатокрасное, хорошей отмучки, обжиг ровный. В нескольких местах на стенках имеются следы копоти, скорее всего от пребывания в огне, чем от приготовления пищи, так как копоть на одном боку от дна до венчика. Этот сосуд украшен скромными

концентрическими полосами на тулове, а в верхней части слабо выра-
женными полосами лощения. Сосуды подобной формы, с возвышающи-
мися над венчиками круглыми ручками, характерны для посуды Вос-
точного Кавказа IX—X вв. Небольшой горшочек находит себе аналогию
также в погребениях Восточной Европы и в керамике Средней Азии
VIII—IX вв. Несколько отличается от всех остальных сосудов неболь-
шой плоскодонный кувшинчик с округлым туловом (табл. V, 5). Гор-
ловина его сохранилась лишь у основания, где ее диаметр равен 5,2 см,
высота тулова 9 см, диаметр его 10,8 см, диаметр донца 8 см. Сосуд
имел одну круглую в сечении ручку, прикреплявшуюся одним концом
к тулову, другим, вероятно, к венчику. Тесто кувшинчика светло-корич-
невое, бежевого оттенка, очень хорошей отмучки и обжига. Снаружи
сосуд покрыт ангобом вишневого цвета, типичным для керамики алба-
но-сарматского и раннесредневекового времени большей части Даге-
стана и Азербайджана. Возможно, что эти два сосуда, вместе с выше-
описанным светлоангобированным кувшинчиком, относятся к изделиям,
подчеркивающим преемственность керамических традиций.

Очень интересны многочисленные светильники-чираги, которые
в отличие от чирагов XI—XV вв. имеют более высокие пропорции, бо-
лее широкие прямые горловины с чуть утолщенным наружу венчиком
и круглые ручки, прикрепляющиеся одним концом к тулову, а другим
к верхнему краю венчика, возвышаясь над ним (табл. V, 1—3). Носики
у некоторых из них как бы обрублены и имеют круглый торец, что не
встречается в светильниках позднее X века. Мы датировем эти светиль-
ники по аналогии с оренкалинскими⁸ и ранее найденными дербентски-
ми — IX—X вв.

Найдены здесь и железный вток (наконечник, одевающийся на
задний конец древка копья, иногда секиры) длиной 15 см, диаметром
по снованию 4 см (табл. VII, 8), плоский железный диск, диаметром
8,2 см с четырьмя отверстиями, непонятного назначения (табл. VIII,
рис. 9), фрагмент медной небольшой чашечки (табл. VIII, 8), и же-
лезный замок (табл. VIII, 7), попавший сюда скорее всего из верхних
слоев. Особенно интересна находка нескольких монет, одна из которых
(серебряная) была определена академиком М. Е. Массоном как дирхем
аббасидский «из того, что приказал выбить ал Махди Мухаммед, сын
Эмира правоверных», т. е. сын халифа Мансура, в столице Армении —
Двине — в 153 г. х. (770 г.) Эта дата наверно может послужить
нижней хронологической рамкой второго этапа обживания здания.

Для керамики с уровня второго пола характерны не только много-
численность, многообразие и большой хронологический диапазон, но

⁸ Г. М. Ахмедов. Неполитая керамика Оренкалы IX—XIII вв., стр. 222,
табл. XIII.

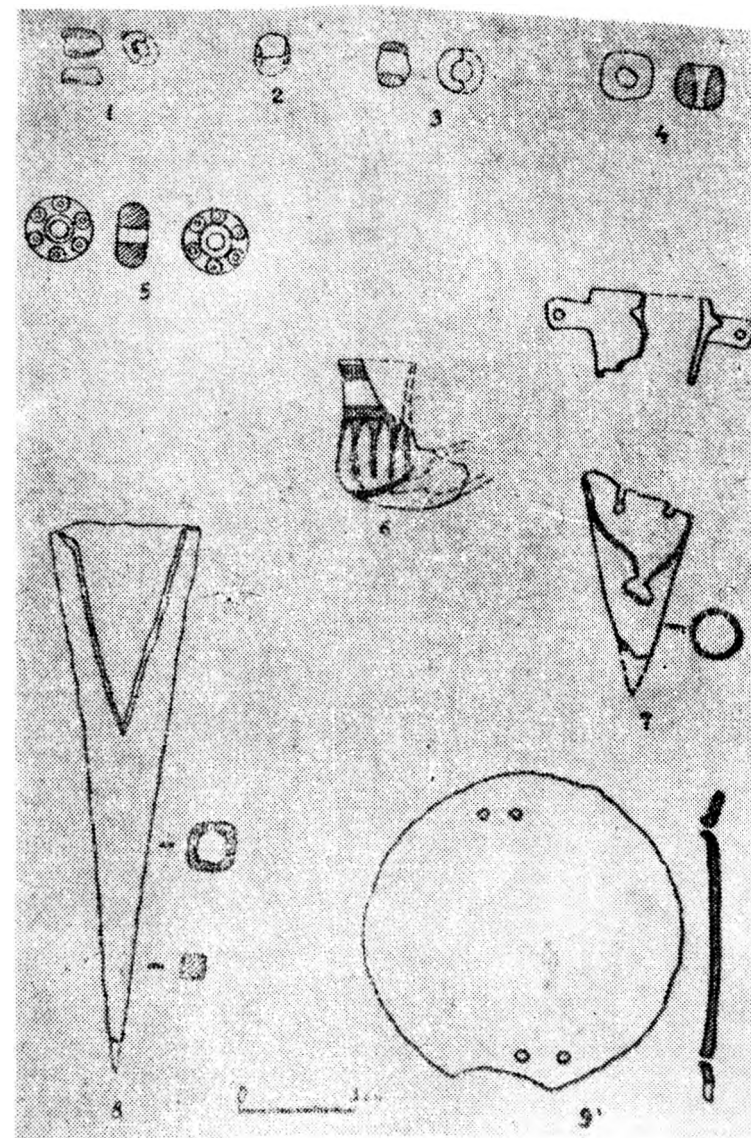

Табл. VII. Предметы украшения и вооружения из слоев здания VIII—XIII вв.
Раскопки богатого здания VIII—XIII вв.

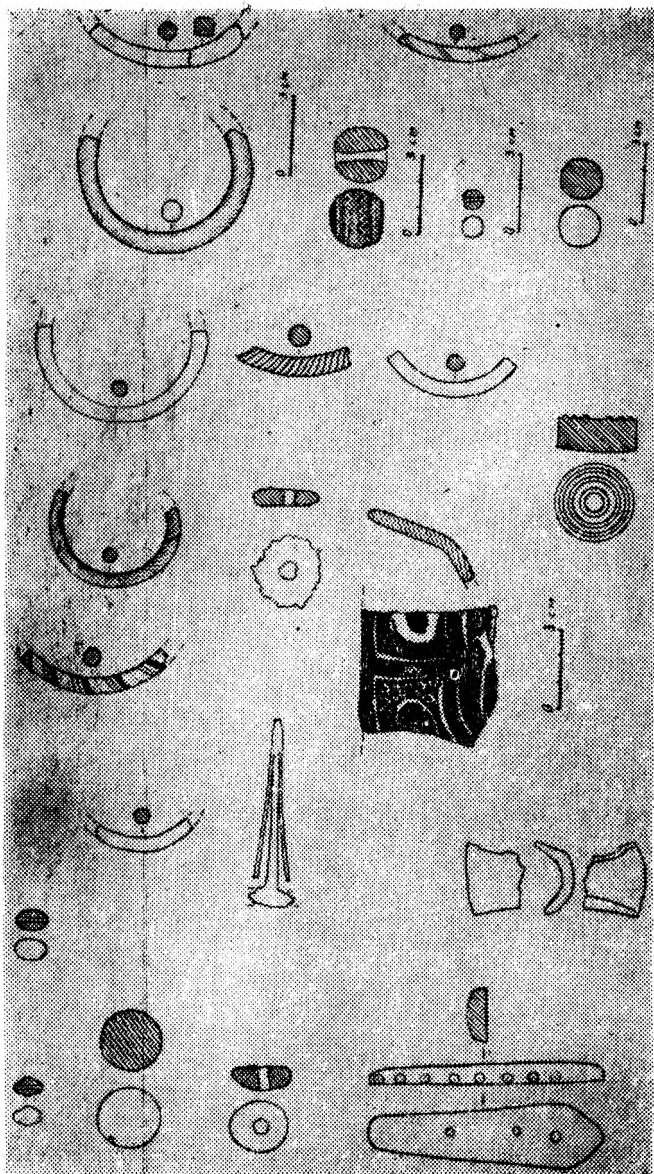

Табл. VIII. Предметы украшения и быта из словес здания VIII—XIII вв.
Раскопки богатого здания VIII—XIII вв.

и полихромная расцветка, беглая гравировка, роспись марганцевыми и темно-зелеными полосами и кругами, типичная для IX—X вв., и полихромная расцветка с глубокой простой гравировкой, характерной для XI века.

Основными формами столовой посуды были глубокие чаши самых различных размеров, в основной массе покрытые поливой, и кувшины с прямыми цилиндрическими горловинами, довольно большого диаметра, среди которых покрытые поливой встречаются значительно реже. Следует отметить, что поливная керамика составляла в этот период большую часть столовой посуды Дербента.

Кухонная посуда представлена в основном котлами круглодонными и плоскодонными. Почти все они имеют округлое тулово, но различаются по форме венчиков, способу крепления и форме ручек. Хозяйственная керамика представлена главным образом большемерными сосудами, сходными по формам и назначению с закавказскими кюпами и карасами, а также со среднеазиатскими хумами.

Огромное разнообразие столовой, кухонной и хозяйственной посуды, ее многочисленность и разнохарактерность, а также находки в слое, связанном со вторым известковым полом, большого количества предметов украшения, орудий труда и вооружения позволяют говорить, что второй этап обживания был очень интенсивным и, по-видимому, именно на это время приходится наибольший расцвет города. Анализ керамического материала и инвентаря, относящегося к этому периоду, позволяют ограничить его хронологические рамки IX—нач. XI вв.

Третий известковый пол, лежащий на отметке 3,02—3,05, мы связываем с третьим этапом обживания здания. Керамика, представленная здесь, весьма многочисленна и интересна. Прежде всего необходимо отметить прекрасный поливной кувшин, сохранившийся фрагментарно. Он имеет бакочную форму с прямыми стенками, покатыми, несколько округленными плечиками и прямой невысокой горловиной. Венчик несколько утолщен наружу и имеет немного скошенный верхний край. Диаметр венчика 8,5 см, диаметр тулова 11,8 см, высота горловины 2,5 см, толщина стенок сосуда 0,7 см, толщина венчика 1 см. Кувшин с двух сторон покрыт поливой, нанесенной снаружи по толстому слою белого ангоба, внутри — очень тонким слоем прямо по непокрытому черенку. Снаружи сосуд покрыт также сложным геометрическим и растительным орнаментом, нанесенным до покрытия глазурью.

К третьему этапу относится и небольшая чашечка на низком плоском поддоне, покрытая внутри зеленовато-коричневой поливой (табл. IX, 3). Стенки чашечки полуовальной формы плавно утончаются к венчику, венчик не выделен, сильно заострен вверх, диаметр его 8,7 см, диаметр поддона 5,2 см, высота его 0,4 см, толщина стенок 0,4 см, венчика — 0,15 см. Полива нанесена в основном по непокры-

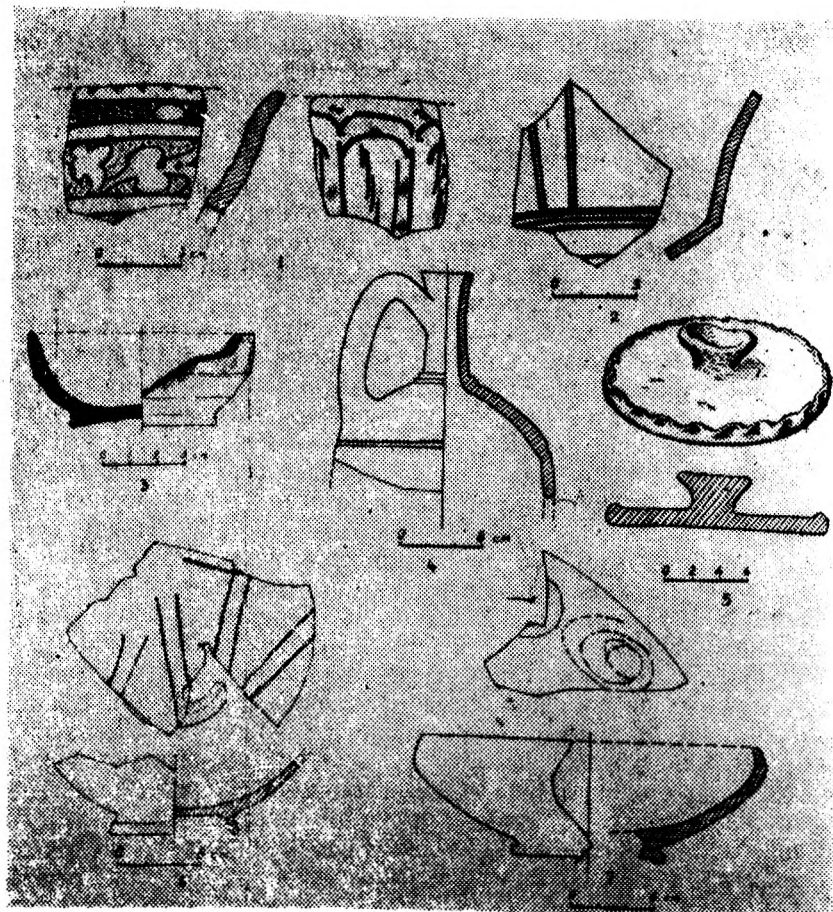

Табл. IX. Поливные чаши и неполивная посуда (4, 5) XII—XIII вв.
Раскопки богатого здания VIII—XIII вв

тому черепку, лишь местами по пятнам ангоба; на этих местах она имеет светло-зеленый цвет. Эту чашку тоже можно отнести к X—XI вв.

Более поздним временем датируется чаша полусферической формы на кольцевом поддоне, покрытая внутри зеленой поливой (табл. IX, 7). Венчик не выделен, чуть загнут внутрь, диаметр его 25,2 см, диаметр кольцевого поддона 11 см, высота кольца 0,9 см. Чаша покрыта светло-зеленой поливой, нанесенной по розовому ангобному покрытию, орнаментирована внутри широкими спиральями, процарапанными в ангобе до непокрытого черенка. Гравированный орнамент появляется в керамике Закавказья лишь с XI века. По орнаментации, форме и поливе данная чаша может быть датирована XI—началом XII вв.

Следует отметить еще одну небольшую чашечку на небольшой кольцевой ножке с резко расходящимися прямыми стенками (табл. IV, 6). Венчик ее не выделен, диаметр его 11,5 см, диаметр кольцевой ножки 4,4 см, высота кольца 0,6 см, толщина стенок 0,5 см. Зеленая, несколько пятнистая полива нанесена по светло-розовому ангобу, затеки которого спускаются снаружи чашки, почти до кольцевой ножки. Форма чашки более характерна для керамики IX—X вв., а цвет и качество поливы — для XII—XIII вв. Исходя из того, что она была найдена под полом, датируемым по комплексу керамики XII—началом XIII вв., мы относим ее, учитывая, что она из верхней части яруса, к XII веку.

Из неполивной керамики интересен небольшой плоскодонный котел (табл. X, 8). Тулово его округлое с сильно загнутым внутрь прямым, чуть утолщенным венчиком. Диаметр венчика 10,5 см, тулова 13,5 см, диаметр слегка выступающего донца 5,6 см, высота котла 6,7 см. Несколько ниже венчика к тулову котла прикреплена сильно выступающая плоская ручка-держалка овальной формы, ширина ее 4,5 см, выступает она, примерно под углом 45°, вверх на 3 см. По верху котел орнаментирован мелкими насечками. Тесто красное, хорошей отмучки, несколько переобожженное. Снаружи котел закопчен. Формы этого миниатюрного котла и его ручки-держалки находят аналогию с котлами IX—XII вв. Орен-калы и Дербента. (Прошлогодними раскопками был выявлен подобный большой котел с уровня второго пола, датируемый нами X в.). Исходя из аналогий и материала всего яруса, мы датируем его XI в.

Большой интерес представляет пока единственная находка керамической свистульки в виде птички (табл. X, 4). По форме тулова и хвоста, орнаментации и положению крыльев свистулька очень напоминает птиц, изображенных на керамических поливных изделиях Закавказья и Средней Азии X—XI вв., когда изображение птиц на посуде получило наибольшее распространение.

Коротко характеризуя керамический материал, связанный с уровнем третьего известкового пола, надо отметить, что наряду с наличием

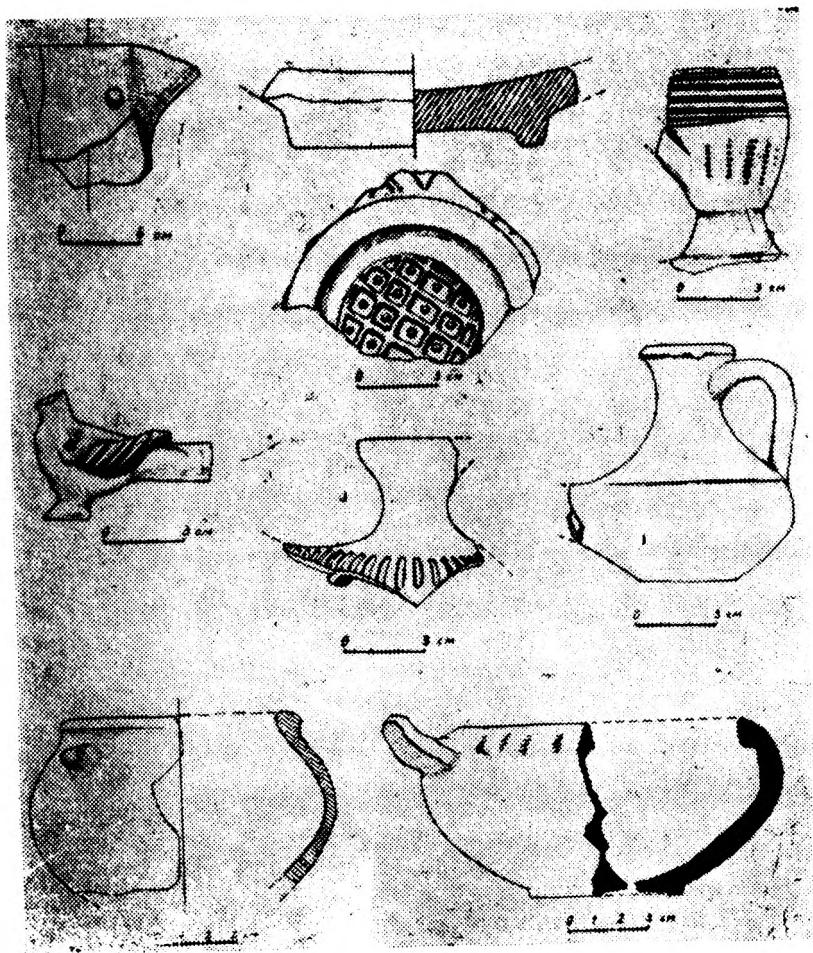

Табл. X. Неполивные керамические изделия VIII—X вв. (1, 3, 4) и XII—XIII вв. Раскопки богатого здания VIII—XIII вв.

здесь в основном форм посуды, характерной для изделий XI—XIII вв., поливная и неполивная посуда, бытовавшая на третьем этапе обживания, несет в себе черты и более ранних керамических форм, присущих образцам IX—X вв. Одной из ярких особенностей керамики этого комплекса, датируемой нами в основной своей массе XI веком и отличающей ее от керамики IX—X вв., является орнамент, выполненный толстой врезной линией, когда графический рисунок выступает на передний план. Кроме того, по полю рисунка разбросаны зеленые или интенсивно желтые пятна и полосы, зачастую не совпадающие с гравировкой. Однако керамике этого слоя присущи и некоторые черты посуды XII в. Исходя из всего вышесказанного, мы датируем весь комплекс керамики, связанной с третьим полом, XI—началом XII вв. Такую датировку подтверждают находки стеклянных браслетов, типичных для X—XII вв. (табл. VIII, 6, 10—16). Браслеты изготовлены из темно-синего непрозрачного стекла, покрытого довольно сильной патиной. Один браслет (рис. 6) имеет диаметр 7 см, сечение круглое, толщину 0,6 см, другой, тоже круглого сечения (рис. 14), толщиной 0,6 см и диаметром 6,5 см.

Очень интересна находка резной керамической курительной трубки, отличающейся от многочисленных поделок такого рода, встречаемых в Дербенте, прекрасным художественным оформлением. Это первая находка курительной трубки в слоях столь раннего периода (табл. VII, 6).

Надо отметить и многочисленные поделки из кости, среди которых выделяется обкладка рукояти ножа с арабской цифрой 5 у ее основания, и бусину, украшенную с обеих сторон концентрическими окружностями. Снаружи на ней сохранились следы краски. Подобные бусины имеются в материалах средневековых памятников Хорезма (табл. VII, 5).

Особый интерес представляет керамика, связанная с уровнем IV известкового поля и периодов прекращения функционирования здания на четвертом этапе его обживания.

Керамика этого слоя многочисленна и разнообразна. Значительный процент ее составляет поливная. Остановимся на некоторых наиболее выразительных фрагментах. Выделяется чаша на низком кольцевом поддоне с расходящимися под небольшим углом стенками, довольно резко перегнутыми у венчика. Венчик имеет верхний горизонтальный край, слегка профилированный и выступающий наружу. Диаметр венчика 31,2 см, диаметр кольцевого поддона 9,4 см, толщина стенок 0,8—0,9 см. Чаша внутри покрыта темно-зеленой пятнистой поливой с грязно-табачным оттенком, орнаментирована толстыми радиальными полосами и кругами белого ангоба. По форме и приемам орнаментации ее можно было бы отнести к IX—X вв., однако цвет и качество поливы

позволяют нам датировать ее, исходя из закавказских и среднеазиатских аналогий, XII—нач. XIII вв.

Аналогична ей по форме, но с несколько более выступающим кольцевым поддоном, другая чаша немного большего размера, чем первая (табл. IX, 6). Диаметр венчика этой чаши 28,8 см, диаметр кольцевого поддона 13,4 см, высота поддона 0,8 см, толщина стенок 0,8—1 см. Внутри чаша покрыта светло-желтой прозрачной поливой, нанесенной по толстому слою белого ангоба, и орнаментирована нечеткими темно-коричневыми радиальными линиями. Поддон снизу также покрыт поливой, характерной для Дербента XI—XII вв.

Очень похожа на описанную по орнаментации другая чаша с более низким кольцевым поддоном и почти горизонтально расходящимися стенками, резко перегибающимися у венчика (табл. IV, 7). Венчик не выделен и слегка заострен в верхней части, диаметр его 21,2 см, диаметр донца 10,4 см, толщина стенок 0,85 см; тесто розовое, хорошей отмучки, обжиг равномерный. Чаша внутри покрыта желто-зеленоватой поливой, нанесенной по слою белого ангоба и орнаментирована темно-коричневыми полосами.

Следует также отметить небольшую тонкостенную чашечку полусферической формы с довольно широкой фаской на стенках (табл. VIII, 6). Венчик прямой, невыделенный, заостренный кверху, диаметр его 10 см, донце не сохранилось; толщина стенок 0,3—0,4 см, тесто красноватого цвета, очень хорошей отмучки и обжига. Внутри чашечка покрыта темно-коричневой густой поливой хорошего качества. Она датируется нами XII в., хотя может быть отнесена и к более раннему периоду.

Представляет интерес и другая чаша, покрытая желтой поливой по белому ангобу (табл. IX, 7). Стенки чаши полусферической формы резко перегнуты у венчика. Венчик не выделен и при этом слегка заострен кверху, диаметр его 28,4 см. Чаша орнаментирована беспрерывными спиралями и завитками, процарапанными по ангобу до непокрытого черепка, что придает им коричневый цвет. По форме, цвету и орнаментации эту чашу, исходя из аналогий с керамикой Орен-калы, Мерва, Тмутаракани и других средневековых городищ, мы датируем XII—XIII вв.

Среди керамики этого слоя обращает на себя внимание небольшая поливная чаша на невысокой кольцевой ножке (табл. IV, 3). Стенки чаши довольно резко расходятся от дна, а затем перегибаются и идут вертикально вверх. Венчик чаши не выделен и заострен кверху, диаметр его 10,5 см, диаметр донца 5,5 см, высота кольцевой ножки 0,7 см, толщина стенок 0,4—0,6 см. Чаша снаружи и внутри покрыта светло-зеленой поливой, нанесенной по тонкому слою белого ангоба. Снаружи стенки чаши покрыты поливой только до места перегиба, до этого же

места нанесено покрытие ангобом, снаружи — более толстым слоем. Кроме того, стенки снаружи покрыты процарапанным орнаментом в виде двойных вертикальных полосок, между которыми нанесены трилистники коричневого цвета. По наружному краю венчика идут две тонкие горизонтальные полоски. Всего на чаше семь трилистников и четырнадцать двойных вертикальных полос. По форме, орнаментации, цвету и качеству поливы мы датируем чашу XII — началом XIII вв.

Очень интересен фрагмент прекрасной кашиновой чаши с подглазурным орнаментом (табл. IX, 1). Диаметр невыделенного венчика 17 см, толщина стенок 0,6 см. Тесто светлое, пористое, легко разрушается. Чаша с двух сторон покрыта толстым слоем прозрачной глазури (погашенная?), под которой темно-коричневой и синей краской нанесена роспись. Снаружи чаша орнаментирована тонкими двойными вертикальными коричневыми полосами, заканчивающимися двойными дугами и синими беспорядочно разбросанными точками. Внутри чаша орнаментирована несколькими горизонтальными поясами растительного и геометрического орнамента, включающего сетку из голубых полос, заключенную между двумя параллельными коричневыми линиями, переплетение трилистников и многолепестковых цветов, точки и овалы, выполненные темно-коричневой краской. Керамика подобной орнаментации довольно редка в Дербенте и является, видимо, привозной, скорее всего иранской. По аналогиям с кашинской керамикой XII—XIV вв. Орен-калы, Мерва, Нисы, Хорезма, мы датируем этот фрагмент XII—XIII вв.

Неполивная керамика этого слоя также очень разнообразна. Вся она в основном красноглиняная и сделана на гончарном круге.

Здесь особо следует выделить большую плоскодонную чашу с резко расходящимися от дна прямыми стенками. Диаметр венчика 33,8 см, диаметр донца 14,3 см, высота чаши 13,3 см. Венчик чаши утолщен наружу и заострен кверху, но внизу он орнаментирован глубокой врезной линией. Тесто розовое, хорошей отмучки, обжиг равномерный, толщина стенок 1 см, толщина венчика 1,4 см. Подобная форма чаш широко распространена с раннего средневековья и дожила в козливной керамике Закавказья до XII—начала XIII вв. Исходя из датировки всего комплекса керамики четвертого периода обживания, мы датируем эту чашу XII—началом XIII вв.

Очень интересен небольшой красноглиняный котел округлой формы (табл. X, 7). Венчик котла слегка утолщен и имеет верхний край с горизонтальной поверхностью. Диаметр венчика 9 см, наиболее широкой части тулова 11,4 см, дно у котла не сохранилось. По верху котел скромно орнаментирован тонкими параллельными вдавленно-врезными линиями. Чуть ниже венчика имеется овальный выступ-держалка для установки котла на огонь. Тесто красное, хорошей отмучки, обжиг

ровный; толщина стенок 0,4 см, толщина венчика 0,8 см. Снаружи стенки котла закопченные. Подобные миниатюрные котлы из других мест нам не известны, так же как и не ясно их назначение, но их форма, орнаментация, форма и крепление ручки-держалки находят аналогию с котлами XI—XIII вв. Орен-калы и Дербента.

Следует отметить также узкогорлый кувшин с округлым туловом (табл. IX, 4), типичный для кувшинов XI—XIII вв. и имеющий многочисленные аналоги в керамике Байлакана, Двина, Мерва, Нисы, Хорезма и других областей.

Анализируя керамический материал с уровня IV пола, мы должны отметить высокое качество как поливных, так и неполивных изделий, их большое количество и разнообразие. Полива в основном зеленого и желтых тонов с различными оттенками. Она высокого качества и нанесена в основном по белому ангобному покрытию. Иногда встречается роспись белым ангобом, в виде кругов и линий, или марганцевые коричневые небрежные полосы, нанесенные до покрытия поливой. Этот прием более характерен для IX—X вв., но сохранился в поливной керамике Дербента и в XII—XIII вв. Гораздо чаще встречается орнаментация посуды спиральными и растительными узорами, процарапанными по толстому слою ангоба до непокрытого черепка — способ гравировки. Основными формами поливной посуды являлись глубокие чаши, блюда, небольшие чашечки. Неполивная посуда довольно проста, зачастую очень скромно орнаментирована или без орнамента. Основные формы — глубокие плоскодонные чаши и узкогорлые плоскодонные кувшины.

Керамический комплекс, связанный с IV полом, мы датировем XII—началом XIII вв., следовательно, четвертый период обживания здания и прекращение его функционирования приходится на это время.

Археологические раскопки богатого жилого здания у южной городской стены полностью подтвердили многочисленные сведения арабских авторов о Дербенте. Материалы, добытые в результате раскопок, и архитектура здания служат ярким показателем социальной и экономической жизни города.

Результаты археологических исследований в Дербенте убедительно свидетельствуют, что в период арабского господства город стал не только самым мощным опорным пунктом арабов на Кавказе, но и крупнейшим торгово-ремесленным центром.

Прекрасные образцы поливной и неполивной посуды, обнаруженной при раскопках здания, ярко свидетельствуют, что средневековые гончары Дербента развивали и приумножали лучшие традиции керамистов Переднего Востока, Средней Азии и Закавказья. Дербент выступает в этот период как один из своеобразнейших и высокоразвитых торгово-ремесленных центров Ближнего Востока, Средней Азии и За-

кавказья, культурное, экономическое и идеологическое влияние которых он постоянно ощущал. Анализ керамического материала и других предметов, добытых при раскопках здания, указывает на обширные и интенсивные связи Дербента с государствами этих областей.

Как показали раскопки, Дербент, описанный в средневековых источниках как крупнейший торговый центр на Кавказе, действительно был в VIII—XIII вв. таковым. Китайский селадон и фарфор, иранский люстр и кашин, импортные предметы украшения, посуда и изделия из кости, обнаруженные при раскопках здания, служат ярким показателем широких связей Дербента с многими странами Востока и Закавказья.

Раскопками было установлено также, что из четырех этапов обживания здания, относящихся к VIII—XIII вв., наиболее интенсивный приходится на IX—нач. XI вв. (второй период), что полностью соответствует данным письменных источников, единодушно отмечавших, что в IX—X вв. Дербент был самым крупным и развитым городом Закавказья, превосходившим Ардебиль и Тифлис, рядом с ним арабские авторы могли поставить лишь Бердаа.

Материал здания (жженный кирпич) очень редок в архитектуре Дербента и, кроме отдельных частей в Джума-мечети, представлен лишь в одном архитектурном комплексе цитадели, вскрытом в 1974—1975 гг. Богатство керамического материала, обнаруженного при раскопках, многочисленные предметы украшения и монеты, найденные здесь, а также большое количество импортной посуды, использовавшейся в быту его обитателей, красноречиво свидетельствуют о их высоком социальном положении.

Видимо, не вызовет сомнения предположение, что столь впечатляющая для средневекового Дербента постройка (где жилые средневековые строения представлены в основном небольшими однокамерными домами из бутового камня), вряд ли могла принадлежать рядовому горожанину. Уместно предположить, что это здание являлось жилищем одного из представителей самой высокопоставленной знати феодального Дербента, возможно, принадлежавшего к неоднократно упоминаемым средневековыми источниками рансам.

Богатое здание из жженого кирпича, вскрытое у южной городской стены Дербента, является уникальнейшим памятником бытовой средневековой архитектуры Кавказа VIII—XIII вв. и ценнейшим источником для характеристики экономической, культурной, торговой и социальной жизни средневекового города Дагестана.

К ИСТОРИИ ХОЗЯЙСТВА НАРОДОВ ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА

(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ)

Как явствует из истории, человечество, выделившееся из животного мира, на протяжении длительного времени обходилось тем прожиточным минимумом, который оно получало в результате собирательства и охоты. Выделение пастушеских племен из отсталой массы варваров Ф. Энгельс расценивал как первое крупное общественное разделение труда¹. В настоящее время это указание одного из основоположников марксизма трактуется советскими исследователями применительно не только к скотоводству, но и к производящему хозяйству в целом. Поэтому, под первым общественным разделением труда понимается выделение и скотоводов и земледельцев, т. е. оформление раннеземледельческого хозяйства. Таким образом, скотоводство сопутствует человечеству с колыбели, и оно обязано ему, наряду с земледелием, своим существованием, биологическим и общественным развитием, сложением первых форм собственности, накоплением богатств, социальным расщеплением и классовобразованием. Особенно велика была роль скотоводства у кочевых народов и отставших в своем развитии (по разным причинам и обстоятельствам) народов пустынных, отдаленных или горных областей. Жизненная и социальная роль скотоводства здесь довольно велика, и его изучение проливает свет не только на историю хозяйства, но и социально-экономическую и политическую историю, быт, культуру, искусство.

Домашние животные — волы, лошади, коровы, овцы, козы, буйволы, ослы — в целом представляли важнейшую отрасль хозяйственной жизни горцев. Продукты скотоводства: молоко, масло, шерсть, кожа и т. д. составляли не только пищу и одежду населения, но и являлись еще исстари основным источником обмена между людьми. Поэтому в благоприятных природно-климатических условиях Дагестана скотоводство наряду с земледелием еще с неолитических времен² стало одной из ведущих отраслей в хозяйстве местного населения.

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1952, стр. 165.

² В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Неолитическая стоянка близ г. Буйнакская (Дагестан) КСИИМК, 67, 1967, стр. 78—81.

О развитии многоотраслевого скотоводческого хозяйства на территории Дагестана, и в частности его южной части, свидетельствуют остеологические материалы различных поселений и могильников, относящихся к энеолиту³ и медно-бронзовому веку⁴.

Этот период для Дагестана характеризуется развитием скотоводства в сторону увеличения крупного рогатого скота, о чем бесспорно свидетельствуют остеологические материалы, показывающие соотношения крупного и мелкого рогатого скота как 1:1,6 и 1:2,5⁵, тогда как обычно пропорциональное соотношение их равно: 1:6. Такая же тенденция преобладания крупного рогатого скота вырисовывается и при анализе остеологического материала Макинского поселения VII—IV вв. до н. э.⁶ Это не удивительно, если учесть резко возросшую в ту пору потребность в тягловой силе, обусловленную широким освоением новых площадей под земледелие.

Приблизительно такое же соотношение сохраняется в скотоводстве обитателей Южного Дагестана, с небольшими колебаниями в ту или другую сторону, до образования устойчивых политических объединений. После их образования (X—XV вв.) и с окончанием вторжений и переселений создаются более благоприятные предпосылки для географического разделения труда. Плоскость и предгорье становятся главными очагами земледелия с преобладанием крупного рогатого скота, особенно рабочих волов, необходимых для бурно развивающегося земледелия, тогда как горы, преимущественно верхнее нагорье (Фий, Маза, Куруц, Борч, Хнов и т. д.), специализируются на овцеводстве. Здесь недостаток пригодных под посев земель, суровый климат и наличие довольно богатых летних пастбищ способствовали развитию скотоводства, с преобладанием мелкого рогатого скота.

Целью нашей статьи является восполнить в какой-то степени пробел в изучении одной из важнейших отраслей скотоводства — овцеводства Южного Дагестана, определить основные вехи в его развитии и значение в системе хозяйственно-экономической деятельности жителей данного этно-региона, а также показать их опыт и традиционные навыки по уходу и содержанию мелкого рогатого скота. Однако отсутствие исследований по затрагиваемой проблеме, как и обо всем скотоводческом хозяйстве Южного Дагестана, значительно затрудняет эту задачу.

Впервые обстоятельная работа по изучению дагестанских овец

³ В. Г. Котович. О хозяйстве населения горного Дагестана в древности. СА, 1965, № 3, стр. 7.

⁴ Там же.

⁵ В. Г. Котович. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане. УЗ ИИЯЛ, т. IX. Махачкала, 1961, стр. 292.

⁶ Там же.

была проведена в 1913 г. исследователем кавказского скота А. Калантаром. Он выделил здесь три основные группы. Первая объединяет аварских, даргинских, андийских и верхнесамурских, т. е. все группы овец, разводимых в горном Дагестане. Ко второй он относит нижнесамурскую или табасаранскую породу, распространенную преимущественно в низменных и предгорных частях Кюринского, Кайтаго-Табасаранского округов (в тексте Табасаранский — М. Г. Г.) и частично в Кубинском уезде Бакинской губернии. В третью группу Калантар включает погайскую породу, культивируемую в основном в плоскостной и частично предгорной зоне⁷.

Классификация Калантара относительно нижнесамурских овец была подтверждена последующими исследователями: В. А. Близниченко, А. И. Патаниной, Я. Я. Лусс⁸ и другими.

Характерными внешними признаками нижнесамурской овцы являлись: сравнительно небольшой рост, грубая, но пригодная для дагестанского ковроделия шерсть — темного, белого, коричневого и нередко смешанного цветов, большой курдюк и вкусное мясо. Для овец этой породы характерны также короткая шея и маленькая голова, сравнительно небольшой объем и рост. Нос горбатый, ноги тонкие, сухие. Курдюк аккуратно подобранный, слегка округленный с низко поставленными зеркалами⁹. Овцы этой породы отличались неприхотливостью к корму, выносливостью при ходьбе на дальние расстояния, морозоустойчивостью. Разновидности этой породы овец встречаются в Дагестане и в настоящее время; она разводится из-за шерсти, идущей в основном для изготовления лезгинских ковров.

Как видно из приведенной характеристики нижнесамурская порода овец обладала довольно хорошими качествами как по своей конструкции, экстерьеру, так и в мясо-молочном отношении. Поэтому, как отмечает И. Калугин, во многих окружающих районах Азербайджана, в частности в Закавказском округе, Казахском, Нухинском уездах, нередко пастухи с целью улучшения породности овец прибегали к гибридизации распространенной там нижнесамурской, впоследствии лезгинской породы овец с тушинской и в результате многих усилий вывели улучшенную породу под названием Эрик¹⁰.

Аналогичная работа по улучшению местных пород овец путем сме-

⁷ А. А. Калантар. Характеристика кавказских пород овец. «Труды I Всероссийского съезда по овцеводству». Тифлис, 1913, К X, 1913, № 19, стр. 14—22.

⁸ В. А. Близниченко, А. И. Патанина. Дагестанская горная порода овец. Махачкала, 1967, стр. 12—13; Я. Лусс. Овцы нагорного Дагестана. «Сельское хозяйство горного Дагестана». М., 1940, стр. 180.

⁹ А. А. Калантар. Указ. соч., стр. 16—17; «Каспий», 1895, № 53.

¹⁰ И. А. Калугин. Исследование современного состояния животноводства Азербайджана, т. IV. Овцы, козы, свиньи, 1930, стр. 18.

нения их с тонкорунными велась и в Кайтаго-Табасаранском округе, особенно в его нагорной части, где овцеводство получило довольно большое распространение.

Наряду с этим местная порода овец улучшалась за счет внутренних резервов, путем систематического отбора животных с учетом природно-климатических условий края. Так, у нижнесамурской породы овец выработались крайне необходимые в условиях гор качества, перечисленные выше. Именно эта порода, созданная пытливым умом народа, постоянными поисками овцеводов-чабанов, хорошо владевших народными селекционными навыками, знавшими прихоти и повадки животных, выдержала испытание временем и широко распространилась в суровых условиях гор.

В газете «Каспий» 1895 г. говорится, что в Кюринском округе «как в горах, так и на низменности, разводятся исключительно местные курдючные породы: в горах — Касмань, отличающаяся большим размером, выносливостью и, вообще, крепостью; преобладающая масть белая, курдюки у них круглые, широкие, сала много, мясо нежное, шерсть длинная, мягкая, шелковистая; а на низменности Церов¹¹. Эта порода по размерам намного меньше, преобладающая масть сероватая, курдюки у них продолговатые и сала меньше, вообще по доброкачественности они уступают первым, и потому ценятся ниже. Первые покупаются на местном рынке по 6—7 руб. за штуку, а вторые идут по цене в 5 руб.»¹².

Лучшими овцами для ремонта стада считались матки после второго окота, уже показавшие свои хорошие качества (рождаемость двойня, хорошее здоровье ягнят и качество шерсти, способность к пастбищу, сохранение упитанности и пр.).

При ремонте стада к пополнению числа маток за счет первоокотных овец прибегали редко — в случае падежа большого количества овцематок, старости или болезни, ибо первоокотные овцы редко дают двойнят и сравнительно большой отход потомства. В целом, при выборе овец для ремонта стада руководствовались следующими признаками: хороший рост, экстерьер и качество шерсти, плодовитость, быстрота нагуливания жира и сохранение его.

При всем этом для многих овцеводов, особенно в цахурских, рутульских селениях неотложным правилом являлось сохранение наследственности отродья («жинс») хороших овец. Потомки таких овец, проверенные на практике, нередко переходили от отца к сыну и назывались именем хозяина, как например, жинс Магомеда, Курбана и пр. В от-

¹¹ Нижнесамурскую породу овец народы Южного Дагестана называли по-разному (лезгинцы — цирев, гьедек; табасаранцы — касман, гад; рутульцы — цртбур и т. д.).

¹² «Каспий», 1895, № 53.

дельных случаях такие именные названия животных, в том числе крупного рогатого скота, сохранялись в виде клички даже при продаже их в другое селение.

Осенью происходит один из ответственных моментов в овцеводстве — случка, от правильного и своевременного проведения которой в основном зависит как прирост овцепоголовья, так и сохранение его качества. Поэтому животноводы прилагали большие усилия по уходу и содержанию овец в случной период, практиковали почную пастьбу на лучших пастбищах с тем, чтобы они нагуляли максимум жира.

Богатый народный опыт помогал чабанам умело регулировать случку и приурочивать ягнение овец к нужному календарному сроку с учетом капризов природы. Ягнение овец в основном приурочивали к весеннему периоду (март, апрель, начало мая месяцев), т. е. к потеплению и появлению зеленой массы. Поэтому, начиная с августа-сентября и до начала случной кампании, производителей содержали отдельно от овцематок.

Бедняцкие и средняяцкие массы, имевшие небольшое овцепоголовье из-за больших расходов, связанных с перегоном овец на разносезонные пастбища, содержали его дома и старались приурочить ягнение к зиме. Ягнота раннего окота, если удавалось их вырастить в условиях зимней бескормицы и холода, бывали рослыми и плодились в более раннем возрасте. Совершенно нежелательным в овцеводческой практике является осенне-летний окот овец, происходивший из-за недосмотра чабанов при случке.

К случке допускались самки в возрасте от 1,5 до 6—7 лет с учетом данных комплекции, масти, плодовитости. Овцематок, приносящих двойню и тройню, содержали отдельно, давали им мучные отруби, пшеничку и прочее, а главное не подвергали расходу.

Выбор барана производителя был особенно тщательным. Основные требования овцеводов сводились к следующему: хороший экстерьер, масть преимущественно белая и черная, половая активность, способность быстро нагуливать жир и сохранять упитанность. Бараны-производители при потере вышеуказанных качеств по каким-либо причинам (возраст, болезни, половая пассивность) подвергались сразу выхолощиванию путем выворачивания семеников или кастрации путем толчения.

После пуска производителя в стадо случка происходила вольно, с расчетом один производитель на 15—20 овцематок. Такая случка овец почти исключала яловость в отаре, ибо хороший уход и содержание овец, достаточное количество баранов-производителей благоприятствовали активному плодonoшению.

Предметом особой заботы овцеводов являлись ягнота, требовавшие от чабана хорошего ухода и содержания. Как известно, в овцеводче-

ской практике немало случаев отказа овец от собственного ягненка. Одна из причин этого — частое прикосновение людей к новорожденному. То же самое происходит и после долгой разлуки матки с ягненком. Матки часто погибали от тяжелого ягнения, в таких случаях чабаны подсаживали ягнят к другим овцематкам. Делалось это следующим образом: если процесс ягнения происходил одновременно у нескольких овцематок, то ягнят-сирот сразу смазывали послеплодной жидкостью приемной матки и подпускали к ней. При одновременном ягнении новорожденных обрызгивали соленым водным раствором и затем подпускали к матке.

Наряду с этим у рутульцев и лезгин высокогорных селений Фий, Маза, Куруш было принято заворачивать новорожденного в шкуру погибшего ягненка той матки, к которой его подпускали.

Цахурские животноводы для таких целей копали прямоугольную яму с небольшим углублением, длиной 70—80 и шириной 50—60 см и сажали туда овцематку с ягненком. В такой тесноте овца не могла двигаться и постепенно привыкала к чужому ягненку.

Были и другие приемы, основанные на страхе овец; например, лезгинские или табасаранские овцеводы заворачивались в лохматую шубу и двигались на четвереньках. Овца, испугавшись, замирала на месте, и тем временем к ней подпускали ягненка. С этой же целью опытные чабаны привязывали овцематку рядом с собакой — залаяв, она пугала овцу, а ягненок спокойно сосал молоко.

В больших отарах в течение одних суток могло родиться более сотни ягнят. Опытные чабаны по внешним признакам определяли время окота овец и тщательно следили за каждой маткой. В период окотной кампании организовывалось круглосуточное дежурство чабанов. Если слабая матка приносила двойню (что бывало в очень редких случаях), а другая здоровая — одиноца, то от слабой брали одного поворожденного и подсаживали к здоровой.

Зная трудности окотной кампании и придавая ей огромное значение, овцеводы сравнивали этот отрезок времени с моментом сбора урожая на полях. По образному выражению чабанов, наступали горячие дни жатвы, от которых зависела судьба будущего урожая, т. е. благополучие овцеводов и самих чабанов. Поэтому состоятельные овцеводы в этот период на помощь чабанам нанимали еще 1—2 человек.

В предгорной и отчасти горной зонах лезгины и табасаранцы содержали объегнившихся маток вместе с приплодом 10—15 дней (иногда и больше, в зависимости от погодных условий) вблизи своего коша на кутанах. При нормальном окоте и обеспеченности молоком ягнота росли довольно быстро и через 20 дней паслись в общей отаре, добывая себе зеленый корм вместе с матками. Скотоводы указанных зон доение овец до перегона на летние пастбища не практиковали.

Как отмечено выше, в верхнегорной зоне — у лезгин, цахурцев и рутульцев перегон овец на зимние пастбища совершался сравнительно раньше и наоборот на летние пастбища значительно позже. Здесь перегон овец, независимо от расстояния в пути (50—60 суток), длился тем дольше, чем больше и лучше пастбищ встречалось вдоль перегонной трассы.

Животноводы верхнегорной зоны отделяли новорожденных от овцематок через несколько дней, содержали их в специальных теплицах и подпускали к овцематкам в течение первой недели три раза в день — рано утром, перед выгоном стада на пастбище, в полдень и вечером, после доения овец. Через 15—20 дней, уже достаточно окрепшие ягнята содержались в отдельной отаре около коша и кормились молоком матки один раз, обычно в полдень или вечером после доения овец.

В целом, на основе общепринятого способа содержания молодняка у народов Южного Дагестана, ягнята пользовались маточным молоком не вволю, а по усмотрению хозяев, которые руководствовались как степенью крепости организма молодого животного, так и своими нуждами. Но главным было стремление укрепить еще слабый организм новорожденных. На ночь молодняк отделяли от овцематок, при этом руководствовались следующими соображениями: доением овец, получением здорового, закаленного приплода и спасением последнего от давки, поскольку овцы имеют обыкновение, особенно в жаркое время тесно сгущиваться.

По мере накопления сил и с появлением нежной весенней зелени ягнята все больше и больше находились на подножном корме и все больше крепились. В плоскостной, предгорной и отчасти горной зонах, населенных преимущественно лезгинами и табасаранцами, ягнята, питаясь подножным кормом, одновременно продолжали сосать своих матерей вплоть до августа месяца, хотя на их долю в эту пору приходилось совсем немного молока, ибо на летних пастбищах чабаны с большой тщательностью доили овец и надои молока резко понижались к этому периоду.

Особенно большие хлопоты с ягнятами были весной, в период перегона овец на летние пастбища. Еще неокрепший организм, отсутствие привычки к длительной ходьбе утомляли молодняк. Поэтому чабаны при возможности старались иметь несколько вьючных животных (лошадей, ослов), чтобы дать отдых изнуренным тяжелой дорогой ягнятам. Точно так же поступали чабаны при переправе ягнят через речки.

Вступив на горные пастбища, чабаны медленно двигались вверх, делая небольшие привалы или задерживаясь несколько дней на одном месте, в зависимости от травостоя на пастбищах. Замученные в условиях тяжелой зимы, уставшие от длинной и изнурительной дороги, чабаны с радостью встречали родные и обжитые места, где находили

кратковременный приют в своей сакле после долгой разлуки с семьей. После кратковременного отдыха и завершения весенней стрижки (май) овец опять перегоняли на субальпийские и альпийские яйлаги, обычно первый период лета скотоводы проводили на субальпийских лугах, а второй — на альпийских. В первый период лета преимущественно стравливались пастбища, расположенные на южных экспозициях, ибо они рано освобождались от снега и на них быстрее появлялась трава.

С наступлением летней жары в первой половине дня, особенно утром овец пасли на солнечной стороне, ибо здесь сравнительно быстро высыхала утренняя роса¹³, во второй половине дня — в теневой стороне, что способствовало активному поеданию корма¹⁴.

Помимо этих основных пастбищ жители Южного Дагестана оставляли на летних и зимних пастбищах запасные площади¹⁵ — «курахи» для больных и слабых животных, имевшие большое значение в скотоводческом хозяйстве. «Курахи» спасали скот от гибели в тот период, когда он был не в состоянии добывать корм из-под снега и когда трава еще не пробилась, эти дни были самыми трудными для скота и самый большой падеж животных приходился на этот период. Помимо этого, надо иметь в виду, что апрель и начало мая — время подготовки перегона овец на летние пастбища, для чего необходим был дополнительный уход и подкормка животных к предстоящей трудной дороге после зимней бескормицы.

Почти во всех селениях имелись весенние пастбища, расположенные в основном на южных экспозициях у пойм рек и в долинах гор, рядом с сенокосами и другими сельскохозяйственными угодьями. Более состоятельные скотоводы, имевшие по 1000 и более овец, арендовали весенние пастбища также в плоскостной и предгорной зонах; часто целые селения обменивали летние пастбища на зимне-весенние. Такой обмен практиковался, например, между селениями Сыртич и Кужник, Кучюр и Ашага-Картас и др. Для заключения этой взаимовыгодной сделки, которая происходила в устной форме, сельский сход выделял из своей среды несколько человек, заключавших договор с учетом земельной площади, наличия водных источников, травостоя и характера местности.

Имелись и другие формы аренды, в частности, хозяин или сельское общество, объявляли цену на пастбищные участки и отдавали их в пользование тому, кто больше платил. Полученные средства шли

¹³ По существующему в народе мнению, овцы редко едят траву, покрытую утренней росой.

¹⁴ На солнце овцы более пассивны к еде, ищут тень и прячутся в тень друг друга.

¹⁵ Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсандов. Указ. соч., стр. 140.

в казну общества и использовались на постройку и ремонт дорог, мостов и удовлетворение других нужд сельского джамаата. Оплата производилась как натурой (овцами), так и деньгами. Так, например, общество сел. Шиле отдавало свои горные пастбища «Джуфдаг» в аренду кайтагцам и полученные деньги делило по дымам. Подобные случаи практиковались и в других табасаранских селениях: Решит, Тураг и т. д. Аналогичные виды аренды практиковались и у даргинцев¹⁶.

Умудренные опытом ведения животноводческого хозяйства горцы старались делить как зимние, так и летние пастбища на отдельные участки, овец пасли на них один-два дня, и по мере стравливания травы, перегоняли на другой.

Преимущество такого выпаса животных бесспорно. Оно способствовало рациональному использованию кормовых ресурсов края, быстрому жиरोотложению животных и облегчало выпас скота, постоянно находившегося в поле зрения чабана.

Плата за тяжелую, полную лишений работу чабана была незначительной. Она выплачивалась в зависимости от стажа работы и категории чабана: старшему давали за сезон 12—15 овец, среднему — 10—12 и младшему — 8—10 овец с приплодом, одну пару одежды и питание. За случайный падеж высчитывали из жалования чабана; иногда, проработав несколько лет подряд, он получал мизерную оплату. Кроме пастбы и ночной охраны чабаны должны были производить стрижку и дойку овец. Тяжесть труда чабанов усугублялась отсутствием элементарных бытовых удобств, в том числе постели, которую заменяла бурка, защищая от дождя и холода. Если сырые, грязные, холодные, темные помещения и отсутствие медицинской помощи были главными причинами, уносившими множество жизней горцев, то отсутствие квалифицированной ветеринарной помощи являлось причиной гибели скота.

Таким образом, овцеводство, сложившись как одна из ведущих отраслей скотоводства, получило значительное распространение в Южном Дагестане. Предпосылкой к этому послужили, с одной стороны, природно-географические условия, физико-биологические особенности и экономическая выгодность овцеводства, с другой — сложившиеся многовековые традиции и навыки его ведения. Однако следует отметить, что недостаточность кормовой базы, отсутствие правильной селекционной работы при низком уровне зоотехнических и ветеринарных знаний, являлись серьезным тормозом в интенсивном развитии овцеводства.

¹⁶ М. - З. О. Османов. Хозяйство даргинцев в XIX—XX вв. Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфиллиала АН СССР, ф. 3, оп. 3, д. 184, л. 72.

Список сокращений

АО	— Археологические открытия
ЛЭС	— Археолого-этнографический сборник
ВДИ	— Вестник древней истории
ЖМНП	Журнал Министерства Народного Просвещения
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
МАО	— Московское археологическое общество
МАД	— Материалы по археологии Дагестана
МАДИСО	— Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
МАК	— Материалы по археологии Кавказа
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИСК	— Материалы и исследования Ставропольского края
МХЭ	— Материалы Хорезмской экспедиции
ОАК	— Отчет археологической комиссии
РФ ИИЯЛ	Рукописный фонд Института истории, языка и литературы
СА	— Советская археология
СЛИ	— Свод археологических источников СССР
СГАИМК	Сообщения Гос. Академии истории материальной культуры
СМОМПК	Сведения и материалы для описания местностей и племен Кавказа
Тр. АС	— Труды Археологического съезда
Тр. ГИМ	— Труды Государственного исторического музея
Тр. КЧНИИ	— Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского Института
Тр. ЧИНИИ	— Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института

СОДЕРЖАНИЕ

М. Г. Магомедов. Верхнечирюртовский могильник	5
М. Г. Магомедов. К вопросу о происхождении культуры Верхнечирюртовского курганного могильника	36
М. П. Абрамова. Большой Буйнакский курган	54
А. А. Кудрявцев. Раскопки богатого средневекового здания в жилом квартале средневекового Дербента	74
М. - Г. А. Гаджиев. К истории хозяйства народов Южного Дагестана (по материалам археологии и этнографии)	164

Замеченные опечатки в книге «Археологические памятники»

Стр.	Строка	Напечатано	Читать
84	20 св.	утверждать	утверждать
»	20 св.	обжигание	обживание
100	4 св.	чааш	чаша
111	13 св.	угодиями	угодьями

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ Р. ИИИЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ДАГЕСТАНА (Сборник)

Редактор З. А. Колмакова
Технический редактор П. А. Эльдарушева
Корректор З. М. Омарова

Сдано в набор 20/X-1977 г., Подписано к печати 23/XII-1977 г.
Формат 70×90^{1/16}. Печ. л. 7,25. Уч.-изд. л. 7,5. Заказ 559. Тираж 500 экз.
Цена 57 коп. С03261.

Типография Дагестанского филиала АН СССР,
Махачкала, 5-й жил. городок, корпус 10.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Цена 57 коп.